

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Шатин Владимир Юрьевич

**ФОНЕТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КОСТРОМСКИХ ГОВОРОВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Е.А. Галинская

Москва – 2023

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Ударный вокализм.....	15
1.1. Вопрос о фонеме <ѐ>	15
1.2. Вопрос о фонеме <ô>	34
1.3. Результаты перехода [е] в [о]	36
1.4. Изменение [а] в [е]	40
Глава 2. Безударный вокализм.....	43
2.1. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова.....	43
2.1.1. Первый предупредительный слог	43
2.1.2. Второй и другие предупредительные слоги.....	48
2.1.3. Заударные слоги	50
2.1.4. Неконечный слог	50
2.1.5. Конечный открытый слог	52
2.1.6. Конечный закрытый слог	54
2.2. Позиция после парных мягких согласных.....	55
2.2.1. Вопрос о фонеме <ѐ> в безударной позиции.....	56
2.2.2. Первый предупредительный слог	61
2.2.3. Второй и другие предупредительные слоги.....	70
2.2.4. Заударные слоги	73
2.2.5. Неконечный слог	74
2.2.6. Конечный открытый слог	77
2.2.7. Конечный закрытый слог	80
Глава 3. Консонантизм	83
3.1. Губные спонты.....	83
3.1.1. Реализация фонемы <в> в слабых позициях	83
3.1.2. Предлог ув.....	89
3.1.3. Протетическое и эпентетическое [в]	91
3.1.4. Фонема <ф> и ее замены	95
3.2. Заднеязычные согласные	99
3.2.1. Качество фонемы <г>	99
3.2.2. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных.....	106
3.3. Качество <ш> и <ж>	110
3.4. Долгие (сложные) шипящие согласные	113
3.5. Аффрикаты.....	123

3.5.1. Качество <ц>.....	123
3.5.2. Качество <ч>.....	128
3.6. Конечные губные согласные.....	131
3.7. Непозиционная мена твердых и мягких согласных.....	132
3.8. Непозиционная мена глухих и звонких согласных.....	142
3.9. Поведение твердых согласных фонем в позиции сандхи перед <и>.....	146
3.10. Позиционное оглушение согласных.....	149
3.10.1. Ассимиляция последующему согласному.....	149
3.10.2. Позиция конца слова.....	152
3.11. Ассимиляция согласных (кроме ассимиляции по глухости-звонкости).....	154
3.12. Диссимляции согласных.....	155
3.13. Упрощения групп согласных.....	165
Заключение.....	179
Литература.....	183

Введение

Севернорусские диалекты XVII в., в том числе их фонетические особенности, уже не раз становились предметом внимания ученых. На материале памятников деловой письменности были исследованы белозерско-бежецкие [Бегунц 2006], вологодские [Копосов 1971], великоустюжские [Сущева 1974], галичские говоры [Грехова 1966; Грехова 1966а], говоры северо-восточной новгородской периферии [Галинская 2002], шенкурский и холмогорский диалекты [Лопухина 2011], однако костромские говоры в севернорусском диалектном ландшафте до сих пор представляют собой лакуну.

Исследование проводилось на материале Костромской отказной книги 1619–1634 гг., данные деловой письменности сопоставлялись с данными современных говоров, отраженными в фонетическом томе «Диалектологического атласа русского языка» [ДАРЯ 1], а также с архивными диалектными записями из фонотеки ИРЯ им. В.В. Виноградова и с диалектными записями, представленными в «Электронной библиотеке русских народных говоров».

Отказные книги появились в результате деятельности центральных и местных приказных учреждений и получили свое название потому, что содержат акты передачи поместий либо вотчин служилым людям («отказы» или «отделы»). Наиболее многочисленны в их составе (при общем периоде с конца XVI по XVIII столетие) документы XVII в. Первым на необходимость историко-диалектологического изучения этих источников обратил внимание С.И. Котков. Под его руководством и при его непосредственном участии была подготовлена и осуществлена первая научная публикация южнорусских отказных книг XVII в. В отказных книгах имеются прямые указания на то, что их писцы являлись уроженцами местности, где деловые документы были созданы, а следовательно, сомневаться в отражении в данных документах именно локальной речи прошлых веков не приходится [Ващенко 1982: 19–21, 31].

Г.А. Хабургаев отмечает, что памятники делового письма неоднородны и по своей лингвистической ценности неодинаковы. Различные книги (в том числе

отказные) достаточно ограничены по содержанию и стандартны по построению. Отдельные документы этой категории (писцовые и дозорные книги) могли составляться на местах присланными из Москвы писцами, но в провинциальных канцеляриях подолгу, как правило, задерживались лишь люди местные. О правомерности реконструкции местного диалекта по его отражению в периферийной актовой письменности можно говорить уже постольку, поскольку в XVI–XVII вв. вологжанами или курчанами (примеры автономии писцов) могли называться лишь уроженцы и постоянные жители Вологды или Курска. Следовательно, в документах, созданных ими, должны были отразиться черты именно вологодского или курского диалектов, и диалект этот должен был характеризовать речь жителей уездного центра и периферии. В силу самих особенностей локальной актовой письменности и условий ее функционирования сомневаться в существенном ее значении для историко-диалектологической реконструкции местных говоров минувших эпох не приходится. [Хабургаев 1969: 106–107, 112, 125, 126].

Подчеркнем, что регулярная повторяемость ряда лексем и форм в текстах отказов становится полезной именно при изучении фонетических особенностей говоров: в распоряжении исследователя оказывается достаточно однородный и удобный для сопоставления материал, основываясь на котором можно проводить подсчеты и, уже исходя из них, делать определенные выводы.

Следует сказать и о понятии орфографической нормы, ведь от документов можно ожидать последовательной реализации орфографического стандарта, а также строгого следования формуляру, что, несомненно, может помешать исследованию.

Об общерусских орфографических нормах Г.А. Хабургаев пишет, что оформились они к XVI–XVII вв. и их устойчивость определялась устойчивостью форм приказной документации [Там же: 119]. Однако нарушения, особенно отражающие фонетические особенности речи писцов, были вполне естественны даже при всей устойчивости норм, а количество их зависело от выучки писца [Там же: 121].

Таким образом, можно заключить, что наличие в прошлом определенных норм и стандартов в области орфографии не должно лишить исследователя необходимой информации.

Необходимо понимать, что не все явления диалектной речи могут найти свое отражение в рукописях. Так, аканье отражается без каких-либо проблем: как прямым образом, так и гиперкорректным. О явлениях же, которые орфографическими средствами передать невозможно, можно судить исходя из известных закономерных связей, существующих как в системах живых диалектов, так и в системах говоров, нашедших отражение в памятниках письменности [Горшкова 1972: 28–30].

Что касается материала современных говоров, с которым будет проводиться сравнение данных памятников деловой письменности, то при изучении рукописей он позволяет посредством соотнесения верифицировать обнаруженные факты. Следует сказать, что роль диалектного материала особенно велика в исследованиях по исторической фонетике, где, впрочем, данные, обнаруженные в синхронии, представляются иначе, чем при описании современного состояния, и подвергаются внутренней реконструкции с целью воссоздания фонетической системы прошлого [Там же: 32].

Нынешние говоры в районе Костромы (нас будет в первую очередь интересоваться треугольник с вершинами в Костроме, Солигаличе и Кологриве¹), относятся к Костромской группе северного наречия. Граница данного диалектного объединения с Вологодской группой проходит чуть севернее Солигалича и через Кологрив. Граница же с Владимирско-Поволжской группой восточных среднерусских окающих говоров проходит через Кострому. В общих

¹ Следует отметить, что как раз в пределах этого треугольника, между Солигаличем и Кологривом, расположен чухломский окающий остров, на территории которого представлены многочисленные южновеликорусские диалектные явления. Л.Л. Касаткин пишет, что данные говоры сложились в результате взаимовлияния севернорусской и южнорусской систем. Южные особенности в них постепенно исчезают и вытесняются северными. Он предполагает, ссылаясь на [Виноградов 1918: 14, 15], что аканье сюда было занесено в начале XVII в. вотчинниками и помещиками, перебравшимися сюда со своими семьями и дворовыми после получения земель. Он пишет также, что Л.П. Грехова отмечает примеры аканья в местных рукописных текстах лишь с 20-х годов XVII в. [Грехова 1964: 502; Касаткин 1999: 433].

очертаниях она повторяет контуры северной границы рассматриваемого объединения, отклоняясь к югу [ДАРЯ 1: VI].

Итак, **тема** работы – реконструкция фонетического строя костромских говоров первой половины XVII в.

Предметом исследования является историческая фонетика одной из групп говоров севернорусского наречия, а именно Костромской группы. **Объект изучения** – фонетические подсистемы (ударный вокализм, безударный вокализм, консонантизм) в диахронии.

Материалом исследования послужила Костромская отказная книга 1619–1634 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086, исследованы лл. 1–948 об. Далее – **Костр.**). Этот материал был сопоставлен с данными современных говоров, отраженными в первом (фонетическом) томе «Диалектологического атласа русского языка», а также с материалами оцифрованных архивных диалектных записей из фонотеки ИРЯ им. В.В. Виноградова и с оцифрованными записями, представленными в «Электронной библиотеке русских народных говоров» (Костромской район Костромской области. URL: https://dialekt.corpus.tatar/dialect/index.php?oblast=10&fieldFIO=&tema=&type_gov=&type_zap=).

- Фонотека ИРЯ им. В.В. Виноградова:
 - А-0260, Кадыйский район Костромской области, деревня Латыниха, информант 1881 года рождения, записано в июне 1961 г.;
 - А-0265 и А-0266, Островский район Костромской области, деревня Дарьино, информанты 1891 и 1892 годов рождения, записано в июне 1961 г.;
 - А-0332, Макарьевский район Костромской области, деревня Большое Тимошино, информант 1895 года рождения, записано в августе 1961 г.;

- А-0333, Макарьевский район Костромской области, деревня Торихино, информант 1899 года рождения, записано в августе 1961 г.;
- А-0334, Макарьевский район Костромской области, деревня Андреевское, информант 1894 года рождения, записано в августе 1961 г.;
- А-0336, Макарьевский район Костромской области, деревня Опалихино, информант 1888 года рождения, записано в августе 1961 г.;
- А-0351, Судайский район Костромской области, деревня Шартаново, информанты 1888 и 1890 годов рождения, записано в сентябре 1962 г.;
- Электронная библиотека русских народных говоров:
 - ЭБРНГ-001, Костромской район Костромской области, деревня Шунга;
 - ЭБРНГ-054, Костромской район Костромской области, село Аферово.
 - ЭБРНГ-080, Костромской район Костромской области, село Аферово.
 - ЭБРНГ-084, Костромской район Костромской области, село Аферово.
 - ЭБРНГ-089, Костромской район Костромской области, деревня Шунга;
 - ЭБРНГ-090, Костромской район Костромской области, деревня Шунга;
 - ЭБРНГ-091, Костромской район Костромской области, деревня Шунга;
 - ЭБРНГ-092, Костромской район Костромской области, деревня Шунга;

- ЭБРНГ-287, Костромской район Костромской области, село Аферово.
- ЭБРНГ-369, Костромской район Костромской области, село Аферово.
- ЭБРНГ-374, Костромской район Костромской области, село Саметь.
- ЭБРНГ-392, Костромской район Костромской области, село Саметь.
- ЭБРНГ-434, Костромской район Костромской области, село Аферово.

Актуальность работы обусловлена необходимостью восполнения лакуны в реконструкции фонетических систем севернорусского наречия XVII в. в связи с отсутствием описания костромских говоров этого времени.

Цель диссертационной работы состоит в анализе материалов памятников деловой письменности XVII в. и сравнении выявленных фонетических особенностей с нынешней языковой ситуацией на рассматриваемой территории, что дает возможность определить динамику развития костромских говоров на протяжении последних четырех веков.

Достигается эта цель посредством выполнения ряда поставленных **задач**:

- описать ударный вокализм костромских говоров XVII в.;
- описать безударный вокализм костромских говоров XVII в.;
- описать консонантизм костромских говоров XVII в.;
- верифицировать данные деловой письменности XVII в. материалами диалектологии и лингвогеографии;
- объяснить генезис ряда диалектных фонетических особенностей костромских говоров XVII в.

Методология исследования включает несколько пунктов:

Во-первых, с помощью аналитического и синтетического методов производится классификация и обработка примеров, обнаруженных в памятниках деловой письменности, а также примеров из диалектных записей.

Во-вторых, посредством применения описательного метода дается обзор фонетической системы современных говоров на рассматриваемой территории.

В-третьих, сравнительный метод применяется при сопоставлении результатов анализа написаний, представленных в памятниках деловой письменности XVII в., с особенностями современных говоров на рассматриваемой территории, отраженными на картах [ДАРЯ 1] и зафиксированными в записях диалектной речи.

Научная новизна работы определяется тем, что костромские памятники деловой письменности XVII в. ранее с целью изучения отраженной в них диалектной фонетической системы не рассматривались никем, а современные диалектные записи, использованные для верификации материалов отказной книги, к подобному сопоставлению привлекаются также впервые.

Работа имеет **теоретическую значимость** для исторической фонетики русского языка и для исторической диалектологии, так как освещает не изученный ранее вопрос развития фонетической системы костромских говоров от XVII в. и до настоящего времени и восполняет диахронную лингвогеографическую картину севернорусского наречия.

Практическая значимость работы состоит в том, что рассматриваемый в ней материал может быть использован в университетских курсах русской диалектологии и исторической грамматики русского языка, а также в учебных пособиях по названным выше предметам.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ударный вокализм исследованных костромских говоров XVII в. характеризовался отсутствием фонем <ě> и <ô>, последовательным переходом [e] в [o] во всех позициях, а также непоследовательным и нерегулярным изменением [a] в [e] между мягкими согласными.
2. В безударных слогах в костромских говорах XVII в. в позиции после твердых согласных было представлено полное оканье. После мягких согласных перед следующим твердым удерживалось различие гласных неверхнего подъема, а в позиции перед следующим мягким

согласным (в особенности в конечном закрытом слоге) складывалась тенденция к совпадению гласных неверхнего подъема в звуке [e].

3. Консонантизм костромских говоров XVII в. характеризовался сформированной корреляцией губных фонем <в> – <ф> и <в'> – <ф'>, взрывным [г], отсутствием прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных, сохранением мягких шипящих [ш'], [ж'] и аффрикаты [ц'] при уже начавшемся процессе их отвердения, долгими твердыми шипящими, мягким [ч'], оглушением парных звонких согласных перед согласными и в позиции конца слова, а также различными ассимиляциями и упрощениями групп согласных, например, свойственным и современным говорам на данной территории изменением начального [вн] → [мн].
4. Рассматриваемые костромские говоры на протяжении своей истории демонстрировали ряд особенностей, сближающих их с говорами центра (ростово-суздальскими). Близость эта имела место уже в период, предшествовавший отраженному в **Костр.** (когда была сформирована корреляция фонем <в> – <ф> и <в'> – <ф'>).
5. Черты, свойственные потоку новгородской колонизации (высоко сонорные билабиальные реализации <в>, цоканье, переход <ё> в [и] во всех позициях), проникавшие на рассматриваемую территорию с севера, хотя и присутствовали на ней издревле, но удерживались на северной периферии и в основной массив костромских говоров не проникали.

Достоверность результатов исследования подтверждается большим объемом изученного материала, а также надежными методами исследования, которые соответствуют поставленным в работе целям и задачам. Научные положения и выводы в диссертации подкреплены фактическими данными.

Личный вклад автора состоит в сборе, обработке и анализе материала.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в **четырёх** публикациях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для

защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России, а также в десяти докладах и тезисах конференций.

Статьи:

- О распространенности одной нестандартной реализации предлога «к» в севернорусских говорах XVII века (Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, 2020, № 1. С. 20–28);
- Фонетические особенности костромских диалектов первой половины XVII в. и их дальнейшая судьба (Русский язык в научном освещении, 2020, № 2. С. 112–127);
- О сопоставительных парах губных фонем в костромских и пошехонских говорах XVII в. и их дальнейшей судьбе (Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, 2022, № 4. С. 29–38);
- Вокализм первого предударного слога после мягких согласных в костромских говорах XVII в. (Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, 2023, № 1. С. 71–78).

Доклады:

- О фонетической реализации фонемы <j> в позиции конца слова в костромских говорах XVII века по данным памятников деловой письменности. XXII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2015», Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 13–17 апреля 2015 г.;
- Фонетика костромских говоров первой половины XVII века. Novemberseminaret 2016 «Russian Historical Linguistics: Theoretical and Corpus-based Challenges», Тромсё, Universitet i Tromsø, Норвегия, 29 ноября 2016 г.;
- Об одной реализации предлога «к» в северных великорусских диалектах XVII в. Пятая конференция по общему, скандинавскому и славянскому языкознанию для студентов и аспирантов, GeNSLing

2017, Москва, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Россия, 25–27 октября 2017 г.;

- О системе шипящих в костромских говорах XVII века по данным памятников деловой письменности. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2018», Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 9–13 апреля 2018 г.;
- О сопоставительных парах губных фонем в костромских говорах XVII века. Славянский мир: общность и многообразие, Москва, Институт славяноведения РАН, Россия, 22–23 мая 2018 г.;
- О реализациях фонемы <ѣ> в костромских говорах XVII века по данным памятников деловой письменности. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2019», Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 8–12 апреля 2019 г.;
- Северновеликорусские костромские говоры в XVII и XX веке: константы и инновации. «Ломоносовские чтения – 2019». Секция «Филологические науки», Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 15–25 апреля 2019 г.;
- О вокализме первого предупредительного слога после мягких согласных в костромских говорах XVII века. Славянский мир: общность и многообразие, Москва, Институт славяноведения РАН, Россия, 21–22 мая 2019 г.;
- Система шипящих в костромских и пошехонских говорах начала XVII века. Славянский мир: общность и многообразие, Москва, Институт славяноведения РАН, Россия, 13–14 октября 2020 г.
- Об одной нестандартной реализации предлога «к» в костромских и пошехонских говорах XVII века по данным памятников деловой письменности. Международная научная конференция студентов,

аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2020», Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 10–27 ноября 2020 г.;

Структура диссертации: работа состоит из введения, трех глав, и заключения. В главе 1 на основании материалов памятников деловой письменности рассматривается система ударного вокализма в костромских говорах XVII в., а затем проводится ее сравнение с системой ударного вокализма в современных говорах, распространенных на данной территории. В главе 2 рассматривается система безударного вокализма костромских говоров XVII в. в сравнении с современной системой. В главе 3 рассмотрена система консонантизма костромских говоров XVII в., сопоставленная с системой современных говоров. В заключении обобщены результаты исследования.

Примеры из **Костр.** даются в упрощенной орфографии: **і – и, у – у, ѿ – о, ѡ – я, s – з, ξ – кс, ѿ – ф.** Выносные буквы сохраняются, паерок воспроизводится как апостроф (*в'дова*), для сокращений и предполагаемых описок при необходимости тут же дается расшифровка в кавычках либо пояснительная сноска.

Буквы **ѣ** и **ь** (которые, как известно, порой не различаются в скорописи) по возможности передаются символом, наиболее близким к представленному в рукописи начерку. При невозможности выбрать один из двух вариантов будет употребляться символ **h**. В целом принимается точка зрения С.И. Коткова: если речь идет о скорописи XVI–XVII вв., то любой графический вариант буквы может употребляться в значении как **ѣ**, так и **ь** [Котков 1963: 107].

Для примеров из рукописи указывается номер листа, для современных диалектных записей – шифр записи или ссылка.

Глава 1. Ударный вокализм

1.1. Вопрос о фонеме <ѣ>

В исследованных текстах есть написания с буквой Ѣ, соответствующие этимологии, замены Ѣ на е (традиционные для русской орфографии), обратные замены е на Ѣ, либо же замены Ѣ на и (имеются лишь считанные примеры обратных замен для данной пары), и трактовать эти написания можно по-разному.

Наиболее обширным исследованием о судьбе фонемы <ѣ> в северновеликорусских говорах является работа В.В. Виноградова [Виноградов 1922], в которой исследователь изучил и соотнес написания, представленные в древних памятниках, с современными на тот момент диалектными звуковыми реализациями рассматриваемой фонемы, и попытался выяснить, какое же звучание могло стоять за конкретными буквами в конкретных случаях.

В.В. Виноградов перечисляет основные типы рефлексов фонемы <ѣ> в северновеликорусских говорах. Двумя факторами, влияющими на конкретные реализации, оказываются, во-первых, качество последующего согласного, и, во-вторых, положение относительно ударения.

В данном случае рассматривается исключительно ударная позиция. В.В. Виноградов, говоря о ней, выделяет группы говоров, не обязательно напрямую соотнесенных территориально.

Во-первых, в ряде говоров, как перед твердым, так и перед мягким согласным может произноситься дифтонг [йе].

Дальнейшее развитие подобных рефлексов состоит в том, что дифтонг [йе] перед мягкими согласным через реализацию типа [йе] переходил в [и], перед твердыми же согласным сохранялась дифтонгическая реализация. Это – вторая группа.

В третью группу Виноградов объединяет говоры с различными реализациями рассматриваемой фонемы, образовавшимися по мере упрощения дифтонгического сочетания звуков в направлении к [е] либо к [и]. Оттенки и градация звуков здесь могут быть различными. Причем в части говоров

реализации как перед твердыми, так и перед мягкими согласными могут быть одинаковыми, а в других же перед мягким согласным реализация более узка, чем перед твердым. Подобные говоры являются переходными к следующей группе.

В четвертой группе перед мягкими согласными переход в [и] завершился, а перед твердыми рассматриваемая фонема или совсем совпала с <e>, или реализуется как очень узкое [e].

В пятой группе [и] заменило старое звучание как перед твердыми, так и перед мягкими согласными.

Наконец, есть говоры, где разница между фонемами <ё> и <e> совсем исчезла, их можно выделить в шестую группу. [Виноградов 1922: 160–165].

В работе Л.Ф. Копосова, посвященной севернорусской деловой письменности XVII–XVIII вв. [Копосов 2000], говорится, что в целом исследователи деловой письменности единодушны лишь в том, что в безударном положении фонема <ё> к XVII в. уже исчезла. Взгляды же на ситуацию в положении под ударением разнятся. Обусловлено это тем, что показания памятников различных жанров сами по себе противоречивы, а кроме того, данные эти не получают однозначной интерпретации [Там же: 68].

Существенно выяснить, к какому из рассмотренных В.В. Виноградовым типов могли относиться говоры, представленные в исследованных текстах, для этого приведем обнаруженные написания.

Правильные написания с Ъ перед твердыми согласными: *бе³вьсно* adv. 791; *бе³помѣстному* dat. sg. 116; *борисоглѣбѣскои* nom. sg. п.р.² 929; *бѣлая* nom. sg. 317 об.; *дѣ^дкова* gen., sg. 692 об.; *желѣ³ного* gen. sg. 776 об., 779 об. х2; *мѣрнымѣ* dat. pl. х2 п.р. 427; *мѣсто* acc. sg. п.р. 41, п.р. 786, п.р. 798 об., п.р. 800, п.р. 853

² Здесь и далее – приложение руки. Приложения руки представляют собой автографы непрофессиональных писцов (как правило, малограмотных представителей духовенства: дьячков, дьяконов и попов), являвшихся своего рода гарантом при проведении операции, описываемой в отказе. Эти подписи, вследствие отсутствия у лиц, оставивших их, достаточной орфографической выучки, часто отражают определенные особенности диалектной фонетики.

об., 884 об., п.р. 885 x2, п.р. 885 об., п.р. 914, п.р. 915 x2, п.р. 930; *мѣсто* acc. sg. п.р. 349; *мѣсто* acc. sg. п.р. 106; *мѣ(сто)* acc. sg. п.р. 263 об.; *мѣ\|сто* acc. sg. п.р. 379 об. – 380; *мѣсть* gen. pl. 212 об., 593 об., 695 об., 696 x2, 702, 702 об., 786 об. x2, 913, 913 об., 937; *помѣстново* gen. sg. 265, 321, 352, 639, 757; *смѣтою* instr. sg. 756 об.; *состѣ*^д nom. sg. 489 об.; *стѣно* 161 об., 197, 405, 714 об., 817 об.; *стѣно^М* instr. sg. 594; *стѣна* gen. sg. 40 x3, 771 об. x2, 913 x2, 913 об. x2, 919 x3, 922 x2, 934 x2, 934 об. x2, 935 x2, 942 об. x2, 943 об. x2, 947 x2, et pass.; *стѣа* gen. sg. так в ркп. «сена» 935 об., 946 об.; *ѣха^М* inf. 127, 724, 198, 202, 287; *ѣхати* inf. 20 об., 376 об.; *ѣхати* inf. 311 об., 846; и др.

Правильные написания с Ѣ перед твердыми согласными в финали глагольной основы: *велѣ^Л* 97, 105, 198, 202, 284 x2, 287, 311 об. x2, 724; *владѣл* 344; *владѣ^Л* 311 об., 349, 494; *владѣль* 340; *погорѣ^Л* 873 об.; *погорѣ^Лка* nom. sg. 211; *погорѣ^Лки* nom. pl. 60 об., 676 об.; *по^Спѣлко* nom. sg. 162, 772; *по^Спѣло^В* nom. sg. 832.

Правильные написания с Ѣ перед твердыми согласными во флексиях существительных, прилагательных и местоимений: *бы^Чкѣ^Х³* loc. pl. 336; *дворѣ^Х* loc. pl. 639 об.; *двѣ^М* dat. 701; *всѣ^М* dat. pl. 667; *всѣ^М⁴* dat. pl. 165 x2; *всѣ^Х* loc. pl. 292 об.; *всѣ^Х* gen. pl. 161 об.; *обѣ^М⁵* dat. 599; *тѣ^М* instr. sg. 163, 941 об.; *тѣ^М* dat. pl. 71 об., 874 об., 876, 878 x2; *тѣ^М* instr. sg. 29, 284, 412 об.; *тѣ^М* instr. sg. 28 об. X3, 29 об. x2, 30 x2; *тѣ^Х* loc. pl. 198 об., 200, 266, 401 об., 404, 408 об., 492 x2,

³ Разумеется, подобные написания (а также связанные с ними замены) в словоформах множественного числа, относящихся к субстантивному склонению могут свидетельствовать лишь об определенной орфографической традиции, тогда как в живом языке на тот момент должна была уже произойти унификация форм множественного числа по *а-склонению, результатом которой должно было стать произношение типа [дворáх] и [рубл'áх] для твердого и мягкого вариантов соответственно. То же будет справедливо для подобных написаний и в последующих разделах, когда речь будет идти о формах, где представлена данная орфографическая условность.

⁴ Как уже говорилось выше, в скорописи XVII–XVIII вв. любой графический вариант буквы Ѣ или Ъ может употребляться в значении как Ѣ, так и Ъ [Котков 1963: 107].

⁵ Акцентная парадигма (далее – а.п.) с. В Чудовском Новом Завете фиксируется *обѣ^М*, но также *обѣ^М* [Зализняк 2014: 148].

649; *тѣхъ* gen. pl. 318 об., 441, 748 об.; *тѣхъ* loc. pl. 290 об., 920; *тѣхъ* gen. pl. 293 об., 312.

Написания с аналогическим Ъ из твердого варианта склонения перед твердыми согласными во флексиях местоимений: *сѣ^М* dat. pl. 28, п.р. 47 х2, п.р. 177, п.р. 296 об., п.р. 352, п.р. 411 х2, п.р. 427, п.р. 429, п.р. 591 х2, п.р. 661, п.р. 674, п.р. 685, п.р. 701, п.р. 708, п.р. 727, п.р. 733, п.р. 754 х2, п.р. 757, п.р. 768 х3, п.р. 808 х2, п.р. 817, п.р. 820, п.р. 828 х2, п.р. 869, п.р. 884, п.р. 887 х2, п.р. 925; *сѣмь* dat. pl. п.р. 73, п.р. 177, п.р. 278, п.р. 299, п.р. 321 х2, п.р. 610 х3, п.р. 655, п.р. 694, п.р. 733 х2; *к ѣ^М* dat. pl. так в ркп. «к сим» п.р. 411; *сѣмь* dat. pl. п.р. 37, 37, п.р. 610, п.р. 708, п.р. 808, п.р. 817 об.; *сѣмь^б* dat. pl. п.р. 771, *сѣмь* dat. pl. 134, п.р. 452, п.р. 817; *чѣ^М* instr. sg. 349.

Замены Ъ на е перед твердыми согласными: *бегае^т* 3 sg. praes. 796, 797; *белкова* gen. sg. 733 об.; *белкове* loc. sg. 621; *векошника* gen. sg. 755 об.; *девками* instr. pl. 34 об., 123 об., 475 об., 480 об., 806; *девкою* instr. sg. 58; *девками* instr. pl. 179 об.; *ехати* inf. п.р. 97; *лес* nom. sg. 83, 902, 909 об.; *лесом* instr. sg. 44, 843 об. х2, et pass.; *медветкова* gen. sg. 308; *меры* gen. sg. 768; *места* gen. sg. 83, 84, 217 об., 220, 898; *место* 21 об. х2, п.р. 129, п.р. 263, п.р. 264, п.р. 293, п.р. 354, п.р. 447, п.р. 650, п.р. 743, п.р. 791, п.р. 799; *место* 217, 220; *немцами* instr. pl. 597; *немцы* instr. pl. 599 х2; *осеку* gen. sg. 851, 855 х2; *отделу* dat. sg. 480 об.; *отделу* dat. sg. 124 х2; *печенегова* gen. sg. 75 об., п.р. 880 об.; *пѣченегова* gen. sg. п.р. 851, п.р. 882; *подобедо^{во}* nom. sg. 798 об.; *помеснаго* gen. sg. 768; *помеснова* gen. sg. 43; *поместно^с* gen. sg. 742 об.; *поместного* gen. sg. 305; *пред* 202 об., 847 об.; *предел* nom. sg. 134 об.; *приехал* 21, 99, 487; *примерной* loc. sg. 769; *примерною* instr. sg. 896 об.; *примерные* gen. sg. 180, 768 об.; *пристено^б* instr. sg. 754 об. *ро^зделу* dat. sg. 125, 167, 467, 471, 790 об.; *сено* nom. sg. 902, 909 об.; *сена* gen. sg. 25 об., 907 об. х4, 907 х3, 908 х2, et pass.; *сена* acc. pl. 596, 887; *уе^зда* gen. sg. п.р.

⁶ Прируб, пристройка к дому, сени [СРНГ 31: 414].

69; *уездѹ* gen. sg. 413; *уездѣ* acc. sg. 463; *уездѣ* acc. sg. 20 об., 789, 846; *уездѣ* (ѣ) acc. sg. 431 об.; *уездѣ* acc. sg. 939; *уездѣ* nom. sg. 265; *уездѣ* acc. sg. так в ркп. «уезд» 305 об.; и др.

Замены Ѣ на е перед твердыми согласными в финали глагольной основы: *велелѣ* 38, 846; *владелѣ* 110 об., 111 об., 124 х2, 125; *погорелѣ* ки nom. pl. 418 об.; *поспелѣ* ково nom. sg. 141; *поспелѣ* овы nom. pl. 584.

Замены Ѣ на е перед твердыми согласными во флексиях местоимений, существительных и числительных: *всемѣ* instr. sg. 742, 799 об.; *всехѣ* loc. pl. 800, 855 об. х2, 898, 905 об.; *двемѣ* dat. 592; *дворехѣ* loc. pl. 98, 358, 377, 488 об. х2, 596, 710 об., 712, 887; *полехѣ* loc. pl. 610 об.; *темѣ* instr. sg. 416о., 418; *темѣ* dat. pl. 711; *темѣ* instr. sg. 37 об.; *темѣ* instr. sg. 172 об.; *техѣ* gen. pl. 106 об., 657 об., 685 об., 855 об.; *техѣ* gen. pl. 905 об.; *техѣ* loc. pl. 368 об., 855 об.

Замены аналогического Ѣ из твердого варианта склонения на е перед твердыми согласными во флексиях местоимений: *семѣ* dat. pl. п.р. 28 х2, п.р. 39 х2, п.р. 43 об. х2, п.р. 52 х2, п.р. 69 х2, п.р. 78 х2, п.р. 88 х3, п.р. 869 х3, п.р. 880 х2, п.р. 881 об., п.р. 887 х2, п.р. 894 х2, п.р. 907, п.р. 912 х2, п.р. 918 х2, п.р. 928 х2, п.р. 925 х4; *семѣ* (м) dat. pl. п.р. 34, et pass.; *семѣ* dat. pl. п.р. 32 х2, п.р. 43 об., п.р. 52, п.р. 58, п.р. 75, п.р. 90, п.р. 119, п.р. 123, п.р. 449, п.р. 456, п.р. 475 х2, п.р. 483 х2, п.р. 708, п.р. 710, п.р. 782 х2; *семѣ* dat. pl. п.р. 407 об., п.р. 682, п.р. 689, 884; *семѣ* dat. pl. п.р. 442 х4, п.р. 475, п.р. 583, п.р. 610, п.р. 661, п.р. 795; *семѣ* dat. pl. п.р. 282 х2, п.р. 352, п.р. 427, п.р. 682, п.р. 714, п.р. 865, 933; *сехѣ* loc. pl. 902; *сехѣ* loc. pl. 909 об.; *чемѣ* instr. sg. 124; *чемѣ* instr. sg. 111 об., 125; и др.

Имеются также обратные замены е на Ѣ в данной позиции.

Замены е на Ѣ перед твердыми согласными: *аѢфинагѢноѢ* nom. sg. 450 об. х2; *бажѢтъѢ* nom. sg. 291 об.; *бажѢтъѢ* na gen. sg. 47, 578, 610, 669, 771, 808, 865; *божѢтъѢ* na gen. sg. 661; *бажѢтъѢ* нко nom. sg. 341 об.; *бажѢтъѢ* нко nom. sg. 335; *бажѢтъѢ* ново acc. sg. 610; *бобылѢтъѢ* k nom. sg. 850 об.; *ведѢтъѢ* скоѢ m nom. sg. так в ркп. 437 об.; *еѢфрѢмоѢ* v nom. sg. 323, 622 об., 772; *еѢфрѢмоѢ* v nom. sg. 923; *ключарѢтъѢ* va gen. sg. 78;

*корѣнко*⁷ ном. sg. 772 об.; *лѣвка* ном. sg. 618; *лѣвькою* instr. sg. 79 х2; *лѣскоу* асс. sg. так в ркп. «Плесский» 933; *матрѣны* gen. sg. 744 об.; *нефть*⁸ ном. sg. 174 об.; *огарѣва* gen. sg. 856 об.; *огрофть\ны* gen. sg. 115 – 115 об.; *плѣско^М* loc. sg. 786 об.; *плѣско^М* loc. sg. 937; *семѣнова* gen. sg. 79; *семѣновъ* ном. sg. 78 об.; *строѣвъ* ном. sg. 847; *фра^нцѣбѣкова* gen. sg. 456, 928; *хотѣновъ* ном. sg. 444; *четвѣртои*⁹ ном. sg. 110 об., 112, 112 об., 113 об.; *четвѣртои* асс. sg. 112; *четвѣртую* асс. sg. 112 об. х2; и др.

В костромских текстах имеются и замены Ъ на и в слоге под ударением перед твердыми согласными во флексиях местоимений:

всихъ gen. pl. п.р. 264; *сеи^М*¹⁰ dat. pl. п.р. 583, п.р. 724, п.р. 757; *си^М* dat. pl. п.р. 90 х2, п.р. 104, п.р. 104 об., п.р. 107 об., п.р. 287 х2, п.р. 376 об., п.р. 395, п.р. 422, п.р. 436, п.р. 452 х3, п.р. 453, п.р. 578, п.р. 639, п.р. 655, п.р. 682, п.р. 739, п.р. 763, п.р. 795 х2, п.р. 884, п.р. 928; *симъ* instr. sg. 818 об.; *симъ* dat. pl. п.р. 115, п.р. 376 об., п.р. 639; – в трех последних примерах, разумеется, возможно и сохранение старой флексии мягкого варианта.

⁷ В [СРНГ 13: 87] *карепа* (*корѣпа*) толкуется как «брюква», переход [е] в [о], как видим, здесь отсутствует. Однако в [СРНГ 14: 324] обнаруживаем статью *корѣпа* и (вновь) *корѣпа*, где содержится также и отсылка к отсутствующему в предыдущем томе *карѣпа*. Значения, представленные здесь, могут, как кажется, быть мотивированы внешним видом упомянутого выше корнеплода: «человек с испорченным оспой лицом; некрасивая, толстая, неряшливо одетая женщина; неуклюжий человек, делающий все неловко».

Отметим также, что вариант без перехода [е] в [о] лежит в основе достаточно обширного словообразовательного гнезда, где обнаруживаются среди прочего следующие лексемы: *корѣпанье* «беспокойное состояние грудного ребенка», *корѣпать* «ломать, делая что-либо плохо», *корѣпаться* «упрямиться, ломаться, капризничать; недомогать, быть хилым; ленясь, не вставать, лежать в постели; не соглашаться с кем-либо, выказывая спесивость; шалить, паясничать» [Там же: 325].

Отсутствие перехода [е] в [о], таким образом, могло быть обусловлено вещественной, формальной и смысловой близостью первичного объекта номинации к *рѣпе*, однако мы, основываясь на наличии данного перехода в части словарных примеров, предполагаем, что исконным здесь мог быть все же не ять, а <е>.

⁸ Ср. *плѣско^У* ном. sg. 591 об.; *плеско^У* ном. sg. 674, 727, 754; *плеско^М* loc. sg. 674 об., 754 об. и др.

⁹ Слово а.п. а [Зализняк 2014: 421].

¹⁰ Написание данной словоформы с буквой е, как видно из вышеприведенного материала, является в рассматриваемых документах относительно стандартным. Мы, таким образом, склоняемся к тому, чтобы признать за буквой и в составе подобного двойного написания большую фонетическую обоснованность.

Правильные написания с Ъ перед мягкими согласными: *вмѣсте* adv. 889, 892; *двѣсте*¹¹ так в ркп. 119 об., 123 об., 724 об., 902; *дѣвере*^М instr. Sg. 201, 202 об.; *дѣте*^М dat. pl. 91 х2, 287 об.; *дѣти* nom. pl. 10, 15 об., 41, 92, 93, 93 об., 94, 96 х2, 119 об. х2, 162 об., 405, 450 об., 611 об. х3, 612 об. х3, 651 об., 683 об., 789 об., 859 об.; *дѣти* nom. pl. 1, 3 об. х2, 4, 10, 50, 321 об.; *отдѣльнымъ* dat. pl. п.р. 412, п.р. 416; *отдѣльнымъ* dat. pl. п.р. 257 об. – 258 об.; *поѣстьемъ* instr. sg. так в ркп. 337 об.; *прилѣпиха* nom. sg. 649 об.; *примѣри*^{ли} 328 об.; *роздѣльнымъ* dat. pl. п.р. 52 х2, п.р. 91, п.р. 887 х2, п.р. 896 х2; *роздѣльнымъ* dat. pl. п.р. 91, п.р. 452, п.р. 610 х2, п.р. 611, п.р. 639, п.р. 887 х2; *роздѣльные* acc. pl. 466 об., 614, 627 об.; *роздѣльными* dat. pl. п.р. 452; *роздѣльные* acc. pl. 326, 455 об.; *роздѣльными* dat. pl. п.р. 311; *роздѣльщикъ* nom. sg. 312; *рѣчкою* instr. sg. 404 об., 810; *рѣчкѣ* dat. sg. 484 об.; *рѣчкѣ* loc. sg. 384, 484 об.; *рѣчкѣ* dat. sg. 29 об., 30; *рѣчке* loc. sg. 302, 442 об., 728, 942; *рѣчкѣ* loc. sg. 128; *свѣтище*² gen. sg. 69 об., п.р. 71; *смѣте* dat. sg. 749 об., 884 об.; *увѣчному* dat. sg. 199; *увѣчнымъ* instr. sg. 201, 202 об.; *уѣзде* loc. sg. 32, 47, 58, 88 х2, 132, 865 об., 918; *уѣзде* loc. sg. 37, 119, 892; *уѣздѣ* loc. sg. 28, 34, 34 об., 400, 479; *уѣздѣ* loc. sg. 158, 172, 724 об.; *человѣки* nom. pl. 626 об.; *ѣдилъ* 270, 436 об., 669, 782, 933; *ѣдилъ* 714; *ѣдилъ* 763 об.; *ѣдилъ* 578; и др.

Отдельно приведем правильные написания с Ъ перед мягкими согласными в финали глагольной основы и во флексиях местоимений.

владѣет praes. 3 sg. 352 об., 658; *владѣе*^(т) praes. 3 sg. 379 об.; *владѣеть* praes. 3 sg. 353; *владѣлень ево* gen. sg. так в ркп. 429 об.; *владѣли* 119, 872, 874 об., 876, 878; *владѣт* inf. 105 об., 284, 599; *владѣти* inf. 333 об., 874 об., 876, 877 об.; *владѣти* inf. 338, 872; *владѣют* praes. 3 pl. 172 об., 380; *велѣню* dat. sg. 699 об., п.р. 706, п.р. 885 об.; *вѣлѣню* dat. sg. 55; *сидѣнье* acc. sg. 329; *сидѣне* acc. sg. 330

¹¹ Для большей части говоров, равно как и для литературного языка, справедливо следующее обобщение: «Твердый зубной согласный (если это не [л]) не может сочетаться со следующим мягким зубным» [Пауфошима 1973: 100].

об.; *умгѣ^т* praes. 3 sg. п.р. 349 об., п.р. 653; *хотгѣли* 107 х2; *хотгѣ^н* ном. sg. 782, 933; *хотгѣно^н* ном. sg. так в ркп. «Хотен» п.р. 786.

встгѣми instr. pl. 53, 55, 69 об., 118, 162, 198 об., 199, 284, 299 об., 302, 353 об. х2, 400 об., 403, 443 об., 580 об., 645 об., 712, 715, 728 об., 769 об., 889, 889 об., 892 об., 926 об.; *встгѣми* instr. pl. 30, 71 об., 200 об., 266, 349, 379, 437 об., 484, 594, 611 об., 612 об., 613 об., 677 об., 678 об., 731, 736 об., 760 об., 819, 866; *встгѣми^и* instr. pl. 451.; *тгѣми* instr. pl. 106 об., 194, 202 об., 206, 278 об., 287 об., 328., 333, 338, 379 об., 639 об., 658, 725, 817 об., 884; *тгѣ^{ми}* instr. pl. 242.

Особую группу составляют написания с Ъ перед мягкими согласными в именах на **-ей/-ея** и их производных.

авдгѣя gen. sg. 205 об.; *аггѣв* ном. sg. 744; *аггѣевъ* ном. sg. 641 об. х2; *аггѣ^и* ном. sg. 916 об.; *аггѣико* ном. sg. 142 об., 364 об.; *аггѣ^ико^м* instr. sg. 809 об.; *алексѣв* ном. sg. 1 об., 337, 337 об., 772, 777 х2, 806 об.; *алексѣева* асс. sg. 205; *алексѣевъ* ном. sg. 484; *алексѣевыми* instr. pl. 258 об.; *алексѣ^и* ном. sg. 10; *але^ксѣ^и* ном. sg. 107 об.; *алексѣикове* loc. sg. 161 об.; *алексѣю* dat. sg. 206; *алексѣя* gen. sg. 205; *але^ксѣя* gen. sg. 348; *але^к'сѣевы* ном. pl. 330 об.; *о^ндргѣв* ном. sg. 131 об., 670; *бизгѣевы* ном. pl. 172 об.; *варфромгѣв* ном. sg. 380; *варфоломгѣи* ном. sg. 922 об.; *дорофгѣевъ* ном. sg. 815; *дорофгѣико* ном. sg. 666 об.; *дгѣева городиц(а)* gen. sg. так в ркп. 223 об.; *евникгѣе* dat. sg. 134 х2, 147 об.; *евсгѣевъ* ном. sg. 165 об.; *евсгѣ^ико^м* instr. sg. 70 об.; *евтихгѣи¹²* ном. sg. 158, 221 об.; *елисгѣико* ном. sg. 382; *еремгѣв* ном. sg. 196 об., 377, 700, 706, 796 об.; *еремгѣевъ* ном. sg. 66, 364 об. х2; *могѣи* ном. sg. 344 об., 485 об., 761; *могѣ^ико* ном. sg. 671; *оле^ксѣ^и* ном. sg. 1, 129, п.р. 648; *оле^ксѣ^и* ном. sg. 853; *оле^ксѣикове* loc. sg. 164 об.; *оле^ксѣицѣева* ном. sg. 759 об.; *о^ндргѣв* ном. sg. 144, 203, 209 об. х2, 916 об. х2; *о^ндргѣвское* асс. sg. 265 об., 772 об.; *о^ндргѣя* gen. sg. 69, 73, 104, 104 об., 160 об., 162, 165 х2, 610, 660, 763, 916 об.; *о^ндргѣянова* gen. sg. 662; *онд'ргѣя* gen. sg. 160;

¹² Зафиксирован вариант *Евтихгѣи* [Зализняк 2014: 685].

онъдргѣвъскіе nom. pl. 770; *онъдргѣва* gen. sg. 164 об.; *осгѣѣ* nom. sg. 800 об., 909 об.; *палаггѣе* dat. sg. 199; *палаггѣею* instr. sg. 201; *пачтелгы* *пачтелгѣвъ* nom. sg. 342 об.; *пачтелгя* gen. sg. 61; *пачтилгѣко* instr. sg. 652 об.; *пачтракгы* nom. sg. 297 об.; *серггѣва* gen. sg. 325 об.; *серггѣва* gen. sg. 41, 221 об.; *серггѣѣско* nom. sg. 40 x2; *серггѣѣскоу* loc. sg. 40 об.; *серггѣѣско* loc. sg. 40; *серггѣѣско* loc. sg. 40 об.; *тимофгѣвъ* nom. sg. 443 об.; *тимофгѣвѣ* nom. sg. 342 об.; *тимофгѣ* nom. sg. п.р. 5 об., 417; *тимофгѣко* nom. sg. 670 об., 671; *тракгѣво* nom. sg. 774 об.; *фадгѣвъ* nom. sg. 402, 404 об., 891 об.; *фадгѣѣско* nom. sg. 403, 404; *фадгѣвъ* dat. sg. 599 об.; *фадгы* nom. sg. 378 об.; *фалелгыко* nom. sg. 162; *фатгѣѣ* nom. sg. 381 об.; *яшгѣевича* gen. sg. 662; *ярофгѣвѣ* nom. sg. 267, 267 об., 663 об.; *ггѣремѣѣ* nom. sg. 850 об.; и др.

Л.Л. Васильев утверждает, что под ударением в данных словах некогда произносился звук, ассоциировавшийся именно с ѣ, а не с е, хотя в именах, приводимых в цитируемом отрывке, ѣ, разумеется, ничем этимологически не обусловлен: *Аνδρέας*, *Τιμόθεος*. Объясняет он это так: «... греческія имена собственныя, которыя въ церковнославянскихъ памятникахъ пишутся черезъ *ei* и *гы* ... , будучи заимствованы русскимъ языкомъ то съ дифтонгомъ *–ei* то с дифтонгомъ *–гы*, не могли сохранить неимѣющагося въ русскомъ языкѣ того времени дифтонга *ei* ... отсюда вполне понятна причина дѣйствія аналогіи со стороны словъ, хотя бы даже менѣе численныхъ съ дифтонгомъ *гы*, который древнерусскому языку не былъ чуждъ (*дгѣйствіе*, *лгы* и др.): аналогія заставила произносить иностранныя слова на русскій ладъ, въ духѣ русскаго языка, проще сказать съ русскою фонетикою. ... Произношеніе иностранныхъ словъ съ *–гы* въ древне-русскомъ языкѣ, помимо нашихъ московскихъ грамотъ, засвидѣтельствовано малорусскимъ нарѣчіемъ *–ій*: *Ондрій* и др., сѣверновеликорусскими говорами: *Тимофій* и др., ... ; такимъ образомъ сомнѣваться, что въ такомъ положеніи въ древне-русскомъ языкѣ былъ дифтонгъ *–гы*, трудно. Далѣе тотъ фактъ, что произношеніе дифтонга *éj*, какъ *гы*, явилось именно на русской почвѣ, а не обусловлено какимъ-либо фонетическимъ

условіємъ (напр., долгой) языка, изъ котораго сдѣлано заимствованіе, подтверждается тѣмъ, что заимствованія и изъ другихъ языковъ подчинялись этому закону, таковы заимствованія отъ татаръ *казначѣй, килчѣй, ...*» [Васильев 1905: 220–221].

Таким образом, мы, при рассмотрении имен собственных в данной группе, не будем обращаться к их этимологии.

Следует также сразу отметить, что в безударном положении судьба <ѣ> перед [j], по мнению Л.Л. Васильева, совпала с судьбой всех остальных реализаций фонемы <ѣ>: «въ древнерусскомъ языкѣ звукъ ѣ сохранялся въ полной неприкосновенности только въ слогѣ подъ удареніемъ, ... , въ слогѣ же безъ ударенія звукъ ѣ уже не отличался особою живучестью и при благопріятныхъ условіяхъ переходилъ въ звукъ е ... » [Там же: 223].

Однако более подробно вопрос о судьбе фонемы <ѣ> в безударном положении будет рассмотрен в разделе 2.2.1., а сейчас вернемся к примерам в позиции под ударением.

Замены ѣ на е перед мягким согласным: *впреѣ* 101; *двѣсте* асс. sg. 909; *двѣсти* 148, 837, 844, 866; *ѣвѣсти* 432; *двѣсти* 471, 473 об.; *ѣвѣстии* 856; *детѣм* dat. pl. 52; *одеѣ* loc. sg. 158; *одеѣныи* dat. pl. 34; *одеѣнымъ* dat. pl. 34; *помѣстие* асс. sg. 83 x2, 83 об., п.р. 107 об., 754 об., 798 об.; *помѣстию* dat. sg. 83 об. x2, 110 об., 742; *помѣстия* gen. sg. 107 об., 111 x4, 111 об. x2, 112 об., 113, 179 об.; *помѣстия* gen. sg. 166 об.; *помѣстьѣ* асс. sg. 155; *помѣстьѣ* gen. sg. 769; *помѣстьѣ* асс. sg. так в ркп. 846 об., 847; *помѣстьѣ* асс. sg. 73 об.; *помѣстьѣ* асс. sg. 151, 467, 928; *помѣстьѣ* loc. sg. 44; *помѣстьемъ* instr. sg. 37, 172 об.; *помѣстью* dat. sg. 44, 756 об., 928 об., 929 об. x2; *помѣстьѣ* асс. pl. 44, 768 об.; *помѣстьѣ* loc. sg. 851 об., 856; *прилетѣха* nom. sg. 368 об.; *прѣмерѣно* nom. sg. 768 об.; *прѣмерѣи* 769; *рѣчке* loc. sg. 132 об.; *рѣчке* dat. sg. 178, 364, 469 об., 470, 619 об., 755 об.; *рѣчке* loc. sg. 258 об., 740 об., 881, 895 об. x2, 898, 898 об., 908 об.; *рѣчки* gen. sg. 396 об., 586 об.; *рѣчкѣ* dat. sg. 29; *рѣчкѣ* loc. sg. 80 об., 151 об., 798, 812, 894 об.; *рѣчкѣ* dat. sg. 83 об.; *розѣделе* loc. sg. 792 об.; *розѣделии* dat. pl. так в ркп. п.р. 918; *розѣделии* dat.

pl. п.р. 462; *роздеЛныМ* dat. pl. 160; *роЗдеЛныМ* dat. pl. 160, п.р. 452, п.р. 610 x2, п.р. 789 x2, п.р. 870, п.р. 896, п.р. 907, п.р. 919; *роЗдеЛнымъ* dat. pl. 90; *роЗдельшик* ном. sg. так в ркп. п.р. 921; *святеиШше²* gen. sg. так в ркп. «святейшего» 800 об.; *святеишего* gen. sg. 795; *сень* loc. sg. 290 об.; *смете* loc. sg. 155 об.; *стешаго* gen. sg. так в ркп. «святейшего» 591 об.; *уезде* loc. sg. 98, 177; *уеЗде* loc. sg. 39, 41, 43 об., 52 об., 78, 911 об., 939 об.; *уездъ* loc. sg. п.р. 107 об.; *уеЗдъ* loc. sg. 123 об., 880, 894 об., 940 об.; и др.

Здесь так же, как и в предыдущем разделе, отдельно приведем замены Ъ на е перед мягкими согласными в финали глагольной основы, во флексиях местоимений и в именах на *-ей/-ея* и производных.

велеНю dat. sg. 75 об., п. р. 158 об., 309 x2, п.р. 599, п.р. 652 x2, п.р. 855 об., п.р. 881; *веленью* dat. sg. п.р. 744; *владет* inf. 105 об.; *владеТЬ^т* praes. 3 sg. 44 об.; *ислеНеву* dat. sg. 822 об., 825; *умеет^т* 3 sg. praes. п.р. 650; *умееть* 3 sg. praes. п.р. 652.

всеми instr. pl. 83 об. x2, 84 x2; *всеми* instr. pl. 133, 134, 418 об., 475 об., 477, 495, 682 об.; *всеми* instr. pl. 44, 125 об., 424 об., 480 об.; *въсеми* instr. pl. 307 об. x2, 862 об.; *теми* instr. pl. 257 об., 357 об., 847 об.

агеевъ ном. sg. 360, 360 об.; *агеява* gen. sg. 43; *агеяву* dat. sg. 44; *аНдрееви^ч* ном. sg. 9 об.; *аНдрею* dat. sg. 852 об., 855 об. x2; *аНдретьва* gen. sg. 852; *вохромеръ^в* ном. sg. 45; *гоРдеи* ном. sg. 73, 847; *гоРдеМ* instr. sg. так в ркп. «Гордеем» 856 об.; *гоРдею* dat. sg. 846; *деИка* ном. sg. так в ркп. «Овдейко» 944; *мокетъвъ* ном. sg. 156 об.; *моковетьвы* ном. pl. 855; *мосеи* ном. sg. 849 об.; *огеи* ном. sg. 854; *олеКсеТЬ^в* ном. sg. 849; *олеКсеТЬи* ном. sg. 853; *олеКсеевъские* gen. sg. 306; *ольКсеи* ном. sg. 853 об.; *ольКсеТЬвъ* ном. sg. 855; *ольКсеТЬ^{13и}* ном. sg. 856 об.; *оНдреев* ном. sg. 640 об.; *оНдреевскова* gen. sg. 754 об.; *оНдреевского* gen. sg. 838, 844 об.; *оНдреевъ* ном. sg. 308 об.; *оНдреи* ном. sg. 45 об., п.р. 755; 848 об. x2, 855; *оНдреМ* instr. sg.

¹³ Здесь написание с буквой е следует считать (вследствие меньшей его регулярности и стандартности) фонетически более значимым.

так в ркп. 851 об.; *о^ндрею* dat. sg. 847 об., 852 х2, 856; *о^ндрея* gen. sg. 855 об. х2; *сергееву* dat. sg. 78, 80 об., 151 об., 153 об.; *серге^и* nom. sg. 808 об.; *сергеть^в* nom. sg. 158 об., 849 об.; *сергеемъ* instr. sg. 80; *сергеева* nom. sg. 308; *timoфееве* dat. sg. 262; 358 х2, 640; *timoфеево* nom. sg. 257; *timoфеевскія* gen. sg. 645; *timoфеевскогo* gen. sg. 257 об., 262 об.; *timoфеевско^и* dat. sg. 356; *timoФеевъ* nom. sg. 110 об., 178 об., 261 х3; *timoфеевы* gen. sg. 645; *timoфеевы^х* gen. pl. 257 об.; *timoфейше* nom. sg. п.р. 930; *timoфеть^в* nom. sg. 849, 853, 854; *фадеевъ* nom. sg. 263 об.; *фате^ико* nom. sg. 148 об.; *ярофе^ико* nom. sg. 137 об., 139 об.; *т^времель^в* nom. sg. 850 об.; и др.

Обратные замены е на Ѣ перед мягким согласным: *аграфъне* dat. sg. 123 об.; *згьмльгю* instr. sg. 80 об.; *лукъри* gen. sg. 710 об., 738; *лукърине* loc. sg. 712; *лукъря* nom. sg. 7, 19; *людъи* gen. pl. 125, п.р. 717, 902 об.; *людъ^и* gen. pl. 172 об.; *мгъ^ж* 79 об.; *мгъ^иши^м* instr. sg. 79; *мгъньшoму* dat. sg. 78 об., 80 об.; *ннъи* loc. sg. так в ркп. 741; *нъи* loc. sg. 78 об., 79 об. х2, 124, 152, 721, 904 об., 906 об., 907 х2, 907 об., 934; *нъни* gen. sg. 776; *успъ^ня* gen. sg. 699, 705 об.; *чет^вертъи* gen. pl. 741, 764 об., 765, 765 об.

В позиции перед мягкими согласными встречено существенно больше случаев замены Ѣ на и, чем перед твердыми:

дисти так в ркп. «двести» 84; *диту* nom. pl. 37 об., 589; *диту* acc. pl. 479; *дите^м* dat. pl. 20 об. х2, 21 х2, 88 об.; *диту^и* nom. pl. 457; *дитя^м* dat. pl. 85; *мире* dat. sg. 34 об.; *мире* loc. sg. 35; *миря^л* 32, 34 об.; *мисца* gen. sg. 407; *обие^с* gen. sg. 313; *одиле* loc. sg. 27 х2; *оди^лны^е* acc. pl. 27 х2; *одильные* acc. pl. 460 об.; *отдиле* loc. sg. 35, 85, 460 об. х2; *отди^лни^м* dat. pl. 28, п.р. 88, 127, п.р. 583; *отдилни^м* dat. pl. 128; *отди^лные* acc. pl. 86, 590; *отди^лны^м* dat. pl. п.р. 21, п.р. 583, п.р. 584 об.; *отди^лнымъ* dat. pl. п.р. 316; *отди^л\|нымъ* dat. pl. п.р. 59-59 об.; *отдинным* dat. pl. так в ркп. «отдельным» п.р. 583; *ри^чке* loc. sg. 493, 493 об., 650, 651 об.; *рич^ке* loc. sg. 85 об., 88, 88 об.; *ро^зди^лны^м* dat. pl. п.р. 870 х2; *умие^т* praes 3 sg. п.р. 84, п.р. 298, п.р. 744 об.; *умиетъ* praes 3 sg. п.р. 448.

Есть такие замены и в финали глагольной основы, а также в именах на **-ей/-ея** и их производных.

вели^ню dat. sg. 84, п.р. 298, п.р. 930; *владили* 37 об.; *владие^т* 3 sg. praes. 589; *владию^т* 3 pl. praes. 589; *владим^т* inf. 38, 105.

агиев^н nom. sg. 929; *алексьсиев^ь* nom. sg. 433 об.; *а^ндриев^ь* nom. sg. 930; *а^ндрия* gen. sg. 97, 803; *горди^и* nom. sg. 590; *дие^в* nom. п.р. так в ркп. «Авдеев» 584 об., 586; *моки^ико* nom. sg. 587; *мокико* nom. sg. так в ркп. «Мокейко» 944; *молодие^в* nom. sg. 650; *мосиева* nom. sg. 769; *овдие^в* nom. sg. 317 об.; *оле^ксие^в* nom. sg. 88 об., 946 об.; *оле^ксиева* nom. sg. 646; *оле^ксиева* gen. sg. 96 об., 726 об.; *оле^ксиевская* nom. sg. 945; *оле^ксиевскова* gen. sg. 925 об.; *оле^ксии* nom. sg. 121; *о^ндриевыми* instr. pl. 768 об.; *о^ндрии* nom. sg. п.р. 683, 683 об.; *о^ндрию* dat. sg. 97 об.; *пат^нелиев^в* nom. sg. так в ркп. 35; *пат^нракиев^в* nom. sg. 48; *пат^нракиев^ь* nom. sg. 447 об.; *пат^нракиевым^ь* instr. sg. 165 об.; *сер^гиев^в* nom. sg. 947; *тимофие^в||ва* gen. sg. 416 – 416 об.; *тимофиевское* acc. sg. 132, 639; *тимофию* dat. sg. 417 об.; *фадиев^в* nom. sg. 86; *фалелиев^в* nom. sg. 947 об.; *фати* nom. sg. 806 об.; *фатиев^ь* nom. sg. 758 об.; *фати^и* nom. sg. 457; *фатиевы^и* nom. sg. 457; *федосиев^в* nom. sg. 930 об., 944; и др.

Имеются и обратные замены **и** на **ѣ** в позиции перед мягкими согласными:

оксѣ^не dat. sg. 402 об.; *оксѣ^нне* dat. sg. 400 об.; *секѣ^рина* gen. sg. 75; *секѣ^рине* loc. sg. 74, 74 об.

Отдельно приведем написания для позиции перед шипящими, поскольку их качество могло быть неоднозначным (см. разделы 3.3., 3.4.).

Правильные написания с **ѣ** перед шипящими: *благовѣц^и¹⁴е^нскои* nom. sg. 294 об.; *блгвѣц^ее^нскои* nom. sg. п.р. 769; *блговѣц^ее^ня* gen. sg. 808 об.; *бѣж^и¹⁵е^нкому* dat.

¹⁴ В рассматриваемых говорах, по всей видимости, преобладал долгий глухой твердый шипящий, который, однако, мог быть хотя бы реликтово мягким. Теми же параметрами обладал и его звонкий коррелят: долгота и реликтовая мягкость. Подробнее см. раздел 3.4.

¹⁵ В рассматриваемых говорах, по всей видимости, были реликтово мягкие [ж'] и [ш']. Подробнее см. раздел 3.3.

sg. 266, 779; *помѣщиковы* nom. pl. 101 об., 116 об.; *помѣщ[и]ковы* nom. pl. 717 об.; *помѣщиковъ* gen. pl. 161 об.; *помѣщиковъ* loc. sg. 289; *помѣщичи^н* nom. sg. 116; *помѣщичы* gen. sg. 610 об., 869; *помѣщичы^н* nom. sg. 288, 442 об., 465 об., 475 об., 789 об.; *помѣщико^в* nom. sg. 321 об., 323 об.

Замены ѣ на е перед шипящими: *блговец^нскои* nom. sg. 173 об.; *блговец^нскои^и* nom. sg. 175, п.р. 860; *вещ^нскои^и* nom. sg. так в ркп. п.р. 291; *помесишков* nom. sg. 177 об.; *помесишкова* gen. sg. 110 об.; *помещикова* gen. sg. 727 об., 908; *помещикове* loc. sg. 895; *помещикову* асс. sg. 755 об.; *помещиковъ* nom. sg. 799 об.; *помещиковы* gen. sg. 895; *помещик(о)^в* nom. sg. 221.

И перейдем к оставшимся позициям.

Правильные написания с ѣ в конце слова: *вво^нчѣ* (флексия из твердого варианта) 194 об., 331, 331 об., 332 х2, 332 об., 333, 333 об., 335, 335 об. х2, 336 х2, 337, 337 об., 338; *вв'ончѣ* 161 об.; *в о^нчѣ* 105 об.; *вдовѣ* dat. sg. 39, 40, 58, 58 об., 65, 80 об., 196 х2, 919 об., 926 об.; *вдовѣ* dat. sg. 289 об.; *в'довѣ* dat. sg. 689, 691 об., 808; *вдоѣ* dat. sg. так в ркп. «вдове» 127 об.; *в'сѣе мельни^шные* gen. sg. так в ркп. «всей мельничной» 124 об.; *в^ндовѣ* dat. sg. 344; *головинѣ* loc. sg. 331 об., 335 об.; *гумнѣ* loc. sg. 694 об. х2, 701, 912; *дворѣ* loc. sg. 116 об., 119 об. х6, 120 х12, 129, 129 об. х2, 162, 162 об. х2, 163 х2, 163 об. х3, 165, 165 об., 199, 289, 302, 345 об., 859 об.; *дворѣ* loc. sg. 377; *дво^ррѣ* loc. sg. так в ркп. 212; *костромѣ* loc. sg. 331 об., 333, 336, 340 об., 341 об. х2, 342, 343, 771 об. х2, 777 об., 778; *ко^сстромѣ* loc. sg. 335 об., 337 *обпослѣ*¹⁶ 80 х2; *прудѣ* loc. sg. 209, 209 об., 646; *полудворѣ* loc. sg. 694 об., 701, 912; *(р)екѣ* loc. sg. 611; *рѣкѣ* loc. sg. 335 об., 747, 941 об.; *себѣ* dat. sg. 105 об., 727 об.; *сестрѣ* dat. sg. 58 об.; *сторонѣ* loc. sg. 588 об., 694 об., 722 об., 766; *стѣлѣ* loc. sg. 292; *тоѣ* gen. sg. 106 об., 160 об. х2, 262, 359, 708, 758; *тѣ* nom. pl. 105 об., 490, 613, 626 об., 790 об., 791, 859 об., 874 об.; *тѣ* асс. pl. 30, 48 об., 65 об., 437, 488 об., 492.; и др.

¹⁶ Следы акцентуации –лѣ [Зализняк 2014: 591].

Замены Ъ на е в конце слова: *вдове* dat. sg. 34 об., 262, 356, 358 х3, 358 об., 475 об., 476 об. х3, 739, 789 об., 790 об., 798, 828 об., 908 об., 909, 925; *в'дове* dat. sg. 123 об.; *две* 21, 22 об. х3, 23 об., 24, 25 об., 26 об. х2, 789 об., 792, 828 об., 830, 831 об., 833, 834 об., 836, 838, 840 об., 842 об. х2, 856, 906; *д'ве* 586; *дворе* loc. sg. 74 х2, 111 об. х2, 135, 260 об., 754 об. х2, 769 х2, 789 об., 831, 838; *дъве* 290 об.; *д'ве* 397; *ее* gen. sg. 78 об., 115 об., 116 х3, 166 об. х2, 172 об., 173 х2, 177 об. х3, 925 об.; *после* 58 х2, 62, 62 об., 63 об., 194 об., 429 об., 483 об.; *после* 400; *реке* dat. sg. 84, 422 об., 433; *реке* loc. sg. 100 об. 136 об., 340 об., 341 об., 358 об., 423 об., 456 об., 458 об. х2, 459 об., 476, 479, 640, 646, 650 об., 651 х2, 703 об., 861, 940; *реке^и* loc. sg. так в ркп. 459 об.; *рѣке* dat. sg. 783, 783 об., 783, 936; *рѣке* loc. sg. 101, 697 об., 743, 783, 783 об., 786, 803 об., 936; *селе* loc. sg. 148, 400 об., 596, 599 об. х2, 601, 754 об., 803 об., 831 х2, 848, 848 об., 855 об. х2, 856; *селце* loc. sg. (флексия из твердого варианта склонения) 85 100 об., 124; 125 об. 166 об., 167, 177 об., 216, 219 об., 221, 418 об., 452 об., 480, 489, 617 об., 699, 701, 705 об., 911 об., 916, 928 об., 929 об.; *сестре* dat. sg. 85; *те¹⁷* *пуст[о]ши* nom. pl. 657 об.; *мое* gen. sg. 60 об. х3, 61 об., 62 х2, 62 об. х2, 63 об., 64 х2, 64 об. х2, 293 х2, 318 х2, 318 об. х2, 437 х2, 444, 490 об., 586 об., 587, 587 об. х2, 588 об. х2, 599, 616, 644, 670, 670 об., 695, 695 об. х2, 696, 696 об. х2, 698 об. х2, 702, 702 об. х2, 703 х2, 703 об., 704 х2, 704 об. х2, 705 х2, 720 об., 725 об., 726, 727 об., 734, 786, 800 об., 860 об., 861, 861 об. х2, 913 х3, 914 х2, 914 об. х2, 915 х3, 915 об., 916, 916 об., et pass.; *то¹⁸* e gen. sg. 336 об.; *ѣе* gen. sg. 288 об.; и др.

Замены Ъ на и в конце слова: *дочери еи¹⁹* *петровские* gen. sg. 88 об.; *еи* gen. sg. 889; *на еи жеребе^и* 829; *реки* loc. sg. 459 об.; *сна еи ива^ика* gen. sg. 880.; *ти* acc. pl. 34 об.

Был обнаружен также и ряд примеров, в которых можно видеть диалектную морфологическую особенность.

¹⁷ Здесь *ѣ* в номинативе появился под влиянием косвенных падежей множественного числа.

¹⁸ Исправлено из *е*.

¹⁹ Здесь и в следующих аналогичных примерах возможно также отражение дефинализации ударения и утрата конечного гласного, в связи с чем буква *и* может быть обозначением звука [j].

В первой группе представим написания с правильным употреблением буквы **ѣ**: *свѣтъ^и бѣы* gen. sg. 697, 702.

Во второй группе приведем примеры с прямой заменой **ѣ** на **е**: *свѣтеи бѣы* gen. sg. 85; *сте^и бѣы* gen. sg. 161, 162.

Подобная флексия родительного падежа единственного числа местоименных прилагательных женского рода была распространена в древненовгородском диалекте [Зализняк 2004: 121–122] и представляет собой сохранение архаической парадигмы, не подвергшейся влиянию местоименного.

Однако в ней можно видеть также и влияние церковнославянского адъективного склонения, что, учитывая лексему, представленную в обоих примерах, выглядит более вероятным.

Следует отметить, что наиболее последовательно буква **ѣ** на своем законном, с точки зрения этимологии, месте сохраняется в формульных частях отказов, например, в стандартном начале типа *лѣта...*, а также в наиболее употребительной лексике, см. списки примеров.

Как кажется, сделать вывод о судьбе фонемы <ѣ> в костромских говорах XVII в., отраженных в исследованных памятниках, можно следующим образом.

Буква **ѣ** в исследованных текстах в большинстве случаев употребляется верно как перед твердыми, так и перед мягкими согласными. Для позиции перед мягкими согласными примеры с верным употреблением буквы **ѣ** следует разделить на две приблизительно равных группы: с этимологически верными написаниями и с традиционными написаниями в именах на **-ей/-ея** и производных от них. Общее число верных (этимологически и традиционно) написаний с буквой **ѣ** в позиции перед мягким согласным – приблизительно в полтора раза больше, чем в позиции перед твердым.

Перед твердыми согласными количество прямых замен на **и** незначительно (приблизительно в тридцать раз меньше, чем замен на **е** в этой же позиции), обратных замен на **и** в данной позиции нет. Почти все замены **ѣ** на **и** в этой подгруппе можно трактовать также и как сохранение исконно мягкого варианта

местоименного склонения. Соотношение этимологически правильных употреблений буквы ѣ и замен составляет здесь приблизительно 2:1.

Перед мягким согласным обнаруживается максимальное число прямых замен на и (две трети из них представлены в именах на –ей/-ея и производных от них). Соотношение с прямыми заменами ѣ на е в этой же позиции составляет вновь примерно 2:1. Именно здесь имеются и обратные замены на и, количество их, однако, крайне невелико (считанные примеры).

Вернемся к позиции перед твердым согласным. Можно предположить, что здесь было представлено е-образное звучание, поэтому его передавали буквой е.

Большое количество в этой позиции правильных написаний с буквой ѣ и обратных замен (максимальное их количество – в позиции перед твердым согласным на месте е, полное отсутствие замен е на ѣ в позиции конца слова можно объяснить тем, что фонема <e> на конце слова под ударением вообще встречается гораздо реже, чем фонема <ě>, широко представленная в ряде морфем) можно объяснить хорошей выучкой писцов, а также традицией употреблять данную букву именно в позиции под ударением.

В пользу подобной фонетической интерпретации полученных данных говорят также и сведения, представленные в работе Л.Ф. Копосова, который особо отмечает, что в отказных книгах Костромского и Вологодского уездов процент написаний с заменами ѣ на е против традиционных, как правило, несколько выше, чем в прочих обследованных памятниках. Л.Ф. Копосов исследовал рукописи XVII–XVIII вв., среди которых к рассматриваемым территориям относятся следующие: грамоты Коллегии экономии (фонд 281: разнообразные документы XVI–XVII вв. по Вологодскому и Костромскому уездам); Костромская приказная изба (фонд 881, опись 1: купчие, сыскные речи, отказные книги, челобитья и др. документы 1652–1699 гг.); Поместный приказ (фонд 1209, опись 162: отказные книги по Вологодскому уезду 1620–1629 гг., а также 1676–1677 гг. и по Костромскому уезду 1617–1626 гг., а также 1686–1688 гг.); Разрядный приказ, Новгородский стол (фонд 210: поручные записи костромичей 1634 г., сказки костромских недорослей из рейтар 1694 г., сказки

ярославцев 1676 г.); Костромская провинциальная канцелярия (фонд 431, опись 1: челобитья и дела по ним 1729–1741 гг.; также опись 3: дело об ограблении крестьянами помещика 1743 г., доношения Усольской ратуши 1763 г., дело об отказе наследственного имения 1769 г., доклад о повышении подканцеляристов в должности 1778 г.); Судиславская и Бувевская воеводская канцелярия Костромской провинции (фонд 693, опись 1: «ведомости» 1740 г. о ценах на хлеб, о приходе и расходе денежной казны по кабацким, таможенным, конским сборам в Судиславле и Буве, а также о приписных делах, челобитные, дела об избивении крестьян, датированные 1741 г.). Как видим, выборка источников достаточно большая, все они, кроме того, вполне близки к говорам, отраженным в **Костр.**, как во времени, так и в пространстве [Копосов 2000: 8–11, 79].

Замены **Ѣ** на **и** (если исключить примеры типа *си^М dat. pl. п.р. 90*, объяснимые морфологически), а также обратные замены **и** на **Ѣ** представлены лишь в позиции перед мягким согласным.

Трактовать это можно следующим образом: фонема <ѣ>, скорее всего, по своей фонетической реализации была здесь гораздо ближе к [и], чем к [е]. Таким образом, можно предположить ее реализацию перед мягким согласным либо в [йе] либо в [и].

В современных говорах на рассматриваемой территории ситуация обстоит следующим образом: на основной площади треугольника с вершинами в Костроме – Кологриве – Солигаличе (как было уже сказано выше во введении, все современные диалектные явления будут рассматриваться именно применительно к этой территории) в позиции перед твердым согласным основной реализацией рассматриваемой фонемы является именно [е]. В центре ареала островами представлена также и реализация в [ѣ], которая по объему занимаемой территории примерно сопоставима с [е] открытым. На периферии возможны нерегулярные реализации в [йе] и [и], также островами, но в значительно меньшем объеме [ДАРЯ 1: 40]. В позиции же перед мягким согласным основной реализацией также является [е], однако, что важно, везде в сосуществовании с [и]. Сочетание

[йе] не представлено совершенно, а [ê] закрытое лишь несколько чаще и островами [ДАРЯ 1: 41].

Разумеется, информация, представленная в ДАРЯ, особенно по такому вопросу, как различные ступени в градации звуков на месте фонемы <ё> под ударением, представляющие из себя континуум от [е] до [и], может оказаться и недостаточно точной. Но, как кажется, приведенные данные подтверждают предположение о том, что реализация фонемы <ё> в рассматриваемых говорах зависела от последующего согласного: [е] перед твердым, [йе] либо [и] перед мягким.

Примеры, встречающиеся в диалектных записях, хоть и не демонстрируют последовательной зависимости реализаций старого ятя в ударном слоге от твердости-мягкости следующего согласного, но в целом подтверждают материалы памятников деловой письменности и атласа [ДАРЯ 1: 41]. Приведем их из записи ЭБРНГ-392 (село Саметь Костромского района) и разделим в зависимости от следующего согласного и реализации.

[е] в позиции перед твердым согласным:

З'д'элат', ор'эхъў, пр'ижэдут, пр'ижэхъл, ф с'т'эну, хл'эбушка и др.

[и] в позиции перед твердым согласным и на конце слова:

Д'йвушк'и х2, д'йвъчка х2, моjó д'йло, посл'е об'йда мо́жеш оддохнút', у их бы́л'и дв'и снох'й, и др.

[е] в позиции перед мягким согласным:

Н'ед'эл'у, н'я јэс'т', н'эл'и, и др.

[и] в позиции перед мягким согласным:

Вм'ис'т'и, д'ит'и, н'ед'ыл'а, н'ис'н'и, ры́нку јис', св'ич'к'и, ја н'ис'ьл'н'ица такаа бы́ла, и др.

В диалектных записях обнаруживаются реализации старого ятя посредством звука [е] перед твердым согласным и [йе] либо [и] перед мягким согласным, что подтверждает предположения, сделанные на основании анализа деловых текстов, однако реализации эти более не зависят от твердости либо мягкости следующего согласного.

Таким образом, материалы диалектных записей и карты [ДАРЯ 1: 40, 41], показывают, что различия в реализациях старой фонемы <ѣ> под ударением в зависимости от твердости либо мягкости следующего согласного ([е] в первом случае, [йе] или [и] во втором), еще достаточно ярко проявляющиеся в исследованных текстах, к настоящему времени уже нивелированы.

1.2. Вопрос о фонеме <Ѡ>

В современной диалектологии общепризнанным считается положение о том, что возможны говоры с семифонемным вокализмом и фонемами <ѣ> и <Ѡ>, говоры с шестифонемным вокализмом и лишь фонемой <ѣ>, однако невозможны говоры с шестифонемным вокализмом и лишь фонемой <Ѡ> (см. например [Касаткин 1989: 39]). Хотя, как было выяснено, фонемы <ѣ> в говорах, отраженных в исследованных документах, уже, скорее всего, не было, а можно говорить лишь о ее рефлексах, различных перед мягкими и перед твердыми согласными, попробуем рассмотреть также и вопрос о наличии в исследуемых говорах фонемы <Ѡ>.

Встретились некоторые написания, позволяющие предполагать следы существования в прошлом (то есть не в XVII в., а ранее) в данном говоре фонемы <Ѡ>. Распределим их по характеру замен.

Прямые замены **о** на **у**: *ворунина*²⁰ gen. sg. 699 об.; *сысуев* nom. sg. 59, 930 об.; *сысуи* nom. sg. 27; *угудем*²¹ 111 об. х2; *угудяx* loc. pl. 290 об.

То же в гипокористических именах с предполагаемым смешением суффиксов: *лукушкою*²² instr. sg. 840; *митруш'ки* gen. sg. 52 *митрушка* nom. sg. 162 об., *никушка* (похоже на исправление из **о**) 162 об.

Обнаружены были также и обратные замены **у** на **о**, для каждой из которых (кроме первой, относящейся к сфере ономастики) можно предполагать и графическую ассимиляцию: *анофреев* nom. sg. 671 об.; *вноком*^М instr. sg. 810;

²⁰ Ср. *воронина* gen. sg. 706.

²¹ В Мериле Праведном *оугудье* [Зализняк 2014: 221]. В данном примере из **Костр.** можно предполагать и графическую ассимиляцию.

²² Здесь, разумеется, возможно влияние предшествующей буквы гласного.

полупостоши loc. sg. 323; *постош*²³ nom. sg. 95 об., 418 об.; *постоша*^x loc. pl. 41 об., 862 об.; *постошеги* gen. sg. так в ркп. 852; *постоши* gen. sg. 579.

Один антропоним встречается как в написании с *у*: *кутулову* dat. sg. 847 об., 848, 851 об.; – так и в написании с *о*: *кутолова* gen. sg. 851 об.; *кутоловы*^M instr. sg. 855 об. И здесь нельзя исключить графической ассимиляции. В рассматриваемой лексеме представлены обе буквы, и писец, в зависимости от ситуации, мог склоняться к одной из них.

Количество примеров, как видим, невелико, и, что важно, почти все они могут быть объяснены графической ассимиляцией.

Мы, таким образом, имеем дело в лучшем случае лишь со следами возможного наличия данной фонемы в прошлом, но для XVII в. следует предполагать уже пятифонемную систему ударного вокализма с чередованием: *e*-образная реализация на месте старого **ě* перед твердым согласным при *i*-образной перед мягким согласным, – а никак не семифонемную.

Гласный же [o] под ударением, при отсутствии противопоставления <ô> – <ə>, мог произноситься как сильно закрытый, лабиализованный типа [ô] или [y̞o], что подтверждается и наблюдениями С.С. Высотского, отмечавшего, что в севернорусских говорах с пятифонемным вокализмом фонемы <o> и <e> характеризуются следующими признаками: слабая дифтонгоидность, напряженность (закрытая артикуляция *o* и *e*), верхнее-средний подъем [Высотский 1967: 22–23, 36–37].

Надо сказать, что в диалектных записях встретились лишь два примера, которые можно было бы считать реликтами <ô>: *на двур от н'е вывóд'ат* А-0332 (деревня Большое Тимошино Макарьевский район), *нуòп* ЭБРНГ-084 (село Аферово Костромской район). Однако редкость и взаимная территориальная удаленность этих единичных примеров не позволяет предполагать сколь-либо последовательного сохранения реликтов <ô> в рассматриваемых говорах в настоящее время.

²³ Старая а.п. *с*, новая – а.п. *а* (не прямая наследница старой) [Зализняк 2014: 588].

1.3. Результаты перехода [e] в [o]

Результаты данного процесса представлены в исследованных текстах в позиции под ударением (и не только) многочисленными примерами.

Согласно Л.Ф. Копосову, в севернорусских деловых текстах XVII–XVIII вв., несмотря на наличие традиционных написаний, присутствует и большое количество примеров, где в положении под ударением перед последующими буквами твердых согласных употреблена буква **о** [Копосов 2000: 59–60].

В исследованных текстах результаты перехода [e] в [o] отражаются как в суффиксальных морфемах и флексиях (здесь могла повлиять аналогия с твердым вариантом склонения или словами, где суффикс стоит после твердой согласной), так и в корнях. Присутствует отражение данного явления после букв шипящих и **ц**, а также после парных по твердости-мягкости согласных. Для начала приведем примеры, отражающие переход в позиции перед последующим твердым согласным, где рассматриваемый процесс проходил фонетически.

В корнях после букв шипящих и **ц**: *жехове*²⁴ loc. sg. 710 об.; *на рѣчѣ на щорнѣ*²⁵ 933 об.; *по рѣчѣ по щорнѣ* 933 об.; *сажон*²⁶ gen. pl. 106 об., 107 х2.

Встретилось также и два примера написания одного гидронима (река Шорна), где буква **щ** употреблена на месте **ш**:

В корнях и в суффиксах, после твердых согласных не представленных, после букв парных по твердости-мягкости согласных²⁶: *зомьскои*²⁷ nom. sg. 121, 121 об.; *с матро*²⁸ *ню*²⁹ ю instr. sg. 925 об.; *озорские* gen. sg. 599; *оксеон*³⁰ nom. sg.

²⁴ Ср. *жехове* loc. sg. 711; *жехову* acc. sg. 710 об.

²⁵ В этом, а также в следующем примере (написания, отражающие гидроним *Шорна*) имеет место мена букв **ш** и **щ**, о которой пойдет речь в разделе 3.4.

²⁶ В примерах, приводимых в этой группе, переход [e] в [o] отражается в ущерб передаче мягкости.

²⁷ Акцентуация полной формы *зѣмский* (а.п. *а*) не является прямой наследницей древней [Зализняк 2014: 372].

²⁸ Исправлено по верх е.

²⁹ Исправлено по верх о.

³⁰ Было обнаружено немало подобных примеров: писец, по всей видимости, ощущал противоречие с произношением и записывал сначала вариант правильный с точки зрения орфографии, а затем, сразу же за ним и без исправлений, вписывал вариант отражающий диалектную фонетику.

129 об.; *ольфоро* ном. sg. 484 об.; *парфонъсковское* ном. sg. 423; *поперо*² 417 об.; *поперо*^к 107 х2; *по^трь* ном. sg. п.р. 450 об.; *села орлоен*^к³¹ так в ркп. «села Орленок» 856 об.; *семеона* (е вписано, скорее всего, позднее) gen. sg. 38 об.; *семионь* ном. sg. 627; *семо(н)* ном. sg. 65 об.; *семо^на* gen. sg. 38, 852; *семоновы* gen. sg. 868; *семоновы*^м (о в основе, возможно, исправлено на е, либо наоборот) instr. sg. 37; *фо*³²*доров* ном. sg. 583 об., *копо^н*³³ gen. pl. 33, 34, 416 об., 417, 479 об., 480 х2; *копе^нпо^н* так в ркп. «копен» gen. pl. 94 об.; *копонь* gen. pl. 416 об.; *отделоно* ном. sg. 618 об.

Ряд примеров, хотя и относящихся к сфере антропонимики, можно, кажется, рассматривать и в качестве гиперкорректного восстановления буквы е на месте исконного звука [о] в заимствованных словах: *антиехова*³⁴ ном. sg. 589; *антиехова* gen. sg. 587; *а^нтиехову* dat. sg. 583 об., 588; *антиеховы* ном. pl. 589.

В суффиксах и окончаниях после букв шипящих и ц: *бедряицovo* ном. sg. 626 об.; *бедряицова* gen. sg. 617; *большому* dat. sg. 151 об., 153 об.; *большое* ном. sg. 908 об.; *мъньшому* 78 об., 80 об.; *немец^о* ном. sg. 8 об.; *немецова* gen. sg. 58, 65, 454 об., 761; *немецову* dat. sg. 64, 453, 817 об., 819; *немецовы^м* instr. sg. 59 об., 60 х2, 60 об. х3, 61 об., 62 х2, 62 об. х2, 63, 63 об., 64, 65; *образцо^о* ном. sg. 66; *образцова* gen. sg. 160, 475; *окулицо^о* ном. sg. 735 об.; *отцо^м* instr. sg. 219; *писцо^о* gen. pl. 88; *писцово* ном. sg. 776; *писцовы^х* gen. pl. 760 об., 768, 918; *писцо^м* instr. sg. 488 об.; *черныцovo* ном. sg. 58 об., 65 об., 663; *юръцовско^м* loc. sg. 112; *якушовка* ном. sg. 920; *ярицова* gen. sg. 662, 820; *ярицовы^м* instr. sg. 651; *ястрелицovo* ном. sg. 620; и др.

Разумеется, ударение в подобных производных лексемах по говорам может различаться, тем более что этимология некоторых из них не всегда прозрачна, но

³¹ Ср. ранее *орлено^к* gen. pl. 856 об.

³² Исправлено на е.

³³ Старая а.п. с, новая – а.п. b (не прямое наследование) [Зализняк 2014: 183]. Данный суффикс также не имел употреблявшегося после твердой основы коррелята с начальным <о>.

³⁴ Др.-греч. *Αντίοχος*.

следует признать, что в большинстве представленных примеров ударение все-таки должно было падать именно на слог с гласным после букв шипящих и **ц**.

В суффиксах, имеющихся и после твердых согласных, и в окончаниях после букв парных по твердости-мягкости согласных: *жихорову* dat. sg. 467 об.; *кара\совсково* gen. sg. 63 об.–64; *ковалова* gen. sg. 116 об., 117; *но*³⁵ loc. sg. 642 об.; *щевелова*³⁶ gen. sg. 467.

Приведем также и написания, свидетельствующие об аналогическом развитии данного процесса: в позиции перед следующим мягким согласным.

В суффиксах и окончаниях после букв шипящих и **ц**: *болшо^u* nom. sg. 160 об.; *большое* nom. sg. 947 об.; *за рекою за покшою*³⁷ 940; *клокачовъ* loc. sg. 202 об.; *мешное* nom. sg. 141, 146 об., 921 об., 948; *мешною* instr. sg. 740 об.; *чижове* loc. sg. 317; *ястреⁿцове* loc. sg. 620, 621.

В суффиксе, встречающемся и после твердых согласных, после букв парных по твердости-мягкости согласных: *кавалове* loc. sg. 117 об.

Выделим пример в позиции после выносной буквы, в котором звук [j] не обозначен: *в третое*³⁸ loc. sg. 804 об.

Кроме того, отдельно приведем и примеры для позиции конца слова, которые также свидетельствуют об аналогическом развитии.

В окончаниях после букв шипящих и **ц**: *селцо* nom. sg. 47, 344, 757 об.; *селцо* nom. sg. 49, 62 об., 202, 384, 642, 644, 695, 701 об., 717 об., 866, 869, 912 об.; *селцо* acc. sg. 759 об., 865 об.; *селцо* acc. sg. 49, 803 об., 871 об.; *сельцо* nom. sg. 95 об., 96 об., 869 об.; *сельцо* acc. sg. 859, 862 об.; *сел'цо* acc. sg. 715.

Как было сказано выше, примеры в некоторых суффиксах и окончаниях менее показательны, они могли появиться и по аналогии с вариантами соответствующих морфем, присоединяющимися к твердым основам. О подобных случаях, когда в говоре звук [о] после мягких согласных представлен лишь в ряде

³⁵ Исправлено на е.

³⁶ Патроним, ср. *щевелева* gen. sg. 422.

³⁷ Данных об акцентуации данного гидронима нет.

³⁸ *Третьи*, но исключительно *третья* [Зализняк 2014: 244].

суффиксов и флексий, Р.И. Аванесов писал следующее: «Можно с уверенностью утверждать, что *o* в этих категориях случаев появился нефонетическим путем: под влиянием твердой разновидности склонения (*окном, пилой*) и уменьшительного суффикса *-ок* после твердых согласных (*дубок, возок, лесок*)» [Аванесов 1949: 43].

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 38] ареалов, в которых допускается сохранение [e] в суффиксах и основах хотя бы лишь в единичных случаях, чрезвычайно мало, они представлены лишь небольшим количеством островов в центре рассматриваемой зоны. Это же подтверждается и коллективной монографией [Образование... 1970], где говорится, что в целом для костромских говоров характерно произнесение [o] в позиции перед твердым согласным, а [e] в позиции перед мягким на месте фонемы <e> [Там же: 294].

Подобную ситуацию наблюдаем и в диалектных записях. Приведем некоторые примеры и распределим их в зависимости от позиции и от механизма изменения (фонетический или аналогический переход).

Фонетический переход в корнях:

Зь в'ер'овъчку ЭБРНГ-392, *с'обстры* ЭБРНГ-392, *шолкъвых* ЭБРНГ-392, *п'ок* ЭБРНГ-054, ЭБРНГ-369, и др.

Фонетический переход в суффиксах и окончаниях:

Изомн'ом л'он в'ес' А-0336, *плов'от* А-0260, *поид'ом с нам* А-0260, *пр'ид'от* ЭБРНГ-392, *пр'ипас'ош* ЭБРНГ-392, и др.

Аналогический переход в позиции конца слова:

Было еш'о на уч'аск'и разд'ел'енó А-0266, *сел'цó* ЭБРНГ-392, и др.

Таким образом, в говорах, представленных в исследованных текстах, переход [e] в [o] к XVII в., несомненно, прошел в абсолютном большинстве случаев: как фонетический, так и аналогический.

Встретился также один пример, который может свидетельствовать о реализации фонемы <ё> на конце слова после [j] в звуке [e] и равноправном ее участии в рассматриваемом процессе, что может лишний раз говорить в пользу его последовательности, а также в пользу ранней утраты фонемы <ё> в ударной позиции в костромских говорах: *eo gen. sg.* 151 об.

Интересно, что в московских грамотах XIV в. буква Ѣ всегда пишется этимологически верно за исключением именно родительного падежа единственного числа женского рода неличных местоимений, где она часто заменяется буквой е [Галинская 2015: 309].

1.4. Изменение [а] в [е]

Данный процесс в исследованных текстах представлен немногочисленными и спорными примерами: *кне³ о^ндревъвича* gen. sg. 856 об.; *мишенино* nom. sg. 642; *прозвище замете^нка³⁹* nom. sg. 647; *шепину⁴⁰* (ср. *щапина* gen. sg. 125) dat. sg. 124 об.; *ф не^т чет^и⁴¹* 154 х2.

В качестве косвенного отражения перехода звука [а] в [е] между мягкими согласными (с учетом мены в паре букв Ѣ \ е и форм косвенных падежей данной лексемы, напр. *отрочати*) можно рассматривать также и замену а \ я на Ѣ перед твердым согласным: *отрочьто^м* dat. pl. 311 об.

Один пример, поддающийся морфологическому объяснению, можно указать в качестве гиперкорректного: *имя^нно* adv. 909 об.; *поимя^нно⁴²* adv. 596.

Еще один пример содержит исправление я на Ѣ перед буквой ч и может считаться гиперкорректным при условии омофоничности букв Ѣ \ е, о чем см. разделы 1.1. и 2.2.1.: *рѣ⁴³чке* loc. sg. 845.

Два оставшихся примера возможной гиперкоррекции: *клемя^нтиев⁴⁴* nom. sg. 624 об.; *клемянтье^в* nom. sg. 948; – выглядят, как кажется, более убедительно, но сами по себе недостаточны для каких-либо утверждений.

³⁹ Здесь возможна описка под влиянием буквы следующего гласного.

⁴⁰ Антропонимика, разумеется, может быть сильно подвержена варьированию.

⁴¹ Здесь можно предположить предвосхищение буквы гласного в следующем слове. Впрочем, числительное здесь могло быть и безударным.

Можно также предположить, хоть доказать этого и нельзя, что данное словосочетание (а также пример *кне³ о^ндревъвича*) представляло собой одно фонетическое слово с одним ударением на втором слове, тогда как первое проклитизировалось.

⁴² Здесь и в предшествующем примере следует предполагать влияние формы *имя* nom. sg.

⁴³ Исправлено из я.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 43] на рассматриваемой территории более или менее регулярно переход [а] в [е] между мягкими согласными представлен лишь небольшими ареалами на юге, севере и западе для лексемы *опеть*. Однако через Солигалич и несколько южнее Кологрива проходит изоглосса, к северу от которой регулярно осуществляется переход [а] в [е], южнее же данное явление представлено на карте лишь несколькими островами и осуществляется в единичных случаях.

Говоря о ситуации в русских говорах в целом, следует отметить, что «... в большей части ср-в-р говоров и части с-в-р говоров, ... передвижка артикуляции вперед и связанное с ним движение языка вверх не идут настолько далеко, чтобы в результате оказался гласный звук иного типа, чем а» [Аванесов 1949: 54].

Эти выводы подтверждаются данными монографии [Образование... 1970]: «В соответствии этимологическому а в ударенном слоге для костромских говоров характерно произношение /а/ как перед твердыми, так и перед мягкими согласными» [Там же: 296].

В диалектных записях рассматриваемое явление встречается редко и нерегулярно: а в *д'ёўкѣх ту пр'ёл'и* ЭБРНГ-392, *б'из огн'а качéју* ЭБРНГ-392, *гул'ём фс'и уш* ЭБРНГ-392, *и оп'ёт' ф колóд'ец'* ЭБРНГ-392, *исправл'ёл'и* ЭБРНГ-392, *исправл'ём фс'и* ЭБРНГ-392, *оп'ёт' х2 А-0260*, *стојёл'и* ЭБРНГ-374. Нельзя, таким образом, сказать, что их материал опровергает сделанные выводы.

Можно предполагать, что на данной территории рассматриваемое явление представляет собой часть того комплекса черт более северных диалектов, которые постепенно становятся факультативными, рудиментарными и вытесняются, если доверять немногим обнаруженным гиперкорректным примерам.

Следует признать, что переход [а] в [е] на рассматриваемой территории, по всей видимости, никогда широко распространен не был.

Для сравнения можно также привести мнение Л.Ф. Копосова, который считает, что, будучи яркой диалектной чертой, эта особенность чрезвычайно

⁴⁴ Ср. *клемѣтѣ*⁶ ном. sg. 740, 740 об.; *клемѣтѣва* gen. sg. 752; *клемѣтѣву* dat. sg. 742; *кльмѣтѣ*⁶ ном. sg. 754 об.; и др.

легко утрачивается при знакомстве с литературной нормой или речью носителей
других диалектов [Копосов 2000: 63].

Глава 2. Безударный вокализм

Рассмотрение вопросов, связанных с вокализмом безударных слогов в говорах, отраженных в исследованных текстах, будет проводиться на основании следующих положений: во-первых, по отдельности будут рассматриваться вопросы о вокализме после твердых и после мягких согласных; во-вторых, поскольку для говоров, отраженных в исследованной отказной книге, предполагается реликтовая мягкость как долгих и кратких шипящих, так и обеих аффрикат (подробнее см. разделы 3.5.1. и 3.5.2.), а также потому, что количество самих примеров после букв шипящих и **ц** крайне невелико, они будут помещены в раздел 2.2., посвященный вокализму после парных мягких согласных, однако будут даны отдельной рубрикой; в-третьих, для позиций после букв твердых согласных дальнейшее разграничение будет проводиться лишь в зависимости от позиции слога по отношению к ударению (первый предударный, второй предударный, заударный неконечный и т.п.); и, наконец, для позиций после букв мягких согласных, а также после букв шипящих и **ц** примеры, в соответствии со сложившейся традицией представления данных о безударном вокализме после мягких согласных в окающих говорах, будут приведены так, что они будут распределяться в зависимости от этимологического гласного, а также в зависимости от качества последующего согласного.

2.1. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова

2.1.1. Первый предударный слог

Говоры, отраженные в отказной книге, относятся к северновеликорусским, однако в текстах встречаются случаи мены букв **а** и **о**.

Прежде чем перейти к материалу, отметим, что заимствованные личные имена с начальным **о** или **а** исключаются из числа примеров во всех группах при рассмотрении вопроса об аканье в предударных слогах, так как нельзя сказать, чем было обусловлено написание соответствующей буквы – фонетическим обликом имени в данный период или орфографической традицией, ср.: «Начальное *о*- в языке восточных славян было обычным звуком (*одинь, осень, онь*

и т.д.). В связи с этим начальное *о-* в греческих заимствованных именах сохранялось: *Онисифоръ, Онисимъ, Орестъ, Оноуфрии*. Встречающиеся формы с начальным *е-* (*Еноуфрииши*) и *а-* (*Анисимъ*) носили вторичный характер и связаны с чередованием *о-//е-, о-//а-* в русских – старославянских вариантах имен» [Толкачев 1973: 269].

Таким образом, выходит, что выбор начальной буквы **о** или **а** в данной группе примеров обусловлен традицией – церковной либо народной – а значит, оба типа написаний не могут быть показательны в плане частотности, хотя вариативность в пределах отдельного документа и может указывать на то, что в данной позиции писец испытывал затруднения, а значит, орфография расходилась с произношением.

В целом в исследованных текстах на месте этимологического **о* регулярно употребляется буква **о**, примеры чрезвычайно многочисленны и приводить их нет необходимости. Однако следует остановиться на ряде написаний, к которым относятся такие слова и морфемы, которые в современном русском литературном языке под влиянием акающего произношения стали регулярно употребляться в акающем орфографическом облике: *борана* gen. sg. 118; *бора^{те}* loc. sg. 733; *боранова* nom. sg. 455 об.; *боранова* gen. sg. 668; *борановка* nom. sg. 812; *бораново* nom. sg. 167; *борану* gen. sg. 33, 447 об.; *двуборановокъ* gen. pl. 756; *дрвня* *ро^збугино* nom. sg. 812; *кропивка* nom. sg. 136; *кропивницъ* loc. sg. 30; *поросли* 44; *поросло* 21 об., 22 об., 810 об., 825, 859 об., 860, 870, 913, 913 об., 914; *поросло* 153; *поросьло* 289 об., 291, 291 об.; *порос'ло* 161; *посросло* 95; *ро^зведена*⁴⁵ 380; *ро^здели^л* 21, 52, 90, об., 165 x2, 312 об.; *ро^зделили* 20 об.; *ро^зделити* inf. 20 об. x2; *ро^здельны^м* dat. pl. п.р. 160, п.р. 452; *ро^здълнымъ* dat. pl. п.р. 896, п.р. 918; *ро^здълу* gen. sg. 52 об., 165, 466 об., 475, 477; *ро^здълны^м* dat. pl. п.р. 452; *ро^здълны^м* dat. pl. п.р. 311; *ро^здълны^м* dat. pl. п.р. 452; *ро^зписано* 58 об.; *ро^зрядно^с* gen. sg. 50; *ро^ззде* loc. sg. 455; и др.

⁴⁵ Количество примеров, где данная морфема употребляется в облике **роз-** значительно превосходит количество примеров, где она употреблена в облике **раз-**.

Следовательно, можно предполагать, что в рассматриваемых говорах отражен тип вокализма, в котором в первом безударном слоге после твердых согласных имело место отсутствие качественной редуции.

Однако ряд примеров, как кажется, противоречит данному утверждению, приведем их.

Замены **о** на **а**: *адну* асс. sg. 612; *ако^лные* ном. pl. 418, 480 об.; *дварица* gen. sg. 596; *дворавы^и*⁴⁶ ном. sg. 850 об.; *кало^ткина⁴⁷* gen. sg. 596; *ка^ндрашка* ном. sg. 772 х2, 844 об.; *ка^ндрашко^м* instr. sg. 824 об.; *капел^н*⁴⁸ gen. sg. 596 об. х4, 597 х4, 597 об. х2, 598 х4, 598 об., 599 х2, 601; *капел^н* gen. sg. 598 об.; *ка^пны* gen. sg. 597 об.; *ка^рни^лко* ном. sg. 154; *ка^рми^т* inf. 349; *ка^р'ми^т* inf. 349; *кастюхи* loc. sg. 625 об.; *кострамитину* dat. sg. 47; *кострамитинъ* ном. sg. 47; *кострамска* gen. sg. 47; *кострамскому* dat. sg. 49 об.; *полавина* ном. sg. 850 об.; *полавини* ном. pl. так в ркп. 851; *понама^р* ном. sg. 207; *пратаву* dat. sg. так в ркп. 838; *рама^шкомъ* 624 об.; *сасел^д* ном. sg. 796 об.; *соломаниде* dat. sg. 601, 644 об.; *соломаниди^н* ном. sg. 651; *соломанидина* gen. sg. п.р. 645; *соломанидину* dat. sg. 640; *соломанидою* instr. sg. 599 х4; *соломаниды* gen. sg. 645; *соломанидъ* dat. sg. 640; *соломани^тка* ном. sg. 616 об.; *таварыци* instr. pl. 64; *трафимо^в* ном. sg. 744; *трафимово* ном. sg. 743; и др.

Однако примеры, относящиеся к топонимике и антропонимике, не являются надежными, они могли появиться под влиянием произношения тех лиц, к которым относится определенный антропоним (автономинация).

Лексема *таварыци* также была широко распространена в деловой письменности той эпохи и могла заимствоваться в инодиалектном фонетическом облике, лексема же *пономарь* могла различно отражаться при заимствовании (гр. *παρονομάριος*).

⁴⁶ В этом примере смущает рефлекс напряженного редуцированного во флексии, записанный посредством буквы **ы**. Наличие здесь под ударением звука [ы] было бы типично для западной части восточнославянского диалектного континуума.

⁴⁷ Ср. *коло^ткина* gen. sg. 596; *коло^ткина* gen. sg. 601.

⁴⁸ Новая а.п. *b* не является прямой наследницей старой а.п. с [Зализняк 2014: 183].

Таким образом, остаются следующие достоверные примеры: *адну* асс. sg. 612; *ако^лные* ном. pl. 418, 480 об.; *ако^лныя* ном. pl. 84; *а^смо^м* loc. sg. 613, 613 об.; *дварища* gen. sg. 596; *дворавы^ш* ном. sg. 850 об.; *капеш* gen. sg. 596 об. х4, 597 х4, 597 об. х2, 598 х4, 598 об., 599 х2, 601; *капень* gen. sg. 598 об.; *ка^лны* gen. sg. 597 об.; *кар^ми^т* inf. 349; *кар'^ми^т* inf. 349; *парожек* ном. sg. 855; *полавина* ном. sg. 850 об.; *полавини* ном. pl. так в ркп. 851; *сасе^д* ном. sg. 796 об. Их, как видим, хотя и немало, но все же меньше, чем подобных примеров обнаруживается в деловых документах, созданных носителями южных акающих говоров. Этих данных явно недостаточно для того, чтобы сделать полноценный вывод о наличии аканья в этой позиции.

Встретились в этой позиции также и примеры, напоминающие обратные замены; приведем их.

Замены **а** на **о**: *бо^скаковы^м* instr. sg. 44; *гораси^мко⁴⁹* ном. sg. 903 об., 904 об.; *гора^ско* ном. sg. 903 об. х2; *горасо^в* ном. sg. так в ркп. 850; *декобря* gen. sg. 123, 739; *корамышева* gen. sg. 578 об.; *котерине* dat. sg. 902; *котерины* gen. sg. 893; *мо^ртю^шка* ном. sg. 79; *мо^ртю^шкою* instr. sg. 78 об.; *нока^зно^ш* dat. sg. 846; *со^мсо^н⁵⁰* ном. sg. 849 об.

Однако, как видим, все они (кроме *декобря* gen. sg. 123, 739 и *нока^зно^ш* dat. sg. 846) опять относятся не к фонетической системе говора в целом, а скорее к индивидуальным формам ономастики, где всегда можно предполагать свои, изолированные от прочих групп лексики, процессы и изменения.

Встретились также две замены **о** на **ы**: *по^лтыры* 75; *слобыды* gen. sg. 863; – но они могут представлять собой опiski под влиянием буквы гласного последующего слога.

⁴⁹ А также два следующих примера: ср. *гараси^мко* ном. sg. 585 об.; *гарасимо^в* ном. sg. 839; *гара^ско* ном. sg. 796; и др.

⁵⁰ И здесь нельзя исключать графической ассимиляции.

Имеется также и одна обратная замена **у** на **о**, но текст подпорчен, да и буква предшествующего гласного не позволяет признать данный пример чистым: *пог[о]меньныя* gen. sg. так в ркп. 658 об.

Р.Ф. Касаткина (Пауфошима) в статье «О произношении гласных второго предударного слога в некоторых русских говорах» [Пауфошима 1981] пишет, что в ряде говоров возможно уподобление гласных безударных слогов гласному в ударном слоге по подъему и степени лабиализации с целью облегчения артикуляции. Особенно сильна эта склонность во втором предударном и первом заударном слогах. Важно, что в статье упоминаются и вологодские говоры (близкие к костромским), где подобные явления также возможны. [Там же: 25, 26, 30]. Не столь важно, что в примерах слог, в котором явление получило отражение, первый предударный, ведь в разных говорах описанная тенденция могла получать различные реализации с разной силой в разных позициях.

Л.Ф. Копосов в работе [Копосов 2000] отмечает, что мена **а** и **о**, в принципе, возможна в деловых текстах, происходящих из Костромы, однако, по его наблюдениям, представлена лишь единичными примерами в двух исследованных им документах. Отмечается, что в текстах первой половины XVIII в., относящихся к Судиславской и Бувеской воеводским канцеляриям, встречаются написания **а** вместо **о**. В качестве объяснения предполагается, что здесь сказалось влияние «акающего острова», находящегося в северо-западной части бывшего Костромского края, который населяли переселенцы с южновеликорусских территорий, и о котором уже было сказано выше. Сразу оговорим, что данные эти касаются безударных слогов вообще, без дифференциации их по месту относительно ударного слога, а значит, будут справедливы и для последующих разделов [Копосов 2000: 57].

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 1] на территории современного распространения рассматриваемых говоров (за исключением чухломского акающего острова, где имеются даже небольшие районы с диссимильативными моделями) господствует, как и на всей территории северновеликорусского наречия, оканье в первом предударном слоге. В районе Кологрива, а также по

Унже, в окрестностях Галича и дальше к Волге имеются острова, где возможно [у] на месте [о] с различной регулярностью, что как раз и отразилось в одном приведенном выше примере. Более последовательно (и независимо от гласного под ударением) это явление представлено на западной периферии акающего острова; [ъ] на месте [о] и подобные ему реализации практически не представлены.

В диалектных записях в первом предударном слоге также господствует оканье, см. примеры: *боу́тые* А-0265, *вост'ор топ'ор* А-0332, *п'эсн'и поју́т* ЭБРНГ-392, *кода́ досу́к* А-0334, *кому́* ЭБРНГ-392, *роб'отал'и* А-0266, *розн'ос'ат* А-0332, *му́жа то н'ет оборо́ны то н'ет* А-0260, *она́ была́ боу́таја* А-0265, *он б'эдној был* А-0265, *ход'ыл с'јим по гр'ибы́* А-0260, и др.

Таким образом, можно предполагать, что в говорах, нашедших отражение в исследованных текстах, в первом предударном слоге после твердого согласного основной моделью реализации гласных неверхнего подъема было оканье. Отдельные черты аканья или межслогового сингармонизма не существенны и вполне объяснимы междиалектным взаимодействием.

2.1.2. Второй и другие предударные слоги

Большая часть примеров отражает замену **о** на **а** во втором предударном слоге, однако присутствует и ряд замен в третьем слоге перед ударенным гласным, приведем их вместе с остальными.

Замены **о** на **а**: *дарафъев*⁵¹ ном. sg. 891; *кавалове*⁵¹ loc. sg. 117 об. х2; *манаСря* gen. sg. так в ркп. 752; *манастыра* gen. sg. так в ркп. 806 об.; *манастыря* gen. sg. 118, 319, 408, 414 об., 447 об.; *манаСтыря* gen. sg. 425, 473 об.; *моковеъвы* ном. pl. 855; *остров папади^н* ном. sg. 800; *плескои гаровои* ном. sg. так в ркп. п.р. 592; *понамаревь* ном. sg. 212; *понамарено^к* ном. sg. 162 об.; *порамо^н* ном. sg. 851; *раздели^т* inf. 107; *раздели^{ли}* 105 об.

В двух последних примерах возможно влияние книжной орфографии.

⁵¹ Топоним, название пустоши, ср. *пустоши ковалова* gen. sg. 116 об.

Были обнаружены две обратных замены **а** на **о**, и если второй пример можно объяснить графической ассимиляцией, то первый, как кажется, чист, хотя здесь могла сказаться и народная этимология, возводящая данное имя к лексеме *бог*: *божьна* gen. sg. 661; *ворфоломъ^u* nom. sg. п.р. 922.

Еще один пример: *моравъево* nom. sg. 300 об.; – можно трактовать как обратную замену **у** на **о**, отражающую характерное для второго безударного слога усиление лабиализации [о], проявляющееся, в частности, как уже было сказано выше, при межслоговом сингармонизме.

Как видим, некоторые из этих примеров (*дарафъев* nom. sg. 891; *кавалове* loc. sg. 117 об. х2; *мана^сря* gen. sg. так в ркп. 752; *манастыра* gen. sg. так в ркп. 806 об.; *манастыря* gen. sg. 118, 319, 408, 414 об., 447 об.; *мана^стыря* gen. sg. 425, 473 об.; *моковеъвы* nom. pl. 855; *остров* *пана^ди^н* nom. sg. 800; *понамаревъ* nom. sg. 212; *понамарено^к* nom. sg. 162 об.) можно объяснить и графической ассимиляцией, некоторые (*дарафъев* nom. sg. 891; *кавалове* loc. sg. 117 об. х2; *моковеъвы* nom. pl. 855; *порамо^н* nom. sg. 851) – особенностями ономастической лексики, некоторые (*мана^сря* gen. sg. так в ркп. 752; *манастыра* gen. sg. так в ркп. 806 об.; *манастыря* gen. sg. 118, 319, 408, 414 об., 447 об.; *мана^стыря* gen. sg. 425, 473 об.; *понамаревъ* nom. sg. 212; *понамарено^к* nom. sg. 162 об.) – особенностями отражения заимствований (гр. *μοναστήριον*, где *ο* во втором предударном слоге передавалось буквой **а** и в древних текстах, и уже упомянутая в предыдущем разделе лексема *пономарь* – гр. *παρονομάριος* – облик которой изменился гораздо сильнее), а некоторые (*раздели^т* inf. 107; *раздели^{ли}* 105 об.) – влиянием стандартного московского приказного языка.

Таким образом, на основании материалов памятников письменности наличия неполного оканья в рассматриваемых говорах предполагать нельзя.

Если обратиться к ДАРЯ, то картина для данной позиции будет очень схожа с описанной для первого предударного слога после твердых согласных. Практически повсеместно преобладает реализация <о> в виде [о], исключением является лишь акающий остров в районе Солигалича и Чухломы, где реализации

данной фонемы во втором предударном слоге после твердых согласных варьируют от [ы] до [а] [ДАРЯ 1: 9].

В диалектных записях реализации в позиции второго и других предударных слогов разнятся. Некоторые записи фиксируют северные периферийные говоры с полным оканьем, чей безударный вокализм после твердых согласных ближе к вологодским говорам: *лошед'э́ж вóс'ем соб'е'рóm* А-0265, *му́жа то н'ет оборо́ны то н'ет* А-0260, *оборо́на же́ж* А-0260, *отуул'а́л сва́д'бу* А-0265, *пов'еду́т изза стола́* А-0332, *роствор'и́м х2* А-0334, *ход'и́л с'јим по гр'ибы́* А-0260, и др.

В других же, южных, чей безударный вокализм после твердых согласных ближе к говорам Владимирско-Поволжской группы, можно наблюдать неполное оканье: *гъдовóј* ЭБРНГ-392, *гъдовы́и* ЭБРНГ-392, *къзакá* ЭБРНГ-001, *кълъколá* ЭБРНГ-369, *пъсушу́* ЭБРНГ-369, *тъпоч'у́* ЭБРНГ-369, *хърошó* ЭБРНГ-392, ЭБРНГ-001, *хъхотóч'ьк* ЭБРНГ-084, и др.

Таким образом, можно с уверенностью предполагать, что, по крайней мере в области предударного вокализма после твердых согласных, костромские говоры начала XVII в., отраженные в исследованных памятниках, демонстрировали полное оканье, а неполное оканье в их южной части должно было развиваться позднее.

2.1.3. Заударные слоги

Теперь обратимся к прямым и обратным заменам в заударных слогах. Распределим их по следующим группам: неконечный слог, конечный открытый слог, конечный закрытый слог. Внутри этих групп выделим прямые и обратные замены соответственно.

2.1.4. Неконечный слог

Замены **о** на **а**: *двороваво* gen. sg. 850 об.; *дияканов* gen. pl. 899; *дрвни хабарава* gen. sg. 653 об.; *дьяканово* nom. sg. 695 об., 702; *дьяканова* gen. sg. 910 об.; *дьяканово* nom. sg. 913; *кона^нко^м* instr. sg. 642, 897; *микифа^рко* nom. sg. 823;

Как видим, многие замены могут быть объяснены явлениями графической ассимиляции. Имена же *Конон*, *Микифор*, *Прохор*, *Симон*, *Тихон*, *Трифон*, *Федор*

(как и их производные) относятся, разумеется, к сфере ономастики. Значит, оснований предполагать аканье в широком смысле для данной позиции нет.

Кроме того, особо следует отметить, что имена типа *Конон*, *Симон*, *Тихон* и *Трифон* с подобной заменой (то есть с суффиксом *-ан*), как пишет А.А. Зализняк, были особенно характерны для древненовгородского диалекта. В монографии «Древненовгородский диалект» [Зализняк 2004: 205] приводится ряд примеров: *Пороманъ*, *Симанъ*, *Труфанъ* и др. Следовательно, здесь можно предполагать не фонетическую, а морфологическую или словообразовательную особенность.

Этот же вывод будет справедлив и по отношению к другим позициям относительно ударения (например, в конечном закрытом слоге, см. далее), в которых данный суффикс представлен в составе имен собственных.

Встретилась и одна замена **а** на **о**, которая, однако, может быть объяснена графической ассимиляцией: *сахорово* nom. sg. 292 об.

Имеются также и примеры, в которых можно видеть явление межслоговой ассимиляции в заударных слогах, однако ассимиляция и здесь может быть также и графической.

Замены **о** на **у**: *витуфтову* dat. sg. 682 об.; *жабуовка* nom. sg. 685 об.; *ив(а)нуву* dat. sg. 129 об.; *пустуши* gen. sg. 855; *пусту⁵²ши* gen. sg. 34 об.; *пустуци* gen. sg. 855.

Еще в одном случае: *пахуно^и* gen. sg. 835 об.; – где на месте ожидаемого **а** встречаем **у**, усилению лабиализации мог способствовать как предшествующий заднеязычный согласный, так и последующий гласный.

Данные ДАРЯ [ДАРЯ 1: 16] в целом согласуются с представленными ранее для других позиций: нормальна и практически повсеместна здесь реализация <о> как [о], акающий остров же в окрестностях Чухломы и Солигалича является центром, вокруг которого группируются несвойственные окружающим его окающим говорам явления, которые, однако, в исследованных текстах, как видим, отражения не находят.

⁵²Исправлено на **о**.

В диалектных записях реализации в заударных неконечных слогах, как и во втором и других предударных слогах, разнятся. В говорах с полным оканьем заударный <о> нормально реализуется как [о]: *там б'ыл'и зад'олжнос'т'и* А-0260, *фс'у зад'олжнос'т'и оп'ет' пов'ес'ил'и на нас* А-0260, и др.

В говорах с неполным оканьем можно наблюдать нейтрализацию реализаций <о> и <а> в заударном неконечном слоге в звуке [ъ]: *д'ор'ьга* ЭБРНГ-092, *к'ол'ьк'ьла* ЭБРНГ-369, *п'ах'ьта* ЭБРНГ-369, *п'ор'ьта* ЭБРНГ-369, *т'ор'ьп'ьва* ЭБРНГ-369, *ч'ерп'ьла ч'ерп'ьла* ЭБРНГ-392.

Таким образом, и для данной позиции в рассматриваемых говорах XVII в. можно предполагать оканье, а неполное оканье и реализации в звуке [ъ], развившиеся в ряде говоров на рассматриваемой территории, следует считать инновацией.

2.1.5. Конечный открытый слог

Замены **о** на **а** в фамилиях и топонимах: *(го)лубо^вскова* gen. sg. 97; *баре^чкова* gen. sg. 856; *боре^чкова* gen. sg. 847; *боровскова* gen. sg. 776 об.; *во^лко^нскова* gen. sg. 127, 127 об., 431, 452, 925; *во^лконьскова* gen. sg. 940; *во^лынскова* gen. sg. 592; *ондреевскова* gen. sg. 756 об.; *плескова* gen. sg. 777; *поло^вчино^вскова* gen. sg. 588 об.; *по^лскова* gen. sg. 155 об., 156, 158; *ро^жственова* gen. sg. 579, 580 об.; *ро^жственова* gen. sg. 579 x2; *ро^жнова⁵³* gen. sg. 85 об., 850; *спаскова* gen. sg. 62 об.; *фторо^вскова* gen. sg. 844; *ярасла^вскова* gen. sg. 658; и др.

Замены **о** на **а**: *а то озера* 589; *боло^тнова* gen. sg. 616, 617 об., 619, 625 об.; *бо^лшева* gen. sg. 579 x2, п.р. 831; *боя^рскова* gen. sg. 28, 828 об.; *ве^рхо^вскова* gen. sg. 709; *несеченова* gen. sg. 945; *новова* gen. sg. 677, 926 об.; *о^тхожева* gen. sg. 615 об., 646 об., 651 об., 755 об., 771 об., 777 об., 941; *пахотнова* gen. sg. 32 об., 480; *подо^лнова* gen. sg. 615 об., 618 об. x2, 621 об., 623; *по^дячева* gen. sg. 591, 618, 925,

⁵³ Топоним, название села.

928; *помеснова* gen. sg. 43; *помгъстнова* gen. sg. 132, 429, 578, 674, 727; *пятова* gen. sg. 616 об., 887, 918; *роднова* gen. sg. 727 об.; *руднова* gen. sg. 100 об. x2; и др.

Как видим, все прямые замены (кроме *а то озера* 589) обусловлены морфологически. Речь в данном случае идет об особом диалектном окончании прилагательных родительного падежа единственного числа мужского рода в местоименном варианте склонения *-ога*, зафиксированном в древненовгородском диалекте (примеры начиная с конца XIII в.). Данная флексия широко распространена на севернорусской территории, а также свойственна западной подгруппе южнославянских языков [Зализняк 2004: 120].

Из обратных замен была обнаружена лишь одна.

Замены **а** на **о**: *тихоно* gen. sg. 111 x2.

Ее, впрочем, как и некоторые, приведенные выше, можно объяснить и как явление графической ассимиляции.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 18] картина здесь идентична предыдущим позициям (господствует оканье), следовательно, и оснований для предположений об аканье нет.

Однако, как и в предыдущих пунктах, касающихся безударного вокализма после твердых согласных, реализации в северной и южной части рассматриваемых говоров, зафиксированных в диалектных записях, в конечном открытом заударном слоге разнятся.

В периферийных говорах с полным оканьем <о> в рассматриваемой позиции реализуется как [о]: *му́жа то н'ет оборо́ны то н'ет* А-0260, и др.

В говорах с неполным оканьем и <о>, и <а> в конечном открытом заударном слоге реализуются одинаково как [а]: *ад'ина́къва* adv. ЭБРНГ-392, *л'эта* neut. ЭБРНГ-090, *поръта* neut. ЭБРНГ-369, *потóка* ЭБРНГ-369, *пошы́та* neut. ЭБРНГ-369, *р'эч'ка* ЭБРНГ-090, *чёрпъла чёрпъла* fem. ЭБРНГ-392, и др.

Подобную нейтрализацию в рассматриваемых говорах следует считать инновативной.

2.1.6. Конечный закрытый слог

Замены **о** на **а**: *дияка^н* ном. sg. 744, 800 об., 910; *ника^н* ном. sg. п.р. 811; *тиха^н* ном. sg. 66, 752, 801? 856 об., *тихана^в* ном. sg. 131; *тихань* ном. sg. 923; *трифа^н* ном. sg. 699 об.

Здесь, как видим, опять представлена уже упоминавшаяся выше словообразовательная особенность имен собственных, а для примера *тихана^в* ном. sg. 131 можно предполагать и просто опisku под влиянием буквы гласного предшествующего слога.

Встретились также и примеры, позволяющие предполагать усиление лабиализации в безударных слогах в данной позиции: *лѣсу^м* instr. sg. 705 об.; *пусту^{54и}* ном. sg. 775 об. *федору^м* instr. sg. 696 об.; – в первом и последнем из них мог повлиять также и конечный губной согласный, во втором же можно предполагать графическую ассимиляцию

Встретилось также еще два типа замен.

Замена **ы** на **о**: *о^тказномь* dat. pl. так в ркп. п.р. 795.

Замены **ы** на **а**: *о^тдѣгна^{мь}* dat. pl. п.р. 772; *о^тка³на^м* dat. pl. п.р. 795.

Количество их чрезвычайно невелико, к тому же все они представлены в приложениях руки.

Подобные написания могут отражать начальный этап появления качественной редукции в заударных конечных закрытых слогах, однако их редкость показывает, что явление это могло присутствовать в рассматриваемых говорах лишь в самом зачаточном состоянии.

Данные ДАРЯ [ДАРЯ 1: 17] демонстрируют ту же картину, которая была описана в предыдущих разделах. Таким образом, оснований, чтобы предполагать аканье и в данной позиции, нет.

Диалектные записи вновь разделяются: периферийные говоры характеризует полное оканье (*суп картóф'ел'ној* А-0334, *ис картóшок* А-0334, *он б'ѣдној был // ја дв'енáцат' полот'ѣн'ец дар'ýла* А-0265 и др.), в южной части

⁵⁴ Исправлено на **о**.

рассматриваемого массива говоров оканье неполное, реализации фонем <o> и <a> нейтрализуются в звуке [ъ] (*d'édьm* ЭБРНГ-369, *póсьx* ЭБРНГ-369, *x'ix'íkьt'* ЭБРНГ-369, и др.). Однако и здесь неполное оканье следует считать позднейшим развитием.

Костромские говоры XVII в., отраженные в исследованных деловых текстах, таким образом, демонстрировали полное оканье во всех позициях. Небольшие же отклонения от этой системы могли появляться как результат процессов междиалектного взаимодействия, однако предполагать здесь серьезное вмешательство и перестройку всей системы не приходится.

2.2. Позиция после парных мягких согласных

Типы безударного вокализма после мягких согласных в окающих говорах достаточно разнообразны, но общим для всех них является различие реализаций гласных фонем <e>, <o>, <ê> и <a>, степень которого неодинакова. Впрочем, севернее Ярославля, юго-восточнее Грязовца, северо-восточнее Костромы и южнее Кологрива наблюдаются небольшие островки еканья (все их, однако, можно связать и с влиянием говоров акающего острова), а еще два небольших островка еканья обнаруживаются также западнее Вельска и западнее Сольвычегодска. Иканье на территории северного наречия не представлено вовсе [ДАРЯ 1: 3].

Во многих этих говорах наблюдается соответствие между явлениями, наблюдаемыми в ударном слоге, (его вокализмом) и вокализмом первого предударного слога после мягких согласных.

Чрезвычайно характерны с этой точки зрения, скажем, вологодские говоры, в которых старая фонема <ê> под ударением перед твердыми согласными представлена широко распространенной реализацией [e] (а также сосуществующими с ней и нерегулярными реализациями [ê], [йе] и [и]), а перед мягкими безусловно преобладает реализация [и] в сосуществовании с нерегулярными и единичными [йе] и [e] [ДАРЯ 1: 40, 41]. Звук [e] перед твердыми согласными в вологодских говорах достаточно последовательно переходил в [o], но в единичных случаях мог и сохраняться в корнях и суффиксах [Там же: 38, 39],

а звук [а] между мягкими согласными с достаточной регулярностью изменялся в [е] [Там же: 43].

Все эти явления, наблюдаемые в вологодских говорах в ударном слоге, обнаруживаются также и в позиции первого предударного слога после мягких согласных, вплоть до нерегулярного перехода [е] в [о] перед твердыми согласными [Там же: 3].

Из явлений, наблюдаемых в ударном слоге и способных отразиться также и в безударном вокализме, развивающемся в говорах северного наречия параллельно с ударным, в исследуемом костромском говоре, отраженном в **Костр.**, обнаруживается лишь нерегулярный переход старого <ѣ> в [и] перед мягкими согласными и последовательный переход [е] в [о] (как фонетический, так и аналогический).

2.2.1. Вопрос о фонеме <ѣ> в безударной позиции

В первую очередь следует рассмотреть вопрос о фонеме <ѣ> в позиции не под ударением, так как его решение в пользу утраты данной фонемы в этой позиции позволит при определении типа вокализма в безударных слогах после мягких согласных объединить замены (прямые и обратные) букв е и ѣ, как отражавшие один звук, то есть [е].

Как уже было выяснено в разделе 1.1., в говоре, отраженном в исследованных документах XVII в., фонема <ѣ> в положении под ударением имела двоякую реализацию. Перед мягким согласным она, скорее всего, была представлена звуком [и] либо [йе], перед твердым же согласным она могла реализоваться в стандартном [е].

Процесс утраты фонемы <ѣ> в позиции не под ударением, как было уже сказано, проходил достаточно рано и интенсивно, а значит, скорее всего, в говорах, отраженных в исследованной отказной книге, сохранение данной фонемы в рассматриваемой позиции крайне маловероятно.

Чтобы избежать излишней дробности, приведем случаи мены ѣ и е в безударных слогах без дифференциации по позиции относительно ударного слога.

Поскольку количество примеров чрезвычайно велико, приведем их не все, но лишь в достаточном количестве, и начнем с этимологически верных написаний.

Правильное употребление **Ѣ** перед твердым согласным: *двѣма*⁵⁵ instr. 814 об.; *двѣнаѣцаѣ* nom. sg. 689 об., 897 об., 904 об., 905; *двѣнаѣцѣ* nom. sg. 692; *двѣнаѣцаѣ* nom. sg. 646 х3, 934, 934 об. х2; *лѣса* nom. pl. 658; *мѣста* nom. pl. 61, 714, 817 об.; *станѣ*^х loc. sg. 579, 760 об., 865 об.

Замены **Ѣ** на **е** перед твердым согласным: *володимерѣ* nom. sg. 127 об. х2; *володимеровѣ* nom. sg. 288 об., 699 об.; *володимеровѣ* nom. sg. 666; *володимерово* acc. sg. п.р. 129; *володимеровѣ*^м instr. sg. 727 об.; *володимеру* dat. sg. 127; *немѣовѣ* nom. sg. 8 об.; *немѣова* gen. sg. 58, 65, 454 об., 483 об., 761; *немѣову* dat. sg. 64, 453, 817 об., 819; *немѣовѣ*^м instr. sg. 59 об., 60 х2, 60 об. х3, 61 об., 62 х2, 62 об. х2, 63, 63 об., 64, 65; *немѣова* gen. sg. 485 об. х2; *сеѣными* instr. pl. 872, 878 х2; *сеѣныхѣ* gen. pl. 30 х2, 825, 837, 844; и др.

Замены **е** на **Ѣ** перед твердым согласным: *аѣдрѣѣва* gen. sg. 852; *аѣфанаѣѣѣ* nom. sg. 854 х2; *а ѣѣ по выѣси с книѣ*^ѣ так в ркп. «а не по выписи с книг» 155 об.; *бѣсонѣ* nom. sg. 133 об., 112; *мяѣльѣѣву* dat. pl. так в ркп. 78 об.; *мяѣльѣѣву* dat. sg. 78 об., 153 об.; *оакшеѣѣво* nom. sg. так в ркп. 849 об.; *олеѣксеѣѣѣ* nom. sg. 849; *олеѣксеѣѣ* nom. sg. 853 об.; *сеѣргеѣѣѣ* nom. sg. 849 об.; *сеѣргеѣѣѣ* nom. sg. 853; *смѣкаѣѣ* 782 об., 933 об.; *строѣѣву* dat. sg. 846; *строѣѣв[ѣ]*^м instr. sg. 856 об.; *стѣѣнаѣѣ* nom. sg. п.р. 78; *стѣѣнаѣѣко* nom. sg. 79 х2; *стѣѣмнаѣѣѣ* nom. sg. 859 об. х2; *тимоѣѣѣѣѣ* nom. sg. 849, 853, 854; *филиѣѣѣѣѣ* nom. sg. 853; *якоѣѣлѣѣѣ* nom. sg. 850; *ѣѣѣго* gen. sg. 583 об., 769 об.; и др.

Встретилось также и одно написание **Ѣ** на месте **е** в позиции перед гласным, приведем его здесь: *нѣѣупоѣѣѣ* gen. sg. 682.

Правильное употреблени **Ѣ** перед мягким согласным: *доѣѣѣѣѣ*^л 710 об.; *дѣѣѣѣѣ* gen. pl. 60 об.; *дѣѣѣѣѣ* gen. pl. 57 об., 791, п.р. 798 об.; *дѣѣѣѣѣ* gen. pl. п.р.

⁵⁵ А.п. с. В Чудовском Новом Завете *двѣма* [Зализняк 2014: 150].

885 об.; *дѣтми* instr. pl. 198 об., 201, 202 об. х2, 343 об., 476, 711; *дѣтъми* instr. pl. 484; *недоѣжая* 639 х2; *несмѣяна* gen. sg. 744, 801; *отдѣли*^л 583, 691 об., 692, 829 об.; *приѣзжа*^л 817; *приѣжа*^л 596, 655; *рѣке* dat. sg. 783, 785, 936; *рѣке* loc. sg. 783, 783 об. х2, 786, 803 об.; *рѣча*^м dat. pl. 749 об.; *сѣницы* gen. sg. 817 об. х2, 818, 818 об.; и др.

То же в именах на **-ей/-ея** и производных (см. раздел 1.1.): *авеРкѣе*^в nom. sg. 138; *василѣи* nom. sg. 744, 853, 856 об.; *василѣ* nom. sg. так в ркп. 853, 854, 855; *григорѣи* nom. sg. 854; *дементѣуко*^м instr. sg. 670 об.; *дмитрѣе*^в nom. sg. 124 об. х2, 896 х2, 896 об.; *дмитрѣевская* nom. sg. 855 об.; *дмитрѣевскоѣ* ass. sg. 847; *дмитрѣевъ* nom. sg. 896; *дмитрѣевы*^м instr. sg. 740 об., 797 об., 896; *дмитрѣи* nom. sg. 849 об.; *дмитрѣика* gen. sg. 740 об.; *дмитрѣико* nom. sg. 740 об., 797 об.; *дмитрѣико*^м instr. sg. 740 об., 797 об.; *оРтемѣи* nom. sg. 800 об.; *софронѣе*^в nom. sg. 294 об.; и др.

Есть основания полагать, что написание **ѣ** в именах этого типа было лишь графической условностью. С.И. Котков по этому поводу пишет: «... *Дмитрѣев, Дмитрѣя*, (с **ѣ**, а не с **е**) – случаи особые: сказалась, видно, книжная традиция написания подобного типа имен ...» [Котков 1963: 37]. Приведенный пример хорошо демонстрирует, что с точки зрения этимологии буквы **ѣ** здесь ничем не обоснована. Исходное греческое *Δημήτριος* должно было дать *ї, которое (при наличии после него звука [j]) развилось бы в церковнославянское **и** и восточнославянское **е**, о котором и говорит С.И. Котков.

Прямые замены **ѣ** на **е** перед мягким согласным: *дели*^н nom. sg., так в ркп. «делено» 25; *де*^{тми} instr. pl. 584 об. х2, 876 об. х7, 877 х2, 912 об. х2, 929; *немеѣкое* nom. sg. 401 об., 404; *немеѣкому* dat. sg. 132; *оѣделено* nom. sg. 40, 52 об., 53, 54 х2, 55 х2, 699, 705 об.; *отделена* nom. sg. 161; *отделено* nom. sg. 129, 773, 777; *отделе[н](о)* nom. sg. 460 об.; *отдели*^л 28, 34, 85, 85 об., 88, 91 об., 789 об., 790 об., 792 об.; *роѣдели*^л 21, 52, 90 об., 165 х2, 615, 847 об.; *роѣделили* 20 об.; *роѣделити* inf. 20 об.; и др.

Отдельно выделим одну замену **Ѣ** на **и** перед мягким согласным: *снигурева* gen. sg. 65. Она, однако, может представлять собой и пример графической ассимиляции.

Замены **е** на **Ѣ** перед мягким согласным: *баѡтѣярко* nom. sg. 740, 797; *вѣрцинѣ* loc. sg. 935; *дѣвяноѣсто* nom. sg. 152 об. х2; *дѣнисовѣ* nom. sg. 896; *дѣсятилѣницы* gen. sg. 153 х2, 154; *дѣсятилѣ* gen. pl. 29, 29 об., 154; *дѣсятины* gen. sg. 29, 30; *емѣльяновѣ* nom. sg. 75 об., 78 об.; *ерѣмиѣ* nom. sg. 27; *ерѣмѣевѣ* nom. sg. 383 об.; *ерѣмѣевы* nom. sg. 382 об.; *жерѣбѣи* nom. sg. 34, 43 об., 416; *крѣстиянѣ* gen. pl. 78 об.; *четвѣрте* gen. pl., так в ркп. 110 об.; *четвѣртеи* gen. pl. 110 об., 111, 178, 178 об., 180, 307 об.; *четвѣртяѣ* dat. pl. 179 об.; *четвѣртѣи* gen. pl. 769 об.; *четвѣртѣи* gen. pl. 79 об.; *четвѣртѣи* gen. pl. 79 – 79 об.; *четвѣрти* gen. sg. 178 об.; *четвѣрть* nom. sg. 177 об., 180; *четвѣртѣѣ* nom. sg. 81 х2; *четвѣртѣѣѣ* dat. pl. 110 об.; *четвѣртѣѣѣ* dat. pl. 81; *ѣлебаево* nom. sg. 34 об.; *ѣмѣляновѣ* nom. sg. 854 об.; *ѣремеѣѣ* nom. sg. 850 об.; и др.

Правильные написания с **Ѣ** в конце слова: *акилинѣ* dat. sg. 757 об., 759 об.; *аннѣ* dat. sg. 682; *бечевѣ* dat. sg. 786; *вѣвдовинѣ* loc. sg. так в ркп. 880; *вдовинѣ* loc. sg. 712, 758; *казачиѣѣѣ* loc. sg. 648 об.; *качалѣкеловѣѣѣ* loc. sg. так в ркп. 786; *качаловѣѣѣ* dat. sg. 786; *кѣртѣ* dat. sg. 881; *кѣртѣ* loc. sg. 881; *лукеѣѣ* dat. sg. 739; *маѣѣѣ* dat. sg. 828 об., 829 об.; *наволоѣѣѣ* loc. sg. 646 об., 647 об., 648, 649 об., 650 об.; *обѣѣ* 644, 651 об.; *отдѣлѣѣ* loc. sg. 589 об.; *пат'чериѣѣѣ* dat. sg. флексия из твердого варианта склонения 692; *паханыѣѣ* gen. sg. 842 об.; *петровѣѣ* loc. sg. 348; *подѣюрѣевѣѣѣ* loc. sg. флексия из твердого варианта склонения 612; *покиѣѣ* loc. sg. флексия из твердого варианта склонения 948; *половинѣѣ* loc. sg. 161, 164 об., 348 х2; *полѣѣ* loc. sg. 21 х2, 21 об. х2, 22 об. х3, 23, 23 об., 913, 913 об. х2, 914, 914 об., 916, 933 об. х2, 934 об., 935, 935 об. х2, 936 х2, 936 об.; *половинѣѣ* loc. sg. 640, 644 об., 645 об., 652 об., 690 об., 786 об., 834; *помѣѣѣѣѣ* loc. sg. флексия из твердого варианта склонения 851 об., 856; *рѣѣѣѣ* loc. sg. 747; *рѣѣѣѣѣ* loc. sg. 645 об. х4, 798, 812, 894 об.; *рѣѣѣѣѣ* loc. sg. 29 об. х3, 41 об., 58 об., 59 об., 195, 266, 384 х2, 402 х2,

402 об., 404, 404 об., 405, 642 об.; *рѣч'кѣ* dat. sg. 730; *уѣздѣ* loc. sg. 739 об., 880, 894 об., 940 об.; *уѣздѣ* loc. sg. 724 об.; *усадебѣ* 828 об., 829 об.; *усадищѣ* loc. sg. флексия из твердого варианта склонения 739 об.; *яхноболѣ* loc. sg. 759 об.; и др.

Замены Ѣ на е в конце слова: *грамоте* dat. sg. 20, 32, 34, 47, 52 x2, 58, 763, 768, 771, 789, 795, 808, 822; *ддрѣ* dat. sg. 20, 32, 52, 98, 119, 132, 218, 270, 583, 859; *гдрѣ* dat. sg. 151 x2; *гдрѣ* dat. sg. 34, 58, 58 об., 90, 115, 115 об., 165, 242, 306, 317, 321, 352, 376 об.; *деревне*⁵⁶ loc. sg. 100 об., 177 об., 300, 301, 302, 384 об., 405; *дрѣне* loc. sg. 218; *захаровке* loc. sg. 165; *захаровке* loc. sg. 165 об.; *молявѣ* loc. sg. 148; *половине* loc. sg. 61, 71 об., 128 об., 131, 262 об.; *попове* loc. sg. 49; *середние* gen. sg. 41 об., 79 об., 94 об. x2, 95 x3, 142, 178, 178 об.; *сущеве* loc. sg. 123 об.; *уѣзде* loc. sg. 242 об. 258, 262 об.; *худые* gen. sg. 22 x2, 88 об., 143; *црѣ* dat. sg. 20, 32, 317, 321, 352; и др.

Замены Ѣ на и в конце слова: *григорѣ* adj. dat. sg. fem. 789; *деревни*⁵⁷ loc. sg. 111; *поли* loc. sg. 40 об.; *рѣчки* loc. sg. 703, 703 об.

Замены е на Ѣ в конце слова: *дмитрѣвскоѣ* асс. sg. так в ркп. 846 об.; *дмитрѣвскоѣ* асс. sg. 847; *зарѣчѣ* ном. sg. 895 об.; *живущѣ* асс. sg. 155; *михѣвскоѣ* асс. sg. 846 об., 847 об.; *михѣвскоѣ* асс. sg. так в ркп. 847 об.; *помѣстьѣ* асс. sg. 828.

Как видим, во всех группах представлены как обратные, так и прямые замены, что явно свидетельствует об утрате фонемы <ѣ> в безударном положении и совпадении ее реализаций с реализациями фонемы <е>. Поэтому в дальнейшем при рассмотрении буквенных замен в безударных слогах буквы Ѣ и е будут рассматриваться как обладающие одинаковым фонетическим значением (омофоничные).

⁵⁶ Здесь возможна графическая ассимиляция.

⁵⁷ Данный пример (а также и следующий за ним) может представлять собой чисто морфологическую особенность: сохранение старого мягкого варианта склонения.

Разумеется, имеется и некоторое количество примеров, где представлены мены в паре **и** – **ѣ**, однако преобладают они лишь в определенной группе лексики (ономастике), примеры же с подобными заменами вне данной группы единичны.

Этимологически верные написания следует объяснять орфографической выучкой писцов, обратные же замены, особенно в позиции перед мягким согласным, можно трактовать еще и так: поскольку в ударных слогах перед мягкими согласными с буквой **ѣ** мог ассоциироваться и-образный звук, который был гораздо более передним и узким, чем тот, что обычно соответствовал букве **е**, постольку подобное написание могло переноситься и на безударные слоги перед мягкими согласными, где [e] получал и-образный призвук как в начале своей артикуляции, так и в конце. Таким образом, буква **ѣ**, закрепившись на месте фонемы <e> в безударном положении перед мягкими согласными, могла впоследствии употребляться на месте той же самой фонемы и перед твердыми согласными, что и находит отражение в представленных примерах.

Добавим, что в диалектных записях встречаются примеры, которые следует трактовать как отражающие раннее совпадение реализации фонемы <ѣ> с реализацией фонемы <e> в безударном положении: *в'одрó* ЭБРНГ-369, *в'одрóm* ЭБРНГ-369, *рѣзм'отáл'и* А-0336, *сáм'и с'јодáл'и* А-0260, и др.

2.2.2. Первый предударный слог

Поскольку в позиции после твердых согласных в говоре, отраженном в исследованных текстах, было представлено полное оканье, рассмотрение материала для позиции после мягких согласных будет проводиться в соответствии со сложившейся традицией изучения безударного вокализма после мягких согласных в окающих говорах [Бегунц 2006; Галинская 2002; Лопухина 2011]. А именно: будут рассмотрены написания, представленные на месте этимологических *e, *a и *ě перед твердыми и мягкими согласными. Та же классификация будет использоваться и при рассмотрении примеров в других слогах относительно ударения.

В предыдущем разделе был сделан следующий вывод: в говорах, отраженных в **Костр.**, реализации фонем <е> и <ё> в безударных слогах совпали, следовательно, можно объединить замены, в которых участвуют буквы е и Ё.

Замены после букв шипящих и ц будут даваться отдельным пунктом сразу же за заменами после букв согласных парных по твердости-мягкости. Обратимся к примерам.

Замены я на Ё либо е перед твердыми согласными: *деветнацца*⁵⁸ nom. sg. 905 об.; *деветнаццать*⁵⁸ nom. sg. 146 об.; *диека* gen. sg. 151, 296, 746; *октебры* gen. sg. 925; *немнаца* nom. sg. 741 x2, 742, 798 x2, 799 об., 899, 899 об., 906 об.; *немнаца* nom. sg. 26 об.; *понеты*^x loc. pl. 685 об.; *понеты* nom. pl. 856 об.; *се^нтебры* gen. sg. 821, 822; *но^ббры* gen. sg. 865.

То же после букв шипящих и ц: *чичегова* gen. sg. п. р. 129.

Замены я на Ё либо е перед мягкими согласными: *девети*⁵⁹ dat. sg. 179 об.; *десети* dat. sg. 157; *десети^лни^ч* gen. sg. 79 об., 80 x2, 80 об. x2; *десети^н* gen. pl. 34 об., 59 об. x2, 88 об., 344, 446, 480 x2, 717, 730 об., 756, 783, 784, 935 x2, 935 об., 936 об.; *еки^мко* nom. sg. 92 об., 139, 140 об.; *еки^мко^м* instr. sg. 831; *мекиница* nom. sg. 848 об.; *свеще^нни^к* nom. sg. 726 об., 909 об. x2; *трицети* dat. sg. 682 об.; *гьки^м* nom. sg. 158 об.; и др.

То же после букв шипящих и ц: *двацети* dat. sg. 480 x2.

Как видим, количество подобных замен (в позиции именно перед мягкими согласными) достаточно велико. Что примечательно, встретились также и обратные замены.

Замены е либо Ё на я перед твердыми согласными: *имяно^м* dat. pl. 358, 488 об., 639 об., 710 об., 712, 724 об., 887; *и^мяно^м* dat. pl. 818; *и^мяномъ* dat. pl. 817 об.;

⁵⁸ Здесь, конечно, можно предполагать и графическую ассимиляцию.

⁵⁹ И здесь (а также в следующих примерах) можно предполагать графическую ассимиляцию, смущает, однако, столь широкая ее распространенность.

имяномъ dat. pl. 98 об., 377; *пуч лягавина* nom. sg. 643 об.; *пясочне*⁶⁰ loc. sg. 798, 898, 898 об.

Замены **е** либо **ѣ** на **я** перед мягкими согласными: *емяляно*⁶ nom. sg. 152.

Однако последнюю из них можно трактовать и как предвосхищение буквы гласного следующего слога, первая же может представлять из себя результат воздействия слоформы именительного падежа единственного числа лексемы *имя*.

Интересным представляется и следующий пример, где на месте буквы **е** встречаем **ю**: *жжюребем* instr. sg. 598; – объяснить его можно усилением лабиализации (с сопутствующим повышением подъема) в первом предударном слоге.

Встретились также и замены на месте гласного переднего ряда верхнего подъема, которые для данного периода нетипичны, так как оснований предполагать столь раннее развитие «иканья» нет; приведем их.

Замены **и** на **е** либо **ѣ** перед твердыми согласными: *зено*⁶*ко* nom. sg. 148 об. x2; *зено*⁶*тъ*⁶ nom. sg. 853.

Замены **и** на **е** либо **ѣ** перед мягкими согласными: *клеметие*⁶ nom. sg. 740, 742, 752, 755, 796 об., 797 об., 829, 831, 902 об.; *клеметиева*⁶¹ gen. sg. 104 об.; *клеметиеву* dat. sg. 106 x2; *клеметье*⁶ nom. sg. 314; *клеметье*⁶ nom. sg. 337, 442 об.; *кльметие*⁶ nom. sg. 754 об.; *купреяно*⁶ nom. sg. 642 об.; *к(у)преяно*⁶ nom. sg. 773; *патреярышы* gen. sg. 121 x2.

Замены **и** на **я** перед мягкими согласными: *кляметие*⁶ 154.

Приведем также и обратные замены.

⁶⁰ Ср. *песочне* loc. sg. 898 об.

⁶¹ Впрочем, данное имя могло употребляться и не в современном его варианте, а в восходящем напрямую к латинскому *Clemens*. Кроме того, данный пример и три последующих можно объяснить и явлениями графической ассимиляции.

Замены **е** либо **ѣ** на **и** перед твердыми согласными: *воиводы* gen. sg. 591, 710; *дмитрею иво крестьяно*⁶² так в ркп. «дмитрию и его крестьянам» 105 об.

Замены **е** либо **ѣ** на **и** перед мягкими согласными: *крисяни*^Н nom. sg. 806 об.; *пядися*^М 44.

Замены **я** на **и** перед мягкими согласными: *деси*⁶³ *тины* gen. sg. 840 об.; *дычекъ* nom. sg. 661 об.;

Как видим, примеров не так уж и много, большинство их относится к именам собственным, некоторые объясняются графической ассимиляцией, а один случай (*дмитрею иво крестьяно*^М) может быть и отражением стяжения, связанного с редукцией в безударных слогах лишь опосредованно.

Немногие примеры, не подпадающие под подобные оговорки, не могут быть достаточно убедительны, и, таким образом, оснований предполагать за подобными нетипичными заменами (**и** на **е** либо **ѣ** и обратные им, а также замены **и** на **я** и обратные им) какую-либо фонетическую реальность нет.

Кроме того, большинство замен для пары **и** – **е/ѣ** представлено перед мягкими согласным, объяснить их можно еще и тем, что в подобной позиции, как уже отмечалось, звук [е] приобретал *и*-образный призвук как при начале артикуляции, так и при ее окончании, что могло сделать его достаточно похожим на звук [и].

Имя же *Зиновий* (гр. *Ζηρόβιος*), может быть, употреблено здесь в варианте без итацизма в первом слоге.

Однако не лишним будет обратиться к материалам других говоров, вполне возможно, что удастся обнаружить и какое-нибудь иное объяснение приведенным примерам.

В монографии Е.А. Галинской [Галинская 2002] имеется раздел, посвященный говорам северо-восточной новгородской периферии конца XVI – первой половины XVII в. Данные говоры не столь сильно отдалены от

⁶² Здесь можно предполагать и утрату [j] в интервокальной позиции с последующим стяжением гласных: [ије] → [ие] → [и].

⁶³ Здесь можно предполагать и графическую ассимиляцию.

отраженных в **Костр.** как во времени (они принадлежат к одному и тому же периоду), так и в пространстве (но здесь разницы больше, костромские говоры значительно ближе к центру и восточнее, однако также являются северными, что важно).

В соответствии со старым <е> (также и произошедшим из сильного [ъ]) в первом предударном слоге после мягких согласных в текстах, написанных носителями говоров северо-восточной новгородской периферии конца XVI – первой половины XVII в., встречаются написания с буквами **и**, **ѣ** и **я** (все в позиции как перед твердым, так и перед мягким согласными). О фонетической значимости написаний с буквой **я** на месте <е> в первом предударном слоге после мягких согласных, то есть о том, что они передают именно звук [’а], как пишет Е.А. Галинская, вывод можно сделать потому, что имя *Герасим*, а также его производные, было передано подобным образом целых три раза (*Ярасима* х2, *Ярасимо*⁶) [Там же: 58].

Именно такое произношение, помимо всего прочего, в начале XX в. фиксировалось к югу от Тихвина (говоры бывших Боровичского и Крестецкого уездов Новгородской губернии), однако – очень важное для объяснения примеров из **Костр.** замечание – всегда в сосуществовании с более стандартными реализациями [е] и [и] [Галинская 2002: 59; Диалектологический материал... 1914: 315, 316, 322, 323].

То есть, некоторые из написаний, представленных в **Костр.** и приведенных выше, хотя и могут трактоваться как описки, но могут получить и фонетическое объяснение. Вполне возможно, что примеры *емяляно*⁶ nom. sg. 152; *имяно*^М dat. pl. 358, 488 об., 639 об., 710 об., 712, 724 об., 887; *имяно*^М dat. pl. 818; *имяномъ* dat. pl. 817 об.; *имяномъ* dat. pl. 98 об., 377; *пу^с лягавина* nom. sg. 643 об.; *пясо^чне* loc. sg. 798, 898, 898 об. как раз и представляют собой факультативные реализации фонемы <е> как [’а], подобные описанным выше. Также и пример *кляме^нтиев⁶* 154, если учесть уже упомянутую выше возможность реализации <е> как [и], не противоречит подобной трактовке.

Примеры с [а] на месте этимологических *е и *ѣ перед мягким согласным имеются также и в диалектных записях: *мы н’ъ из’м’ан’ул’и* ЭБРНГ-392, *п’ак’и*

ЭБРНГ-392, *пр'идут* и *р'ав'ат* ЭБРНГ-392, *т'ал'эг'и* ном. pl. ЭБРНГ-392, *ч'ьч'ав'ицъ* ном. sg. ЭБРНГ-434, и др.

Есть в диалектных записях также и аналогичные примеры с [а] на месте этимологических *е и *ѣ перед твердыми: *пр'ин'ясл'и* ЭБРНГ-392, *нъ д'яжурсво* ЭБРНГ-392, *нъяд'им* ЭБРНГ-392, *съяд'им* ЭБРНГ-392, и др.

На месте фонемы <а> в северо-восточных периферийных новгородских говорах в первом предударном слоге после мягких согласных употреблялась также иногда и буква е наряду с буквой я в обеих позициях (перед твердым и перед мягким последующим согласным). Спорадическое произношение в данной позиции [е] при обычном [а] отмечалось А.И. Соболевским в говоре села Крючково бывшего Тихвинского уезда. Присутствует это явление и в современных ладого-тихвинских и онежских говорах, однако подобные реализации крайне непоследовательны, единичны и рассеяны (ссылки на источники и литературу см. в самом исследовании) [Там же: 59].

Все это, в принципе, позволяет трактовать примеры *емялно*^в ном. sg. 152; *имяно*^м dat. pl. 358, 488 об., 639 об., 710 об., 712, 724 об., 887; *имяно*^м dat. pl. 818; *имяномъ* dat. pl. 817 об.; *имяномъ* dat. pl. 98 об., 377; *пу^с лягавина* ном. sg. 643 об.; *пясо^чне* loc. sg. 798, 898, 898 об. и *кляме^нтие^в* 154 также и гиперкорректно, ведь если писец знал, что звуку [е] в его произношении иногда соответствует буква я на письме, то, следовательно, мог употреблять и данные орфограммы, полагая, что они верны.

Однако обратимся к данным современных костромских говоров.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 3] картина, представленная в треугольнике Кострома – Солигалич – Кологрив чрезвычайно пестра, причиной тому является уже не раз упоминавшийся чухломский акающий остров. Модели безударного вокализма в первом предударном слоге после мягких согласных, связанные с ним и отраженные на данной карте, рассматриваться не будут, так как число их чрезвычайно велико и, кроме того, к окающим говорам они не имеют никакого отношения. Лишь к северу и западу от Костромы (более или менее последовательно в треугольнике Галич – Кологрив – устье Унжи) представлена

следующая схема: перед твердыми в соответствии с <o> – [e], в соответствии с <e> – [e], в соответствии с <a> – [ä]; перед мягкими в соответствии с <o> – [e], в соответствии с <e> – [и] (здесь не лишним будет вспомнить мены в паре и – е/ѣ перед мягкими согласными и объяснение для них), в соответствии с <a> – [ä], [e]. Подобная же модель преобладает вдоль самой реки Унжи (полностью сменяясь иной лишь немного севернее Кологрива), а также на западе (треугольник Ярославль – Кострома – Грязовец).

Обратимся также и к коллективной монографии [Образование... 1970]. В ней представлена таблица, на основании которой можно судить о вокализме говоров (не только в первом предударном слоге, но и в ударном), распространенных на рассматриваемой территории, в настоящее время (см. ниже). Впрочем, данная монография как раз и основывается на материалах, собиравшихся для ДАРЯ.

В соответствии этимологическим гласным	е	ě	а	е	ě	а
В зависимости от качества последующего согласного	перед твердыми согласными			перед мягкими согласными		
Гласные под ударением	о	е, ê (и)	А	е	и, е	а
Гласные в 1-м предударном слоге слова	е (о) ⁶⁴	е (и)	а, ä, а ^е , е	е (и)	е, и	а, ä, а ^е , е

Таблица 1: «Безударный вокализм костромских говоров после мягких согласных» [Образование... 1970: 299].

В диалектных записях встретились примеры, подтверждающие данные таблицы.

[е] на месте этимологического *е (в том числе из *ь) перед твердым согласным: *з'орно* А-0336, *с'естра* ЭБРНГ-084, *тр'епл'ом тр'епалом* А-0334, и др.

[о] на месте этимологического *е (в том числе из *ь) перед твердым согласным: *з'орно* А-0336, *с'остры* ЭБРНГ-392, *жово* ЭБРНГ-392, и др.

[е] на месте этимологического *ě перед твердым согласным: *б'едá* ЭБРНГ-090, *б'еды* ЭБРНГ-090, *б'едо́ж* ЭБРНГ-090, и др.

[и] на месте этимологического *ě перед твердым согласным: *б'идá* ЭБРНГ-001, *б'идо́ж* ЭБРНГ-001, *б'иды* ЭБРНГ-001, и др.

[а] на месте этимологического *а перед твердым согласным: *д'ъв'атнацътава* ЭБРНГ -392, *как в'азáл'и* ЭБРНГ-392, и др.

⁶⁴ Обозначение гласного в скобках означает очень редкое его употребление в этой позиции.

[e] на месте этимологического *e перед мягким согласным: *ув'езл'и* А-0336, *фс'о п'ер'ев'ез'оно* А-0336, *фс'о потр'еб'ил'и* А-0336, и др.

[e] на месте этимологического *ě перед мягким согласным: *б'ед'э* ЭБРНГ-090, *с'ед'эл'и* ЭБРНГ-369

[e] на месте этимологического *a перед мягким согласным: *на п'ет'орку* х2 ЭБРНГ-054, *ньпр'ед'ош* А-0336, *ньпр'ед'от* А-0336, и др.

[a] на месте этимологического *a перед мягким согласным: *жайч'к'и* ЭБРНГ-392, и др.

Не удалось обнаружить примеров с [и] на месте этимологического *ě перед мягким согласным и с [и] на месте этимологического *e (в том числе из *ь) перед мягким согласным.

Однако реализация [и] на месте этимологического *e перед мягким в таблице приводится в скобках, что указывает на ее редкость. А поскольку в рассматриваемых говорах, как было выяснено в разделе 2.2.1, реализации безударных *e и *ě совпали, редкими следует считать и реализации этимологического *ě перед мягким согласным посредством [и].

Не удалось в диалектных записях обнаружить и реализации [e] на месте этимологического *a перед твердым согласным, однако изобилие реализаций в данной позиции ([a], [ä], [a^e], [e]) наводит на мысль об относительной редкости каждой из них. Отсутствие подобных примеров также подтверждает гипотезу о влиянии мягкости следующего согласного на реализацию старого *a в первом предударном слоге в первом предударном слоге после мягких.

Приведенные данные, во-первых, подтверждают выводы о реализации фонемы <ě> в позиции под ударением и, во-вторых, позволяют увидеть, что совпадение гласных неверхнего подъема в звуке [e] возможно в рассматриваемых говорах до сих пор, однако перед твердыми реже, чем перед мягкими согласными. Можно предположить закрепление подобной реализации (все фонемы неверхнего подъема дают в первом предударном слоге звук [e]) в позиции перед мягкими согласными и последующую ее экспансию на позицию перед твердыми согласными.

Примечательна и разница в звуках, представленных в первом предударном слоге и восходящих к фонеме <ё>, перед твердыми и перед мягкими согласным, отражения которой, однако, в исследованных текстах обнаружить не удалось, чему, возможно, помешала и хорошая выучка писцов.

Эта разница, сохраняющаяся в современных костромских говорах, подтверждает, если иметь в виду связь явлений севернорусского безударного вокализма с явлениями вокализма ударного, наши выводы о судьбе фонемы <ё> под ударением в рассматриваемых говорах.

Важно отметить, что в монографии особо оговаривается, что безударный вокализм костромских говоров после мягких согласных и представленные в нем совпадения реализаций ряда фонем ни в коем случае не следует рассматривать как южновеликорусское влияние. Здесь представлено особое развитие, обособленное от вокализма после твердых согласных [Образование... 1970: 299].

Особо также отметим, что встретились и примеры «ёканья» в данной позиции как после букв согласных, парных по твердости-мягкости: *перолого^М* instr. sg. 729 об.; *потро^В* nom. sg. 829 об.; – так и после букв шипящих: *шохо^Нско^М* loc. sg. 727, 730; *шохо^Нскую* acc. sg. 710, 712.

Таким образом, можно предполагать, что в костромских говорах XVII в., отраженных в исследованной отказной книге, начинала складываться тенденция к нейтрализации гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных (в особенности же – перед последующим также мягким согласным; перед твердым различие гласных неверхнего подъема все еще было последовательным) и, скорее всего, звуком, в котором она осуществлялась, был звук [e], о чем свидетельствует большое количество прямых замен. Присутствовали в них, вероятно, также и окказиональные реализации в этой позиции фонемы <e> как [a], фонемы <a> как [e], фиксирующиеся и в других северновеликорусских говорах, однако крайне редкие.

2.2.3. Второй и другие предударные слоги

В данной позиции примеры встретились лишь для пары **я – е/ѣ**, и число их невелико. Для третьего предударного слога примеров не обнаружено вовсе.

Замены **я** на **е** перед мягким согласным: *не^тдеся^т* 37 об., 299, 300, 467 об.; *не^тдѣся^т* 154; *недеся^т* 81, 84 об., 292 об., 293 х2, 293 об.

Разумеется, для большей части приведенных написаний (*не^тдеся^т* 37 об., 299, 300, 467 об.; *недеся^т* 81, 84 об., 292 об., 293 х2, 293 об.) можно предполагать и графическую ассимиляцию, хотя подобная ее регулярность и вызывает сомнения. Приведем также и примеры обратных замен.

Замены **е** на **я** перед мягким согласным: *дяснины^м* instr. sg. 413; *дясяти^н* gen. pl. 152 об.; *дясяти^нно^м* loc. sg. 47 об.; *дясяти^нномь* loc. sg. 859 об.

Однако они (кроме первого примера) не являются чистыми по тем же самым причинам, что и приведенные выше.

Таким образом, остается лишь два чистых примера: *не^тдѣся^т* 154 и *дяснины^м* instr. sg. 413.

Пример *не^тдѣся^т* 154 можно объяснить, обратившись к монографии Е.А. Галинской [Галинская 2002]. В документах, составленных носителями северо-восточных периферийных новгородских говоров конца XVI – первой половины XVII в., хотя материала для позиции во втором предударном слоге после мягких согласных и обнаруживается крайне мало, присутствуют, однако, написания буквы **е** на месте **я** перед последующим твердым согласным. Предполагается, что – как и в первом предударном слоге – фонема <a> также и в других предударных слогах могла реализовываться не только звуком [а], но и звуком [е] [Там же: 60].

Нас не должно смущать, что в примере *не^тдѣся^т* 154 позиция другая: перед мягким согласным. Говоры разные, возможна и некоторая вариативность в реализациях. Второй же пример (*дяснины^м* instr. sg. 413) можно объяснить следующим предположением: если первый пример объясняется экспансией закономерности из первого предударного слога на второй предударный, то и здесь можно предположить то же самое, а именно экспансию факультативного звука [’а] на месте <е> на позицию во втором предударном слоге после мягкого согласного перед мягким.

Подобным же образом объясняются и следующие замены **е** на **я** перед твердым согласным: *ярофе^нко* nom. sg. 137 об., 139 об.; *ярофтьевъ* nom. sg. 663 об.; *ярофтьевъ* nom. sg. 267, 267 об.; *яфимко^м* instr. sg. 771.

Кроме того, многие из приведенных примеров (в особенности перед последующими мягкими согласными) можно объяснить и экспансией закономерностей, сложившихся в рассматриваемых говорах в первом предударном слоге после мягких согласных, на позицию во втором предударном слоге после мягких согласных, а именно: гласные неверхнего подъема перед последующим мягким согласным могли совпадать в звуке [e]. Ряд замен **е** на **я** тогда можно трактовать и как гиперкорректные, замены же **я** на **е** как прямые.

Встретилась также и одна замена **е** на **и**, вновь из сферы ономастики: *сива^стия^нко^м* instr. sg. 169. Ее одной для каких-либо выводов недостаточно, однако не следует забывать об упоминавшихся окказиональных реализациях <e> звуком [и] в первом предударном слоге, возможных в северных говорах, и примерах, обнаруженных Е.А. Галинской для говоров северо-восточной новгородской периферии конца XVI – начала XVII в.

Немногочисленность обнаруженных примеров не обязательно свидетельствует об отсутствии во втором и других предударных слогах закономерностей, выявленных для первого предударного слога. Здесь могло сказаться также и то, что слова, где есть два или больше предударных слога с мягкими согласными, не так уж и часто встречаются в деловой письменности в целом.

Таким образом, несмотря на немногочисленность данных, следует предполагать, что в целом совпадение гласных неверхнего подъема в звуке [e] после мягких согласных перед последующим мягким было возможно и в данной позиции, присутствовали здесь, возможно, также и факультативные реализации, выявленные для позиции в первом предударном слоге после мягких согласных.

Что касается материала диалектных записей, его, как и в случае с позицией после твердых согласных, можно объединить в две группы, но следует иметь в

виду, что примеров для данной позиции очень мало, поскольку слова с двумя и более предударными слогами в диалектных текстах встречаются редко, а мягкие согласные в этой позиции – еще реже. По этой причине позиции перед мягкими и перед твердыми согласными разделяться не будут.

В первой группе (записи из Костромского района), где после твердых согласных представлено неполное оканье, нейтрализация гласных неверхнего подъема представлена и после мягких согласных: *д'ъв'атна́цътава* ЭБРНГ-392, *п'ьтака́* ЭБРНГ-001, *п'ьтака́* ЭБРНГ-369, и др.

Во второй группе (записи периферийных говоров рассматриваемой группы), где после твердых согласных представлено полное оканье, определенное различие гласных неверхнего подъема сохраняется и после мягких: *п'ер'ашо́л уш он* А-0332, *фс'о п'ер'ев'ез'она* А-0336, *јед'инол'и́шно жы́л'и* А-0332 и др.

2.2.4. Заударные слоги

Здесь мы, помимо уже упоминавшегося разделения примеров по этимологическим гласным, воспользуемся также разделением по типу заударных слогов, аналогичному использованному для вокализма после твердых согласных.

Поскольку переход [e] в [o] перед твердым согласным представлен в севернорусских говорах не только в позиции под ударением, но и в безударных слогах (ёканье), сразу оговорим, что подобные примеры, хотя они и встретились в рукописи, не будут специально приводиться в больших количествах, т. к. они лишь свидетельствуют о том, что до совпадения фонем <e> и <ё> в безударной позиции в рассматриваемых говорах, как и во всех великорусских, данный процесс, так или иначе, имел место. Вот лишь некоторые из них: *бояри^нцовскаго* gen. sg. 164; *безсту^жов* nom. sg. 726 об.; *глеб^цове* dat. sg. 262; *татарен^нцово* nom. sg. 454 об.; *юр^цовъско^м* loc. sg. 179; *я^звцов* gen. pl. 457 об.; и др.

Есть такие примеры и в диалектных записях, но исключительно в периферийных северных говорах с полным оканьем: *под'о́ш у по́л'о* А-0336, *св'о́кор р'э́жот* А-0334, *тр'э́пл'ом* А-0336, и др.

Примечательно, что в исследованных текстах примеров, отражающих ёканье в корне (а не в элементах, которые могли легко заимствоваться в виде, следовавшем за твердым согласным, ср. *-ов* и *-ев*), встречено не было.

2.2.5. *Неконечный слог*

Замены **я** на **ѣ** либо **е** перед мягким согласным: *памете*⁶⁵ dat. sg., так в ркп. 340; *памети* gen. sg. 296, 299, 305, 467, 865, 928; *памети* dat. sg. 28, 47, 177, 180, 353, 411, 583, 700 об., 754, 782, 846; *памети* dat. sg. 265, 352, 894; *памети*^u dat. sg. 431, 456; *памѣти* gen. sg. 78, 422, 828.

То же после букв шипящих и **ц**: *девятинацети* 81; *д[e]вятн[a]тцети* dat. sg. 154.

Замены **ѣ** либо **е** на **я** перед твердым согласным: *агеява* gen. sg. 43; *агеяву* dat. sg. 44; *елизаРява* gen. sg. 34; *четыряста*⁶⁶ nom. sg. 746 об.

Замены **ѣ** либо **е** на **я** перед мягким согласным: *осмидясят*⁶⁷ dat. pl. 862 об.

В исследовании говоров северо-восточной новгородской периферии [Галинская 2002] нет подобных примеров для позиции в неконечном заударном слоге. Имеются, однако, два примера, где на месте буквы **е** употреблена буква **я**: один в конечном закрытом слоге перед мягким согласным (пример *осення*^u nom. sg.) и другой в конечном открытом слоге (пример *четыря*). Предполагается, что данные написания имеют под собой фонетическое основание: отмечается, что уже в диалектологических записях XIX – начала XX в. обнаруживаются пример звука [’а] на месте <е> в заударной позиции. Примеры типа *вѣ[в’а]ди* и *вѣ[з’а]ре* (слог здесь, как видим, неконечный, позиция перед последующим мягким согласным) [Диалектологический материал... 1914: 316; Колосов 1878: 61; Шахматов 1893: 299] по данным ДАРЯ [ДАРЯ 1] фиксируются в ряде населенных пунктов между Тихвином и рекой Свирью [Галинская 2002: 61].

⁶⁵ Графическую ассимиляцию можно предполагать и здесь.

⁶⁶ Здесь можно предполагать влияние формы *четыря* nom. sg., см. следующий подраздел, посвященный конечному открытому слогу.

⁶⁷ В этом примере возможна и графическая ассимиляция.

Именно так, по всей видимости, можно объяснить приведенные примеры, где ъ либо е заменяется на я: окказиональной реализацией <е> в заударной позиции как [’а], причем наличие ее никак не зависит от того, в каком конкретно слоге она представлена (неконечном, конечном открытом или конечном закрытом).

Кроме того, количество замен чрезвычайно невелико и круг лексем, в которых они представлены, сильно ограничен. Дополнительной сложностью оказывается и то, что и здесь ряд примеров представляет собой антропонимику.

В случае с первыми двумя группами примеров (замены на е) важно, что в коллективной монографии [Образование... 1970] особо отмечается следующее: в заударном положении перед мягкими согласными в конечных и неконечных слогах в костромских говорах преимущественно происходит совпадение всех гласных в [е], поскольку здесь данный звук не мог перейти в [о]. В целом же общей особенностью заударного вокализма после мягких согласных в современных костромских говорах является отсутствие редукции гласных неверхнего подъема, аналогичное ее отсутствию в позиции после твердых согласных [Там же: 300].

Встретился также и ряд примеров, за которыми сложно предполагать какое-либо фонетическое значение ввиду того, что для них возможно и иное объяснение, не связанное с фонетикой. Приведем их.

Замены е на и: *архагилско* ном. sg. так в ркп. п. р. 116 x2; *архагилско^и* ном. sg. п. р. 133; *архагила* gen. sg. п.р. 929; *архагила* gen. sg. 930; *архагилскои* ном. sg. 86 x2, 133 x2, 133 об., 418 об., п.р. 480, п.р. 729; 927; *архагилскои* ном. sg. 38 об.; *архагилско^и* ном. sg.133, п.р. 309; *архагилско^и* ном. sg. 438, п.р. 454, 818 x2, 819; *арханьско^и* ном. sg. 627; *арханьско^и* ном. sg. 118, 133; *ниминко* ном. sg. 59; *нимину* dat. sg. 20 об., 22, 23; *нуминова* gen. sg. 2 x2, 66, 462, 485 об.; *ниминовы* ном. pl. 96; *нуминовы^и* instr. sg. 129 x2, 130 об.

Как видим, речь идет лишь о двух лексемах из сферы ономастики (включающей топонимику). Вполне возможно, что здесь представлена какая-то

их локальная разновидность. Для имени Пимен можно предположить и вариант с итацизмом не только в первом слоге, но также и во втором (гр. *Ποιμήν*).

Встретились также и замены обратные приведенным.

Замены **и** на **е**: *ме^лнешное* асс. sg. 163; *трое^тцкои* ном. sg. 806; *троецко* ном. sg. так в ркп. 440 об., 679; *троецкои* ном. sg. 118, 313, 806 об., п.р. 929; *троецко^и* ном. sg. 285, 672; *тр^оецкои* ном. sg. 221 об.; *трое^цкои* ном. sg. 266 об., 284 об., п.р. 672; *трое^цко^и* ном. sg. 283 п. р., 314 об., 315, 466, п.р. 598, 805, п.р. 880; *трое^цк^о* ном. sg. п.р. 141 – 141 об.; *трое^цько^и* п.р. 683; *трое^цькои* ном. sg. п.р. 354, п.р. 881 об.; *тро^оецькие* gen. sg. так в ркп. 726 об.

Большинство примеров не позволяет предполагать описку, однако можно допустить, что в рассматриваемых говорах произошла контаминация суффиксов – *иц-* и *-ец-*. Кроме того, поскольку реализации фонемы <ц> в говорах, отраженных в **Костр.**, как можно предполагать, были по крайней мере реликтивно мягкими (см. раздел 3.5.1.), то мена букв **и** и **е** может здесь быть объяснена, кроме того, точно так же, как была объяснена для ряда примеров в первом предударном слоге после мягких согласных: сильное сближение реализаций фонем <е> и <и> в позиции после мягкого согласного перед последующим же мягким. Единственный пример *ме^лнешное* асс. sg. 163 (для <ш>, впрочем, можно также предполагать реликтовую мягкость, см. раздел 3.3.) не позволяет сделать каких-либо выводов и, кроме того, в данном слове представлено целых три буквы **е**: одна из них предшествует замене, другая же идет после нее, – следовательно, можно и здесь предполагать графическую ассимиляцию.

Встретилась также одна замена **и** на **я** *ка^птелиняцою*⁶⁸ 39.

Если предположить и здесь контаминацию суффиксов *-иц-* и *-ец-*, которая может быть представлена в некотором количестве примеров, приведенных выше, хоть и всего лишь в одной лексеме, то объяснить ее и здесь можно окказиональным произношением [’а] на месте [е] в заударных слогах.

⁶⁸ Женское имя, является, по всей видимости, производным от *Капитолина*, ср. *ка^птелиняцою* instr. sg. 40.

Как видим, почти все замены, в которых участвуют буквы, соответствующие гласным верхнего подъема, вряд ли обладают фонетическим значением. Общие же закономерности здесь идентичны представленным во всех других безударных слогах: совпадение гласных неверхнего подъема в звуке [e] после мягких согласных перед последующим мягким, возможны также и факультативные реализации <e> в заударной позиции как [’a].

В диалектных записях в неконечных слогах наблюдается то же разделение, что и в остальных позициях относительное ударения.

В периферийных говорах с полным оканьем гласные в заударных слогах не подвергаются редукции и нейтрализации: *во р’ич’ен’к’у* А-0332, *отс’и́жал’и* А-0332, и др.

В говорах с неполным оканьем гласные неверхнего подъема в заударных неконечных слогах нейтрализуются: *б’ёр’ьг’ь* loc. sg. ЭБРНГ-001, *т’ёт’ьр’ьв* ЭБРНГ-001, *ф цёр’к’ьф* ЭБРНГ-392.

2.2.6. Конечный открытый слог

Замены **ѣ** либо **е** на **я**: *крѣстьяня*⁶⁹ пом. pl. 800 об., 801 х3; *крѣстьяня* пом. pl. 158 об., 380 об.; *крѣстьяня* пом. pl. 38 об.; *крѣстьяня* пом. pl. 35, 38, 38 об., 147 об., 294 об., 344 об., 425, 447 об. х2, 679, 683 об., 718; *крѣстьяня* пом. pl. 45 об.; *крѣстьяня* пом. pl. 790 об.; *крѣстьяня* пом. pl. 779 об.; *крѣстьяня* пом. pl. 45, 692 об., 776 об.; *крѣстьяня* пом. pl. 27, 33, 45, 50, 65 об., 66, 75 об., 174, 174 об., 263 об. х2, 264 х2, 349 об., 613, 627, 653 об. х2, 659 х2, 659 об., 692 об., 791, 814 об., 815 х3, 818 об.; *крѣстьяня*⁷⁰ пом. pl. 761; *крѣстьяня* пом. pl. 158 об., 478, 792 об.; *крѣстьяня* пом. pl. 744; *помѣстья* асс. sg. так в ркп. 846 об. х2, 847; *помѣстья* асс. sg. 847; *помѣся* асс. sg. так в ркп. 799 х2; *помѣстья* асс. sg. так в ркп. 749, 776 об., 916,

⁶⁹ Здесь, а также в ряде следующих примеров с данной лексемой можно предполагать и явления графической ассимиляции.

⁷⁰ Исправлено из и.

919; *помѣстья*⁷¹ асс. sg. 729 об. х2; *помѣстья* асс. sg. 746 об.; *четыря* 40, 702, 874.

То же после букв шипящих и **ц**: *дияконища* ном. sg. п.р. 798; *петрища* ном. sg. п.р. 799; *пригожа* «пригоже» 43 об.; *прозвища* ном. sg. 849 об.

Здесь была обнаружена также одна обратная замена **я** на **е**: *кнзе* gen. sg. 155 об.

Как уже было выяснено в разделе 2.1.4., подобные реализации ([’а] на месте [е]) являются окказиональными в заударной позиции в северновеликорусских говорах. Имеется там и пример, обнаруженный Е.А. Галинской в рукописях, писцы которых были носителями говоров северо-восточной новгородской периферии конца XVI – первой половины XVII в., пример этот крайне похож на те, которые встречаются в **Костр.**: *четыря*.

Разумеется, материала слишком мало, чтобы делать какие-либо уверенные выводы, можно, однако, предположить, что в данной позиции (заударный конечный открытый слог после мягких согласных) окказиональная реализация <е> как [’а] была, возможно, несколько более последовательной, так как примеров здесь было обнаружено больше, чем в других позициях: имеется даже один, в котором можно видеть обратную замену, подтверждающую именно фонетический характер данных написаний.

Для большинства примеров в первой группе можно также предположить, что они отражают морфологическое явление. Известно, что в некоторых говорах флексия именительного падежа множественного числа *-а* употребляется расширительно даже по сравнению с современным русским литературным языком. Значит, здесь можно предполагать объединение мягкой основы стандартной формы *крестьяне* и флексии, заимствованной из формы *крестьяна*, тем более, что среди приведенных примеров имеется и она.

Кроме того, важно помнить и об истории отдельных форм множественного числа в русском языке. Цепочки типа *лист – листи* наряду с параллельными

⁷¹ Исправлено из е.

собираемыми образованиями *листье – листья* могли объединяться в одну парадигму с утратой либо переосмыслением отдельных членов ряда. Образовавшиеся в результате соответствия типа *лист – листья*, к тому же сохранявшие некую семантику собираемости, могли способствовать и появлению форм множественного числа типа приведенных выше.

Встретилось также и несколько замен **и** на **е**. В первой подгруппе приведем те из них, которые можно объяснить морфологически.

После букв согласных, парных по твердости-мягкости: *дочере*⁷² gen. sg. 661, 692; *дочере* dat. sg. 288; *матере* dat. sg. 789; *мпре* dat. sg. 640 x2, 644 об.; *памете* dat. sg. так в ркп. 340; *памяте* dat. sg. 69.

Один гидроним варьирует, демонстрируя как написания с **и**: *кубани* loc. sg. 696, 702 об., 703, 703 об., 913 об. x2; *кубани* dat. sg. 696 об., 913 об.; – так и написания с **е**: *кубане* loc. sg. 696 x2, 697 x2, 702 об. x2, 913 об.

И три замены после букв шипящих и **ц**: *пустоше* loc. sg. 40, *пустоше* loc. sg. 40 x2.

В коллективной монографии [Образование... 1970] отмечается, что существительные типа *печь, грязь* в формах dat., instr. и loc. sg. могут отличаться от литературных форм этих же лексем. Различия могут быть как в месте ударения, так и в качестве флексии. Примерная территория совпадения форм всех трех падежей при ударном окончании *-е* охватывает северо-восток и юго-запад зоны первичного расселения. Южная граница указанного северо-восточного ареала практически совпадает с южной границей Вологодской группы говоров (проходит через Кологрив, уходит на север к Никольску, а затем плавно опускается на юго-запад к Солигаличу), а, следовательно, не захватывает современную территорию Костромской группы [Там же: 74, 75].

Однако следует помнить, что на юге в прошлом флексию *-е* мог оттеснить чухломский акающий остров, а значит, вполне допустимо, что в XVII в. подобные

⁷² Графическую ассимиляцию можно увидеть и здесь, а также в следующих трех примерах. Для этого примера можно также предполагать сохранение исконной флексии родительного падежа склонения на согласный.

реализации были распространены и южнее и нашли отражение в исследованных текстах.

Остальные замены **и** на **е** после букв согласных, парных по твердости-мягкости: *дрвне* gen. sg. 850; *деревне*⁷³ nom. pl. 848 об.

Была обнаружена также одна замена **и** на **а** после буквы шипящего в деепричастной форме: *идуча* 848.

Здесь, вероятно, могло сказаться уже не раз упомянутое сближение реализаций фонем <е> и <и> между мягкими согласными, а также преимущественное совпадение в костромских говорах в заударных конечных и неконечных слогах всех гласных перед мягкими согласными в [е], так как в этой позиции перейти в [о] они не могли.

Таким образом, можно заключить, что в рассматриваемых костромских говорах, отраженных в исследованной отказной книге, окказиональная реализация <е> как [’а] была, возможно, наиболее последовательной в позиции конечного открытого заударного слога после мягких согласных.

Указывают на это и материалы диалектных записей, где в обеих подгруппах (северной с полным оканьем и южной с неполным) <е> в конечном открытом слоге после мягких последовательно реализуется как [а]: *гл’ин’аныја* nom. pl. А-0334, *двојуродныја* nom. pl. ЭБРНГ-392, *з’ел’оныја кругом* А-0265, *золотыја* acc. sg. А-0332, *наскóбл’им б’ер’óзьвыја коры* А-0334, *так’ија* nom. pl. ЭБРНГ-392, и др.

2.2.7. Конечный закрытый слог

Замены **я** на **ѣ** либо **е** перед мягким согласным: *девет^m* nom. sg. 88 об., 212 об., 935, 935 об.; *деветъ* acc. sg. 805; *десет* nom. sg. 813 об. х2; *десе^m* nom. sg. 34, 58 об., 59 об. х2, 83, 85 об., 88 об., 100, 100 об. х2, 101, 290, 341 об., 935, 936 об., 937, 942, 943, 944, 945, 945 об., 947; *десе^{74m}* nom. sg. 818 об.; *десе^m* acc. sg. 784;

⁷³ Здесь две предшествующих буквы гласных максимально способствуют графической ассимиляции.

⁷⁴ Исправлено на **я**.

десеть ном. sg. 156 об.; *десеть* ном. sg. 810; *десеть* асс. sg. 784 об.; *намет* ном. sg. 376 об.; *тридесет* ном. sg. 768 об. x2; и др.

То же после букв шипящих и **ц**: *двамцет* ном. sg. 21 об., 23 об., 24, 25 x2, 729 об., 730 об. x2, 809, 809 об., 810, 810 об., 811, 811 об., 814; *деветнамцет* ном. sg. 665 об.; *деветнамцетъ* ном. sg. 665; *девятнатцет* ном. sg. 117, 593; *девятнацет* ном. sg. 24; *одинацет* ном. sg. 470; *одинацет* ном. sg. 765 об.; *пятнатцетъ* ном. sg. 657; *пятамцет* ном. sg. 21 об., 24, 26, 80, 210 об., 212, 396, 416 об., 417, 417 об., 418, 422 об., 423 x2, 468 x2, 469, 721, 751 об., 860, 861 об., 866 об., 942, 942 об., 943 об., 945, 946 об., 947; *пятнацетъ* ном. sg. 748 об., 751; *семнацет* ном. sg. 22 об., 85, 867; *семнацет* ном. sg. 178 об.; *стмнацет* ном. sg. 859 об.; *четырнацет* ном. sg. 690, 730, 809; *четырнацет* ном. sg. 423 об., 424, 747 об., 867; *шестнацет* ном. sg. 132 об.; *шеснацет* ном. sg. 212, 811 об.; *шестнацет* ном. sg. 141 об. x2; *шеснацет* ном. sg. 472 об.; *шестьснацет* ном. sg. 396; и др.

То же самое перед твердым согласным: *пожнѣмь* dat. pl. 81.

Замены **ѣ** либо **е** на **я** перед твердым согласным: *пахомияяв* ном. sg. так в ркп. п.р. 729.

Здесь вновь представлена уже упоминавшаяся выше особенность заударного вокализма костромских говоров перед мягкими согласными, состоящая в том, что в конечном закрытом слоге, именно в позиции перед последующим мягким согласным, гласные неверхнего подъема, скорее всего, совпадали в звуке [e].

Однако это не объясняет примера *пожнѣмь*, для которого следует предполагать либо опisku, либо экспансию закономерности, сложившейся в позиции перед мягкими согласными на позицию перед твердыми согласными, либо правильную форму дательного падежа множественного числа от лексемы *пожень* (*ĭ-склонение) с последующей заменой буквы **е** в окончании на **ѣ**, либо же какое-то иное решение.

Встретилась также и одна замена **я** на **и**: *дѣти*^М dat. pl. 92.

Здесь, впрочем, (до замещения новой флексией –*ям*) была флексия –*ем*, а мены в паре **и** – **е**, как было уже сказано в предыдущих разделах, не являются для текстов, написанных носителями северных говоров, чем-то необычным, а отражают окказиональные особенности безударного вокализма.

И, кроме того, имеется также замена **и** на **е**: *осе*^Н п. р. 44; – однако сама по себе одна эта замена не может ни о чем свидетельствовать.

В диалектных записях наблюдается то же различие между северной и южной подгруппой рассматриваемых говоров (с полным и неполным оканьем), что и в остальных позициях относительно ударения. В южной заударная редукция качественная (*сосóч'ьк* ЭБРНГ-369, *хъхотóч'ьк* ЭБРНГ-369, и др.), а в северной – исключительно количественная (*дрóв'ец* А-0336, и др.).

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в говорах, отраженных в исследованной отказной книге, безударный вокализм после мягких согласных, а также после шипящих и [ц] характеризовался следующими двумя основными особенностями: во-первых, в позиции перед последующим твердым согласным лучше удерживалось различие гласных неверхнего подъема; во-вторых, в позиции перед последующим мягким согласным (в особенности же в конечном закрытом слоге) складывалась тенденция к совпадению гласных неверхнего подъема в звуке [e], затем же, по мере своего укрепления, эта тенденция могла переноситься и на позиции перед последующим твердым согласным, а также на позиции в безударных слогах с иной позицией относительно ударного слога, подобные реализации представлены в современных говорах на рассматриваемой территории; и, в-третьих, имелись на данной территории в XVII в. и окказиональные реализации фонемы <e> как [’a] (наиболее последовательно она, скорее всего, была представлена в конечных открытых слогах) и фонемы <a> как [e] (данная реализация, скорее всего, характеризовала лишь первый предударный слог).

Глава 3. Консонантизм

3.1. Губные спиранты

3.1.1. Реализация фонемы <в> в слабых позициях

В исследованной отказной книге имеется несколько написаний, отражающих реализации фонемы <в>.

В первой группе представим написания, где наблюдаем полное отсутствие графического отражения фонемы в начале слова: *здвиже^нскои* ном. sg. так в ркп. «Воздвиженский» п.р. 157; *здвиже^нско^и* ном. sg. так в ркп. «Воздвиженский» 158; *семе^н мѣсто прихожа^н* так в ркп. «Семен вместо прихожан» п.р. 201.

При этом в первом и втором примерах, где ранее была приставка *въз-*, после исчезновения редуцированного в слабой позиции могло образоваться очень сложное для произношения сочетание согласных: [вздв] или же [wздв]. Впоследствии оно могло подвергнуться упрощению за счет первого своего элемента.

Во второй группе представим примеры, достаточно многочисленные, где наблюдаем полное отсутствие графического отражения фонемы в середине слова перед согласным: *д(вор) а не^м* так в ркп. «двор, а в нем» 280 об.; *др^в семе^нноское* ном. sg. так в ркп. «деревня Семеновское» 490 об.; *евсюков^в а есюков^в то же* ном. sg. 926; *естифее^в75* ном. sg. 839, 832; *жа^доско^и* ном. sg. п.р. 766; *черленое* ном. sg. 873 об.; *яко^лскова* gen. sg. 594 об., 679 х2, 731; *яко^лского* gen. sg. 593, 680, п.р. 830; *яко^л//ского* gen. sg. п.р. 676–677.

Относятся к ним и два следующих примера, которые, впрочем, особого интереса не представляют, так как встречаются повсеместно: *но^лторы* 697, 722, – отметим лишь, что в еще одном подобном случае: *но^лторые* 914, – обнаруживается членная форма, что, очевидно, отличается от широко распространенного вариант с именной формой.

⁷⁵ При этимологизации через гр. *Ευστάθιος*.

Приведем здесь также и одно гиперкорректное написание для подобной позиции: *не^вмецкую* асс. sg. так в ркп. «Немецкую» 287.

Следующие написания можно отнести и к банальным опискам, так как отсутствие графического отображения фонемы <в> перед гласным, то есть в сильной позиции, представляет собой неожиданное явление. Но распределим их в зависимости от реконструируемого сочетания звуков.

*[вдв]: *в ду* так в ркп. «в дву» 935; *ѿ ду* так в ркп. «в дву» 804 об.; *в' ду* так в ркп. «в дву» 160 об.

*[дв]: *доР* ном. sg., так в ркп. «двор» 829; *дорh* ном. sg., так в ркп. «двор» 919; *дисти* асс. sg., так в ркп. «двести» 84; *дѣ^сти* ном. sg., так в ркп. «двести» 55 об. х3.

*[здв]/[ств]: *з' дема* так в ркп. «с двумя» 78 об.; *рожеста* ген. sg., так в ркп. «Рождества» п.р. 784 об.

Сюда же следует отнести и гиперкорректные: *вдова* ном. sg., так в ркп. «вдова» 365 об., 368, 368 об.; *вдовови* ном. sg., так в ркп. «вдовый» 776 об.

Обнаружен был также и один пример с написанием дополнительной буквы **в** перед **о** после сочетания [вп]: *в нволе* loc. sg., так в ркп. «в поле» 388 об.

Как видим, в большинстве перечисленных случаев [в] следует за звонким взрывным [д] (лишь в двух примерах обнаруживаем глухие [п] и [т]), которому может предшествовать [в] (в большинстве случаев, восемь примеров), а также [з] (один пример) или [с] (также один пример).

Отдельно приведем пример, где можно предположить упрощение консонантного кластера *[гв]: *логи^нко* ном. sg. 929. Здесь, однако, следует учитывать, что имя *Логин* к моменту написания рассматриваемой отказной книги могло уже лексикализироваться.

Таким образом, можно предположить, что сочетания типа [вдв] (а также [здв], но в меньшей степени) в рассматриваемых говорах имели тенденцию к упрощению за счет своего последнего элемента, что может свидетельствовать также и о его высокой сонорности.

Следует отметить также и одно написание, в котором можно увидеть обратное отражение окказиональной реализации <в> билабиальным согласным в слабой позиции: *в⁷⁶садища* gen. sg. 116.

О подобных губно-губных реализациях (в том числе и в сильной позиции) Л.Ф. Копосов говорит, ссылаясь на [Шахматов 1915: 294], что наиболее благоприятной позицией для утраты подобного звука является интервокальная и приводит соответствующие примеры [Копосов 2000: 111].

Ряд примеров отражает типичное для современных говоров на данной территории (см. об этом ниже) изменение начального [вн] → [мн]: *мну^к* 832; *са мнукими* 789; *со мнука^{ми}* 790 об.; *со мнуко^м* 789 об.; *со мнучаты* 829.

На фоне всех предшествующих примеров, которые должны указывать на высокую сонорность реализаций фонемы <в>, странно выглядит достаточно последовательное отражение позиционного оглушения, реализации здесь определенно глухие губно-зубные.

Оглушение в позиции конца слова: *семено^ф* nom. sg. 280; *трет^тяко^ф* nom. sg. 489 об.

Столь малое их число обусловлено, по всей видимости, графическим традиционализмом, не позволявшим писцам отражать это явление регулярно. Однако сам факт их наличия в **Костр.** указывает на позиционное оглушение <в> в конце слова в говорах, отраженных в данной отказной книге.

Оглушение перед последующим глухим согласным: *виту^фтову* dat. sg. 682 об.; *фторов^в* nom. sg. 481, 927; *фтороваско^с* gen. sg. 837; *фторово* acc. sg. 20 об., 21; *фторовскова* gen. sg. 831, 844; *фторовского* gen. sg. 838; *фторовско^и* dat. sg. 828 об., 829 об.; *фторову* dat. sg. 21, 22, 23, 34; *фторо^и* nom. sg. 776 об.; *ф поле* 28 об. х2, 29 об. х2; *ф пят^тдеся^т* 30 об.; *ф чет^т* 786 об.; *яковле^фскова* gen. sg. 353 об.

И эти примеры несомненно свидетельствуют о том, что в слабых позициях в говорах, отраженных в исследованной отказной книге, преобладала реализация в рассматриваемой фонеме в звуке [ф].

⁷⁶ Исправлено на у.

Л.Ф. Копосов пишет, что для северновеликорусского наречия губно-зубная реализация <в> является более типичной. Ссылаясь на [Образование... 1970] он также отмечает, что губно-губные реализации в слабых позициях чаще всего непоследовательны и сосуществуют с [ф]. При этом билабиальный согласный, произносимый в конце слова и слога, в северных говорах (где он в данной позиции реализуется скорее как [w]) менее сонорен, чем в южных (где реализации приближаются к [ʋ]). В качестве доказательства губно-зубного характера <в> в северновеликорусских говорах на тот момент исследователь приводит многочисленные случаи его оглушения перед глухими согласными (которые встретились и в исследованной отказной книге), а ведь сонорный оглушаться не мог [Копосов 2000: 110, 111].

Интересными оказываются также и следующие примеры: *вито^хтова* gen. sg. 299; *вито^хтова* gen. sg. 299 об.; *виту^хтова* gen. sg. 815; *х поле* loc. sg. 804, 805. Представлены они, как видим, перед согласными звуками [т] и [п] и, очевидно, свидетельствуют о том, что в рассматриваемых говорах, отраженных в исследованных текстах, в данной (слабой) позиции перед глухими взрывными согласными была возможна мена губных и заднеязычных, известная в говорах.

В статье А.К. Васильевой [Васильева 1981] отмечается, что в одних говорах задненебные звуки в подобной позиции употребляются лишь перед губными согласными (как звонкими, так и глухими), в других – исключительно перед глухими губными (наиболее частая модель), а в третьих единственным условием является глухость следующего согласного, место же и способ его образования не важны [Там же: 86].

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 57] на месте фонемы <в> перед согласным в начале слова к северо-востоку от Костромы практически повсеместно преобладает реализация [в] перед звонким и [ф] перед глухим. Реализация [у] в обеих позициях представлена в начале слова тремя крайне небольшими островами в районе Солигалича, западнее Галича и юго-западнее Костромы. В низовьях Унжи, западнее Костромы, а также южнее Кологрива несколькими

островами покрупнее представлена реализация [в] как перед звонкими, так и перед глухими.

В середине слова [Там же: 56] на территориях к северо-востоку от Костромы звук [в] перед звонкими при [ф] перед глухими употребляется максимально последовательно. Ни в какое сравнение не идут северо-восточные территории от Кологрива до Сольвычегодска и уж тем более северные (треугольник Вологда – Вельск – Каргополь). Ситуация в современных костромских говорах ближе всего к современным же говорам центра, что, разумеется, даже в большей степени справедливо и для вышеописанной позиции в начале слова. Реализация [ў] перед звонкими и глухими согласными представлена лишь небольшими островками (в районе Солигалича, Чухломы, Кологрива, по реке Унже, а также чуть восточнее Костромы); южнее Кологрива, а также восточнее Костромы возможна и одинаковая реализация [в] перед звонкими и глухими согласными, но все эти ареалы не слишком велики. Реализации в [х] перед глухими единичны: западнее Галича и Чухломы, но южнее Солигалича, а также между Солигаличем и Кологривом, что, однако, уже практически за пределами рассматриваемого ареала.

А.К. Васильева отмечает, что в одних говорах задненебные звуки употребляются лишь перед губными согласными как звонкими, так и глухими, в других – только перед глухими губными (наиболее частая модель), в третьих существенно, чтобы согласный был глухим, место же и способ образования не важны. Отмечен также и один пример, когда глухой [х] из [в] представлен даже перед гласным [Васильева 1981: 86].

По данным коллективной монографии [Образование... 1970] для современных костромских говоров характерна такая черта говоров центра, как наличие сопоставительных пар фонем <в> – <ф> и <в'> – <ф'>, отдельные ареалы с высоко сонорным <в> находятся ближе к вологодским говорам. Изменение [вн] → [мн] (встретившееся в исследованной отказной книге), признается лексически неограниченным в центральной части костромских говоров (преимущественно на территории акающего острова), на западе же оно представлено лишь в отдельных

словах, даже характерное *мнук* не охватывает там всех говоров. Там же местами (в угличских говорах) представлена и обратная мена типа *повню* и *вного*. Так или иначе, наиболее вероятной признается теория, состоящая в том, что данная мена зародилась в XIII – XIV вв. в части ростово-суздальских говоров, рано лексикализовалась, а потом получила распространение там, где в костромских говорах шло наиболее активное взаимодействие с инодиалектными особенностями. Следовательно, древней она считаться не может [Там же: 302–304].

Д.К. Зеленин, описывая ситуацию в костромских говорах XIX в. касается вопроса о неслоговом [ў] в их северной части, а именно в говорах Солигаличского уезда. Он ссылается на сведения, собранные Ф.И. Покровским, который утверждает, что данная черта распространена по всему уезду и представляет собой результат влияния соседних говоров [Зеленин 1913: 517].

Область распространения [ў] протянулась на север от границы Чухломского уезда до границ Холмогорского, включая Кадниковский и Солигаличский уезды, которые входят в эту полосу практически целиком. Д.К. Зеленин признает подобную реализацию <в> древней, пришедшей сюда с севера, поскольку в XIV–XV вв. данная черта была обычной для говоров, распространенных в низовьях Северной Двины (исследователь утверждает это, ссылаясь на [Шахматов 1903]), из которых она впоследствии исчезла [Зеленин 1913: 517].

На фоне всего этого необычно выглядит материал диалектных записей, где в слабой позиции перед глухим согласным и на конце слова встречается и оглушение в [ф], и билабиальная реализация [ў], и даже сохранение звонкого [в]. Какого-либо существенного различия между севером с полным оканьем и югом с неполным здесь не наблюдается, примеров изменения [вн] → [мн] обнаружить не удалось, однако следует признать, что число лексем, в которых его можно наблюдать, невелико, в исследованных диалектных записях примеров, где оно могло бы проявиться, нет.

[в] перед глухим согласным и на конце слова: *в кьстром'э* ЭБРНГ-374, *св'екр'ов* А-0334, *т'эт'ьр'ьв* ЭБРНГ-001, и др.

[ў] перед глухим согласным и в на конце слова: *котóў* ЭБРНГ-084, ЭБРНГ-369, *ор'ехоў там* ЭБРНГ-392, *п'ат' годóў* А-0333, *соўхóс* ЭБРНГ-001, ЭБРНГ-084, и др.

[ф] перед глухим согласным и на конце слова: *жыф* ЭБРНГ-084 *котóф* ЭБРНГ-054, ЭБРНГ-080, *ф'с'ех* ЭБРНГ-084, *ф'ц'ёр'к'ьф* ЭБРНГ-392.

Реализации эти, что примечательно, могут соседствовать не только в говоре одного носителя, но даже и в одном фонетическом слове: *ф'ц'ёр'к'ев нóс'им* ЭБРНГ-392.

Таким образом, можно заключить, что в говорах, отраженных в исследованной отказной книге, регулярной, скорее всего, была реализация <в> как [в] перед звонкими согласными и как [ф] перед глухими. В начале слова эта закономерность выдерживалась более последовательно, чем в середине, где перед глухими согласными звуками [т] и [п] была возможна и реализация в [х]. Кроме того, в обеих позициях (начало и середина слова) были возможны (и до сих пор возможны) и спорадические высоко сонорные реализации, не получавшие, однако, достаточной регулярности. Изменение [вн] → [мн], как оказалось, было представлено в костромских говорах уже в начале XVII в.

Обнаруженные в **Костр.** примеры, свидетельствующие о возможной нестабильности в корреляции по твердости-мягкости, можно отнести к граничащей с вологодскими части костромских говоров, т. к. в основном массиве современных костромских и пошехонских говоров, по данным коллективной монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», представлена (как и в говорах центра) корреляция рассматриваемых губных фонем по твердости-мягкости [Образование..., 1970: 302].

3.1.2. Предлог *ув*

Е.А. Галинская заключила, что хотя сейчас данный предлог в северных областях западной диалектной зоны и не распространен, однако в конце XVI – первой половине XVII в., согласно свидетельствам деловой новгородской, псковской и тихвинской письменности, он там наверняка присутствовал [Галинская 2002: 218].

Для ладого-тихвинских говоров приводится целый ряд примеров, где буква **в** употреблена после предлога *у* перед следующим начальным **о** или **у**: *у-в-обоихъ*, *у-в-уха* из Книг таможенной избы, «а в них записка лошадем, шерсти и приметам» (1624–1625 гг., 75 л.) и др. [Там же: 66].

Появление предлога *ув* связано с периодом, когда губной спирант был билабиальным, что для нынешней Ладого-Тихвинской группы говоров, как отмечается в монографии, совсем не характерно. Предполагается, что данные примеры отражают самое начало утраты предлога *ув* севернорусскими говорами, а именно: перед нелабиализованными гласными звук [в] им был уже утерян. Кроме того, и само [w] билабиальное в рассматриваемых диалектах к концу XVI – первой половине XVII в. также утрачивалось [Там же: 66].

С.И. Котков об отражении предлога *ув* в южновеликорусской письменности пишет следующее: «Если за начальным *у*, предлогом или приставкой, следует гласный звук, эквивалентом этого *у*, при предшествующем гласном или согласном, помимо *в*, выступает *ув*», – и далее приводит большое количество примеров, в которых предлог **ув** написан перед последующим словом, начинающимся с буквы гласного [Котков 1963: 102, 103].

Встретился лишь один подобный пример, причем, что интересно, на месте предлога *в*, что можно также рассматривать и как еще один случай окказиональной билабиальной реализации (хотя и в сильной позиции, что нехарактерно) фонемы <в>: *ув усадище* loc. sg. 93 об. И обнаруживается он как раз в позиции перед последующим [у], что примечательно (ср. приведенные выше примеры из [Галинская 2002: 66]). Таким образом, получается, что взаимосвязанные явления (губно-зубное образование губного спиранта и отсутствие предлога *ув*) даже в столь немногочисленных и нехарактерных для рассматриваемых говоров в целом примерах сосуществуют и обнаруживаются вместе.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 59] в треугольнике с вершинами Кострома – Кологрив – Солигалич данный предлог в каких-либо реализациях не зафиксирован вовсе, не встречается он также и в диалектных записях.

В упомянутой ранее статье А.К. Васильевой особо оговаривается, что предлог *ув* (*уво*) (разумеется, в говорах севернорусского наречия, рассматриваемых в данной статье) зафиксирован лишь единичными примерами в двадцати двух населенных пунктах, которые, преимущественно, расположены за пределами основного ареала распространения высоко сонорных губно-губных реализаций <в> [Васильева 1981: 84], что еще раз говорит о его крайне узком распространении в современных северновеликорусских диалектах.

Таким образом, по совокупности данных современных говоров и исследованных текстов можно заключить, что в костромских говорах XVII в. предлог *ув* если и употреблялся вовсе, что маловероятно, то употреблялся чрезвычайно редко. Это может быть обусловлено его генетической связью с реализацией <в> как [w], которая, как было уже отмечено выше, в исследованных текстах не нашла широкого отражения и была, скорее всего, явлением маргинальным и более свойственным периферийным костромским говорам, граничившим с вологодским.

3.1.3. Протетическое и эпентетическое [в]

В исследованных текстах были обнаружены следующие примеры.

Эпентеза в именах собственных: *клевои^н* ном. sg. 782; *лариво^н* ном. sg. 415, 459, 699 об., 706, 870, 876 об.; *лево^нтиев^н* ном. sg. 598 об.; *лево^нтьев^в* ном. sg. 885 об.; *левонтьев^в* ном. sg. 944 об.; *лево^нтьев^в* ном. sg. 659 об., 886; *лево^нтьев^в* ном. sg. 665; *левонтьева* gen. sg. 265 об.; *лево^нтьева* ном. sg. 198 об.; *лево^нтьеве* dat. sg. 199; *навумов^в* ном. sg. 867; *родивовы* ном. pl. так в ркп. «родионовы» 377 об.; *родиво^н* ном. sg. 377 об., 415; *родиво^нкомъ* instr. sg. 661 об.; *родивоновыми* instr. pl. 812 об.; *родивоновъ* ном. sg. 614; *род^ндивоно^в* ном. sg. 941 об.; *тиву^нцово⁷⁷* ном. sg. neuter. 944; и др.

⁷⁷ Рассматриваемая эпентеза, о чем можно судить и по остальным приведенным примерам, максимально последовательно появляется при зиянии перед ударным губным гласным. Здесь старая а.п. *а тивунъ* (*тивунъ*) при новом *тивун*, не наследует старой акцентуации напрямую [Зализняк 2014: 510].

Следует сразу отметить, что, во-первых, примеры эти из сферы ономастики, во-вторых, есть среди них и часть производных от исходной формы. Все это позволяет предполагать лексикализацию определенных вариантов имен, или же употребление их в таком виде, в котором они использовались носителями для автономии, что не было бы совсем уж необычно.

Примеров эпентезы не в именах собственных, если не считать уже приведенных производных *навумо*^в nom. sg. 867; *тиву^нцово* nom. sg. neuter. 944, обнаружено не было.

Что же касается связи данного явления с отражениями фонемы <ô>, то ее, очевидно, нет, как нет исконно славянских слов с зиянием, где подобная эпентеза перед <ô> могла бы появиться.

Как видим, широкого отражения в обследованных текстах данная диалектная особенность не нашла, однако можно сделать вывод, что так или иначе, может и лексикализованно, она присутствовала в говорах, отраженных в исследованных документах. Теперь обратимся к отражениям протезы.

Протеза в именах собственных: *д(еревня) вострое* nom. sg. 412. Однако данное имя собственное, очевидно, мотивировано прилагательным *острый* и потому может также быть отнесено и к следующей группе примеров, где протеза представлена вне сферы ономастики.

Еще один пример выглядит несколько спорно: *во^зманово а и^зма^ллово то^ж* nom. sg. 775 об. Хотя данный топоним (название пустоши) в первом варианте написания и может быть возведен к гипотетическому производящему (связанному, надо полагать, с тюркским) *Озман*, однако вероятность подобного объяснения, как кажется, не выше, чем вероятность того, что здесь имеет место банальная порча текста.

Протеза за пределами имен собственных представлена достаточно широко, однако непоследовательно.

Примеров, отражающих протезу, обнаруживается немало: *в вопче* 587, 588; *в во^нче* 651, 651 об.; *в во^тчине* loc. sg. 670 об.; *в во^тчинъ* loc. sg. 652 x2; *в(о)//смь*

772-772 об.; *воколѣшиноу* loc. sg. 104 об.; *вопчее* nom. sg. 948 об.; *вопчеи* nom. sg. 131 х2; *вопчеуи* nom. sg., так в ркп. «общий» 856; *вопчие* gen. sg. 106; *восмь* nom. sg. 26 х2, 897 об., 904, 906, 908; *восмьдесят* nom. sg. 451; *восмь* nom. sg. 21 х2, 21 об., 844, 862, 888, 921, 944; *восмь* nom. sg. 212 об., 686, 689 об.; *восмьдесят* nom. sg. 147 об., 148; *восмьдесять* nom. sg. 148; *восмьсот* nom. sg. 148, 158; *вопчины* acc. pl. 165; *вопчинами* instr. pl. 357 об.; *вопчинноу* dat.sg. 378 об.; *вопчинною* instr. sg. 678 об.; *вопчиныу* gen. sg., так в ркп. «вотчины» 162 х2; *вопчиня* так в ркп. «вотчина», nom. sg. 308; *в вотчинѣ* loc. sg. 62 об.; *вопчинниковъ* gen. pl. 134 об., 135, 147 об., 492; *вопчинноу* gen. sg. 106 об.; *в вотъчиноу* loc. sg. 379; *вотъчины* gen. sg. 379; *всмина* так в ркп. «восмина», nom. sg. 613; и др.

Не менее обширна и группа примеров, где протеза не представлена: *асмо^М* loc. sg. 613; *асмо^М* loc. sg. 613 об.; *без осмхи* 833; *в очине* loc. sg. 588 об.; *осиминою* instr. sg. 98 об.; *оосмы* так в ркп. «восьмы», gen. sg. 597 об.; *осмая* nom. sg. 758? 759 об. х2, 841 об.; *осми* dat. sg. 20 об., 712; *осми* dat. sg. 795 об., 862 об.; *осмин(ою)* instr. sg. 457 об.; *осм(и)ною* instr. sg. 459 об.; *о(с)миною* instr. sg. 842 об.; *осминою* instr. sg. 666, 694 об., 695, 908 х2, 912, 912 об., 913, 915 об., 916, 933 об., 935; *осмин[о](ю)* instr. sg. 841 об.; *осмину* acc. sg. 157; *осминую* instr. sg. 423 об.; *осмины* gen. sg. 398, 412, 423 об., 697, 703 об. х2, 772, 790, 792 об., 814 об., 834 об., 897, 905 х2, 914, 926 об., 929 об.; *осмины* nom. pl. 842; *осмины* gen. sg. 928 об.; *осьмы* gen. sg. 294; *отчины* gen. sg. 221, 221 об., 614, 801; *в отчинѣ* loc. sg. 483 об.; *с полуосмино* так в ркп. «с полуосминою», instr. sg. 833; и др.

Оговорим ситуацию с некоторыми сочетаниями предлога с существительным. Написания с удвоенным начальным **в** на месте предлога *в* типа *ввотчину* acc. sg. являются наиболее показательными, поскольку, хотя они и могли выступать там, где в речи уже прошло упрощение начального сочетания [вв] > [в], однако о самом наличии протезы свидетельствуют несомненно. Написания же типа *вотчину* acc. sg. для таких сочетаний можно было бы

трактовать двояко: и, что, как кажется, вероятнее, как отражение вышеописанного упрощения при протезе, и как предлог *в* перед существительным без протезы.

Отдельно оговорим, что хотя для лексемы *восемь* и ее производных протеза в исследованных текстах менее регулярна, чем для лексемы *вотчина*, но и встречается она на порядок чаще. В истории русского языка именно эти две лексемы и получали прикрывающий первый слог звук [в] (в различных его вариантах) наиболее регулярно. Для лексемы же *околичный* представлен лишь один случай протезы. Налицо различная интенсивность проявления рассматриваемого процесса в зависимости от лексемы.

С.И. Котков, описывая ситуацию в южнорусских говорах, связывает употребление предлога *ув*, которому был посвящен предыдущий раздел, с развитием протетического и/или эпентетического [в]: «Сочетание *ув* на месте *у* в положении перед гласным (аналогическое *ув* на месте *в* во внимание не принимаем) – явление не изолированное, а стоящее в одном ряду с многочисленными фактами появления звука *в* в интервокальном положении, которое также отразилось в южновеликорусских памятниках» [Котков 1963: 104].

В случае с **Костр.**, однако, обстоит иначе, чем в южных говорах. Весь круг явлений, связанных с высоко сонорными реализациями фонемы <в>, при наличии ряда лексикализованных случаев эпентезы и протезы, в исследованной отказной книге какого-либо последовательного отражения не получил.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 60] к северо-востоку от Костромы есть лишь четыре небольших ареала, где в единичных случаях перед ударными [ó] и [ú] присутствует протетический [в]. Три из них выстроились дугой на уровне Галича (один к западу, два к востоку), а еще один, более обширный, находится к северу от Солигалича, захватывая самым своим краем и город.

В диалектных записях, если исключить лексемы, получившие протезу последовательно и повсеместно (*лошед'эј вóс'ем соб'е'рóm* А-0265, и др.), протетическое (и эпентетическое [в]) почти не встречаются. Отмечены лишь два случая в периферийных говорах: *вост'ór топ'ór* А-0332, *уд'э вон на вул'иц'у* А-0336.

Таким образом, рассмотрев материал исследованных текстов и современных говоров на территории к северо-востоку от Костромы, можно заключить, что протетическое [в] в XVII в. здесь, скорее всего, было последовательно и широко представлено лишь в таких лексемах, где оно обобщилось на всей великорусской территории (типа *во^тчине* loc. sg. 670 об. и *восмь* nom. sg. 21), количество же иных примеров в исследованных текстах крайне невелико.

Эпентеза, судя по имеющимся примерам, была представлена в говорах, отраженных в исследованных памятниках, достаточно широко (впрочем, могла здесь иметь место и лексикализация).

Оба рассматриваемые явления, таким образом, в какой-то степени (зачастую лексикализовано) присутствовали в костромских говорах XVII в.

3.1.4. Фонема <ф> и ее замены

В исследованных рукописях достаточно регулярно отражается этимологический [ф] в заимствованиях: как в формульных частях документов, так и в их основной части. Перечислим для начала лишь некоторые написания с этимологически правильным употреблением **ф**, а затем встретившиеся замены, и попробуем выяснить, на какую фонетическую реализацию они скорее всего могут указывать.

Этимологически правильное употребление **ф** в заимствованных именах: *афона^сев* nom. sg. 929; *вар^рфолом^тьевича* gen. sg. 910; *вар^рфолом^ть^и* nom. sg. 292; *дор^офеев^ь* nom. sg. 261; *федорову* acc. sg. 21; *федост^ье^м* instr. sg. 7; *феклицы* gen. sg. 284; *фот^тьев^ь* nom. sg. 382; *хриса^нф^ь* nom. sg. 48; *яро^фе^ико* nom. sg. 137 об.; *яро^фт^ьев^ь* nom. sg. 663об.; и др.

Этимологически правильное употребление **ф** в прочей заимствованной лексике не встретилось, что, однако, неудивительно, так как отказные книги служили не столько описанию предметного мира, сколько определению прав владения, следовательно, имена в них занимают более важное место, чем вещи, представляя своих владельцев.

Теперь обратимся к заменам.

Замены **ф** на **х**: *оныхреи* ном. sg. 448.; *стахи^и* ном. sg. 927; *стахъ^и* ном. sg. п.р. 927; *стахъико* ном. sg. 662 об.

Отдельно также выделим уже, по всей видимости, лексикализованный в новом облике антропоним, вариант имени *Варфоломей*, устойчиво употребляющийся с заменой **ф** на **х**: *вахроме^в* ном. sg. 156; *вохромеъ^в* ном. sg. 45; *вахромиевъ* ном. sg. 102; *вахромъевъ* ном. sg. 364 об.; *вахромъев^в* ном. sg. 646; *вахромъевъки* gen. sg. 401, 403 об.; *вахромъи* ном. sg. 200.

Встретились и обратные замены.

Замены **х** на **ф**: *амфилофеи⁷⁸* ном. sg. 49 об.; *а^ифилофе^и* ном. sg. п.р. 48 об.; *евтифъевъ* ном. sg. 163 об.; *евтифъико* ном. sg. 871 об.; *(еу)тифъ^и* ном. sg. 297 об.; *малафе^и* ном. sg. 699 об.; *малафие^в* ном. sg. 930 об.

Есть также определенное число замен, которые можно считать своеобразной гиперкоррекцией.

Замены **ф** на **в**: *вила^тко^м* instr. sg. 412.; *с ви^лкою* так в ркп. «Филькою» 823 об.

И одна чрезвычайно необычная замена **ф** на **кф**: *по^н кфедоръ* ном. sg. 407 об.

Схожи с перечисленными выше и замены в еще одном антропониме, который, по всей видимости, лексикализовался в своем новом фонетическом варианте: *ма^тве^и* 850; *ма^твие^в* 627; *матвиевъ* 944; *матвье^в* 701 об., 869 об. х2, 875, 877, 912 об.; *ма^твье^в* 671; *ма^твьева* gen. sg. 718, 718 об.; *ма^твье^вское²* gen. sg. 866 об.; *матвье^в* 869 об.; *ма^твье^в* 650, 793; *ма^твье^вы^м* dat. pl. 647; *матвье^м* instr. sg. 878; *мат^въи* п.р. 872; *матвъ^и* п.р. 798 об.; *матвъ* ном. sg., так в ркп. «Матфей» 869.

Замены **ф** на **вф**: *тимовфе^и* ном. sg. 850 об.

Многие из замен, однако, далеко не стандартны. Предполагать за ними прямое отражение произношения (в особенности в первом случае, замена **ф** на

⁷⁸ Здесь, а также в следующем примере могла повлиять и первая буква **ф** в данной лексеме..

кф) тяжело. Возможно, писец просто знал о вариативности в подобных именах с **ф** и создал подобные формы исключительно гиперкорректно, или же плохо восприняв на слух те формы, которыми носители данных имен называли себя сами, получиться они могли из сочетания [хв] посредством либо изменения, либо же отпадения первого элемента.

Отражены в исследованных текстах также и замены **ф** на **п**, традиционные и лексикализованные: *агани^т* ном. sg. 173 об.; *агани^тко* ном. sg. 59, 772, 891 об.; *есипкомъ* instr. sg. 663 об.; *огани^тко^м* instr. sg. 891 об.; *огропъеною⁷⁹* instr. sg. 202 об.; *осципо^в* ном. sg. 812; *останова* ном. sg. 842; *стена^н* ном. sg. п.р. 756, п.р. 937; *степаниди^н* ном. sg. 930 об.; *степаникова* gen. sg. 860 об.; *степаникока* gen. sg., так в ркп. 860 об.; *степанова⁸⁰* ном. sg. fem. 808; *степановичю* dat. sg. 822 об., 825; *стенкою* instr. sg. 890.

Встретилась также и одна необычная замена, хотя и подобная вышеприведенным, но лексикализации не подвергшаяся: *по^н и⁸¹едо^р* ном. sg. 438.

Добавим сюда также одно необычное написание **п** на месте **в**: *три чет^ти^перти* 804 об. Объяснить его можно окказиональной прогрессивной ассимиляцией (в целом рассматриваемым говорам не свойственной, см. раздел 3.2.2.). В результате появляется сочетание [тф], которое затем могло либо фонетически измениться в [тп], либо же просто отразиться на письме как **тп**. Впрочем, в таком случае требует объяснения и написание **и** между буквами взрывных согласных. Попытки увидеть здесь гласный призвук, способствовавший облегчению произношения труднопроизносимого сочетания, чрезмерно усложняют и без того сложное построение, тем более что возможности банальной описки нельзя исключать прежде всего потому, что написание *чет^ти* чрезвычайно употребительно в отказах.

⁷⁹ Замена здесь, разумеется, произошла лишь с точки зрения стандартной формы *Аграфена*, с точки же зрения соответствия *Агриппине* данный вариант даже более точен.

⁸⁰ Последняя **а** исправлена из **о**.

⁸¹ Исправлено на **ф**, можно также предположить и графическую ассимиляцию.

Кроме того, можно выделить такие соотносимые пары: *есиⁿ* nom. sg. 291 об. – *осифовь* nom. sg. 444; *стенаⁿ* nom. sg. п.р. 425 – *стефанъ* nom. sg. п.р. 425.

Именно обратные замены, а также подобные соответствия вместе с различными гиперкорректными написаниями, могут свидетельствовать о наличии еще некоторой неустойчивости в не до конца установившейся корреляции <в> и <ф>, которая, как уже было сказано в разделе 3.1.1., последовательно реализуется в данных говорах сейчас.

Как уже было отмечено выше, для северновеликорусской письменности Л.Ф. Копосов в целом отмечает уже хорошо развитую корреляцию [в] и [ф], основываясь на примерах оглушения перед согласными. При этом важно отметить, что хотя, вновь ссылаясь на коллективную монографию [Образование... 1970], а также исследования С.И. Коткова [Котков 1963], он и отмечает, что южновеликорусская письменность изобилует заменами **ф** на **х**, **хв**, **хф**, **вф** и **п**, а, кроме того, также **хв** на **ф** и **х**, а также, что в современных северновеликорусских говорах [ф] на месте [х] и [хв] произносится чаще, чем в южновеликорусских, однако в текстах, которые были им исследованы, Л.Ф. Копосову обнаружить данного явления не удалось. Причиной автор считает орфографические нормы, не признававшие подобных написаний [Копосов 2000: 112].

Для сравнения обратимся к исследованиям, посвященным южным говорам. Г.А. Хабургаев отмечает, что хотя звук [ф] к XVII в. несомненно начал проникать в южновеликорусские диалекты в основном в составе заимствований, но до конца усвоен не был, так как не появлялся в позиции оглушения на месте <в>, отчего в текстах представлены замены **ф** на **х** и **хв**. Есть и обратные замены, которые Г.А. Хабургаев трактует как отражающие живое произношение [Хабургаев 1967: 174–175]. Имеется ввиду, что в живом диалекте [х] и [хв] произносились на месте этимологического [ф], но он уже начинал усваиваться и потому возникала языковая гиперкоррекция. Присутствовали также и стандартные для восточнославянских языков (и самые древние из возможных) замены **ф** на **п**. [Там же: 174].

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 54] в современных говорах к северо-востоку от Костромы практически не знают исключений парные реализации [ф] и [ф']. Западнее Чухломы и восточнее Солигалича можно наблюдать два небольших ареала, где в единичных случаях представлены [хв] и/или [х] – [хв'] и/или [х']. Между Галичем и Костромой в одном населенном пункте наблюдаются в ограниченном круге лексики реализации в [п]. Юго-восточнее Кологрива, по Унже, крайне небольшим ареалом представлены замены [хв] → [ф].

В диалектных записях каких-либо замен в паре [ф] - [хв] и/или [х] обнаружить не удалось, что подтверждает последовательность парных реализаций [ф] и [ф'] на рассматриваемой территории: *на ф'эрму* ЭРБНГ-374, *сърафа́на* ЭРБНГ-001, *ф'эрма* х2 ЭРБНГ-369, *ф'ит'ил'и* ЭРБНГ-369, и др.

По совокупности данных исследованных текстов, а также данных современных говоров на рассматриваемой территории, следует предполагать, что в говорах, отраженных в отказной книге, представлена уже по большому счету оформившаяся система, свойственная говорам центра. Еще раз напомним, что о ней уже шла речь в разделе 3.1.1., однако повторимся: наличие сопоставительных пар фонем <в> – <ф> и <в'> – <ф'>, а также редкость прочих реализаций (заднеязычных фрикативных) являются ее основными чертами.

3.2. Заднеязычные согласные

3.2.1. Качество фонемы <г>

Качество звонкой заднеязычной фонемы, а именно ее фрикативный характер, несомненно, является одной из наиболее ярких черт южных говоров, при изучении которых как раз и были наиболее глубоко изучены вопросы, касающиеся ее отражения на письме. Оно, однако, оказывается довольно редким, ведь в сознании писцов буква г без проблем ассоциировалась с их собственным особым произношением данной фонемы [Хабургаев 1967: 167].

По мнению Г.А. Хабургаева, наиболее показательными являются написания с х на месте г в позиции конца фонетического слова (а значит и оглушения соответствующих согласных) [Хабургаев 1967: 167], другие же написания он склонен трактовать как возможные в говорах со звонкой заднеязычной фонемой

любого способа образования – как смычного, так и фрикативного. Например, написания типа *кохда* он объясняет диссимиляцией перед смычными, написания типа *глеба* (т.е. «хлеба», с обратной меной букв) и *прихоже* («пригоже») – не могут, по его мнению, быть поставлены в связь с фонетической позицией [Там же: 168], что следует понимать так: позиция здесь сильная, условий для изменения быть не могло, для Г.А. Хабургаева наиболее естественным отражением фрикативного характера данной фонемы оказывается ее оглушение в позиции конца слова (подобное объяснение для данных двух примеров, приведенных со ссылками на исследование С.И. Коткова [Котков 1963: 121, 122], могло появиться отчасти и из соображений полемики с цитируемой Г.А. Хабургаевым монографией), – а написания типа *хороху* («гороху») dat. sg. объясняются графической ассимиляцией. Основным его положением является утверждение о том, что южновеликорусские писцы были крайне чувствительны к различению звуков [x] и [χ], которые для них представляли разные фонемы, а значит, не могли столь легко путать их [Хабургаев 1967: 168]. В этом он опять-таки полемизирует с С.И. Котковым, который считает, что даже написания с *х* в середине слова (то есть не имеющие никакого отношения к оглушению согласных на конце слова) могут свидетельствовать о наличии в говоре фонемы <χ> [Котков 1963: 121].

Л.Ф. Копосов, ссылаясь на двух вышеупомянутых исследователей для сравнения с ситуацией на юге, говорит, что хотя севернорусские памятники и отражают говоры, где взрывная реализация <г> практически повсеместна, однако написаний, отражающих фрикативный вариант, пожалуй, больше, чем в южнорусских документах. Он перечисляет следующие возможные способы отражения: написания с *х*, отражающие оглушение [χ] на конце слова; пропуск *г* в начале и середине слова; замена *г* на *х* перед гласным и сонорным согласным; даже гиперкорректное употребление *г* на месте *х*, для которого, однако, исследователь обнаружил лишь один пример. Но Л.Ф. Копосов также утверждает, что все эти факты не являются доказательством того, что на всей территории северновеликорусского наречия была широко распространена реализация [χ]. Он

принимает следующую точку зрения: поскольку обучение грамоте происходило по богослужебным книгам, кроме того, многие писцы и сами были дьячками, профессиональными чтецами, здесь следует предполагать искусственное книжное произношение [Копосов 2000: 112–114].

Теперь обратимся к материалам исследованных текстов и посмотрим, какие отражения рассматриваемой диалектной особенности обнаруживаются там.

Замены г на х в позиции перед гласным: *кныхо^М* dat. pl. п.р. 107 об.; *туРхенева* gen. sg. 313.

Встретились в этой позиции также и обратные замены: *в нерего^Дцко^И* loc. sg. так в ркп. (произведено от гидронима *Нерехта*, ср. *в нерехо^Тцко^И* 640 et pass.) 652 об.; *паганые* gen. sg., так в ркп. «паханые» 585 об. х2; *пригожа^Н* gen.pl. п.р. 718.

На фоне перечисленных выше примеров интересной представляется и неуверенность в отражении писцом заднеязычного глухого согласного в следующем: *михкѣ^Вскоѣ^И* acc. sg. neuter. 847 об.

Как уже было отмечено выше, по Г.А. Хабургаеву подобные примеры, очевидно, не имеют никакой ценности для выяснения характера звонкой заднеязычной согласной фонемы в говоре, отраженном в текстах. Кроме того, как уже было сказано, по Л.Ф. Копосову их можно поставить в связь с книжной традицией (что было бы совершенно логично для лексемы *книга*; приведенный пример, кроме того, делает сомнительным и написание **Ы** на месте **И**), и, наконец, некоторые из них относятся к ономастике, которая могла быть связана с носителями каких-либо других говоров, которые на данной территории не были исконными.

Но встретилось также и отражение звонкой реализации заднеязычной фонемы звуком, близким к [j], не только в начале фонетического слова перед гласным: *ераси^Мко* nom. sg. 116 об.; – но и в середине в интервокальной позиции: *княинино* nom. sg. 119 об.; *княини* gen. sg. 170; *княине* dat. sg. 166, 166 об. х 2, 167; *кня^Ине* dat. sg. 773, 776.

Один пример представляется несколько спорным: *георевьской* ном. sg. 892 об. В данном случае писец, вероятно, мог элементарно пропустить целый слог.

В монографии Е.А. Галинской [Галинская 2002] обе лексемы – *Герасим* и *княгиня* – оговариваются особо. Об имени *Герасим* говорится, что еще А. А. Шахматов предполагал, что звучало оно в древнерусском как [jeras'имъ], причем [j] в начале его мог отражаться и йотированной гласной и буквой г [Шахматов 1915: 177]. Источником здесь является среднегреческий, где переход *γ* в *j* был нередким (отражается это в новогреческом языке, в котором перед [i] и [e] реализацией старого *γ* всегда является именно [j]) [Соболевский 1883: 24–25]. Пример подобного произношения имеется также в словаре-разговорнике Тённиса Фенне, составленном в 1607 г. и отражающем псковскую речь начала XVII в.. Форма *Ераси^н* транслитерируется там как *Ierasin*, что позволяет сделать вывод о живом произношении именно с йотом [Фенне 1970: 22]. О написании же *княине* (и производных от него) говорится, что подобная огласовка отражена во многих древнерусских памятниках письменности [СлРЯ, 7: 202; Срезневский, 1: 1397], то есть она была нормативной. А.А. Шахматов полагал, что повлияло на ее возникновение южнорусское (генетически) книжное произношение [kn'ajin'a] [Галинская 2002: 32; Шахматов 1941: 91–92].

Таким образом, приведенные выше написания оказываются чрезвычайно мало показательными.

Как и предполагалось, замен г на х (как прямых, так и обратных) оказалось очень мало, есть, однако, и ряд примеров, где буква г вписывается дополнительно там, где ее в обычном случае не было.

Интересными оказываются написания буквы г на месте <j>, причем не только перед [и] (см. последний пример): *егоРги* gen. sg. так в ркп. «георгия» 297; *илги^нско²* gen. sg. п.р. 279; *илги^нскои* ном. sg. 417; *маРги* gen. sg. 200; *маРгина* gen. sg. 202 х3; *носъта^сгино то жс ни ги^х жеребеи* так в ркп. «настасьино то же на их жеребий» 293 об.; *параско^вги* gen. sg. 287; *пол^л трет^тги* 291 об.; *пол^л трет^тги* 292 об.; *с севергановою* instr. sg. 908 об.

В уже упомянутом исследовании [Галинская 2002] имеется целый раздел, посвященный качеству <j> в говорах северо-восточной новгородской периферии конца XVI – первой половины XVII в., не столь удаленных от наших дней, как отражены в отказной книге. В одной из исследованных рукописей были обнаружены орфограммы следующего типа: *гѣха^{ли}*, *гѣхали*, *гѣха^л* и др. подобные. Со ссылкой на [Шахматов 1915: 177] (и приводимые там примеры, среди которых имеются и следующие: *Гюрги*, *генварь*, *гета*) отмечается, что в древнерусских текстах буква г могла обозначать и звук [j], о чем, кроме того, применительно к написаниям *Гюрии*, *Гюрги* (гр. *Γεοργίου*), за которыми стояло произношение [jъjиjъjъ], писала и С.В. Бромлей [Бромлей 1975]. Однако у Тённиса Фенне, в уже упоминавшемся псковском разговорнике 1607 г., встречаются записи *genvar* и *Jurgi* [Галинская 2002: 68, 69; Фенне 1970: 32, 33].

Там же сказано, что Р.И. Аванесов, приводя малограмотные обозначения [j] посредством буквы г (*воробѣги*, *братѣги*, *гих*, *гим*), считал их возможными у носителей южных говоров, где одинаковым фрикативным способом образования характеризуются как фонема <ɣ>, так и <j> [Аванесов 1952]. Упоминаются также и сведения Г.А. Хабургаева, отраженные в [Хабургаев 1967: 169] и состоящие в том, что в некоторых южнорусских памятниках письменности, где есть отражения наличия [ɣ] фрикативного в говоре писцов, имеются также и примеры передачи [j] посредством г [Галинская 2002: 69].

Здесь важно вспомнить, что по говорам в реализациях фонемы <j> возможны и территориальные различия. Они состоят в том, что свойства ее, как фонемы консонантной, в южных говорах выражены ярче, чем в северных и среднерусских, то есть [j] на юге более напряженный, он ближе к шумным согласным [Касаткин 1989: 69]. Кроме того, подобный более шумный [j] мог даже нейтрализоваться с <ɣ> в позициях типа [ноу́а] – [но́ји]. Все это, однако, относится к южным говорам с <ɣ> фрикативным.

Вернемся к монографии Е.А. Галинской. Два предыдущих абзаца, относятся к говорам, где звонкий задненебный согласный не был взрывным. Для костромских примеров, как и для примеров из говоров северо-восточной

новгородской периферии, представленных в исследовании, подобные объяснения не годятся. Важно, однако, что в ряде работ по русской диалектологии имеются указания на то, что [j] мог, по крайней мере в некоторых северновеликорусских говорах, звучать (или даже все еще звучит) как [г]. Приводятся сведения архимандрита Макария, описавшего говор бывшей Ферапонтовской волости Кирилловского уезда Новгородской губернии (*г'ис'и* «ешь» и *пог'идјом* «поедем») [Макарий, Архимандрит 1854: 148]; сведения Д.К. Зеленина о том же самом уезде из его уже упоминавшейся монографии [Зеленин 1913] (примеры: *гили* «ели», *гихъ*, *гима*), данный исследователь, однако, оговаривает, что звук [j] в подобной позиции в рассматриваемых говорах все же более обычен [Там же: 13]; примеры Б.П. Ардентова из диалекта жителей Заонежья (*г'ем* «ем», *г'ихн'и* и др.), здесь, кроме того, особо оговорено, что фонема <г> в рассматриваемом говоре смычная [Ардентов 1955: 81, 82; Галинская 2002: 69].

Однако, пишет Е.А. Галинская, есть основания сомневаться, что звук, который во всех трех исследованиях обозначен буквой г, реально произносился как [г']. Фонетический слух архимандрита Макария мог быть несовершенным, Д.К. Зеленин пользовался чужими записями, в заонежских же говорах (кроме Б.П. Ардентова) никто не отмечал именно [г'] в качестве субститута <j>, здесь, следовательно, возможна и неточность. Оказывается, однако, что именно в онежских говорах диалектологи отмечали так называемый «взрывной йот»: отчетливо произносимый [j], который, однако, близок по качеству к [г']. В материалах же, собранных для ДАРЯ, его обозначали либо как г, либо как jГ' [Бромлей 1975: 90 (сноска)]. В записях С.В. Бромлей (поселок Ладва Прионежского района Карелии, 1967 г.) имеются следующие примеры: *с'ем'j²'и*, *j²'a* «я», *Мáр'j²'у*. На основании же магнитофонных записей, сделанных Л.Н. Булатовой в том же поселке годом ранее, можно прийти к выводу, что «йот взрывной» представляет собой вариант обычного фрикативного йота, употребляющийся факультативно и реже, чем стандартный [j] [Галинская 2002: 69, 70].

Со ссылкой на [Высотский 1969] также отмечается, что подобная реализация представлена по диалектам лишь изредка и местами, в самых различных говорах. Важно, однако, что возможна она в Московской и Вологодской областях [Высотский 1969: 13]. То есть приведенные в самом начале примеры, представленные в исследовании и относящиеся к северо-восточной новгородской периферии, можно объяснить наличием в говоре писцов звука [jɣʲ] [Там же: 70].

«Взрывной» артикуляцией йота можно объяснять также и написание *Глаковъ* (имя *Яков*) в грамоте № 1 из Вологды (начало XIV в.). Издание вологодской грамоты см. в [Гиппиус, Зализняк, Кукушкин 2018].

Таким образом, объяснение для примеров из **Костр.** найдено: в прошлом «взрывной йот», вероятно, присутствовал и на не столь удаленном от центра северо-востоке: в костромских говорах. Поэтому можно сделать следующий вывод: если все перечисленные описания отражают именно «взрывной йот», то буква г, ассоциировалась скорее со взрывным звучанием, чем с фрикативным.

Отметим, что подобной «взрывной» артикуляции йота в диалектных записях обнаружить не удалось.

Были также обнаружены и вполне стандартные написания типа: *генваря* gen. sg. 201, 202, 203 об., 911; *генваря* gen. sg. 43, 105, 155, 205, 345, 407, 808; – они имеются в рукописях всех территорий, поэтому учитываться не будут.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 44] на территории к северо-востоку от Костромы представлена лишь одна модель: [ɣ] в сильной позиции и [к] в слабой. К востоку от Солигалича и Чухломы имеется небольшой ареал, где отмечены единичные реализации в [ɣ] или [h] в сильной позиции.

Оглушение северного [ɣ] в слабой позиции в [к] подтверждается множественными примерами, обнаруженными в диалектных записях: *кодá досук* А-0334, *н'е дадут бóл'ше д'эн'ек* А-0266, и др.

Но имеются в них и уже упомянутые единичные реализации посредством [ɣ] в сильной позиции: *брáт'я боуáтые јес'т'* А-0265, *на эт'и д'эн'у'и* А-0266, *она́ была́ боуáтаја* А-0265, *отүүл'ál свад'бу* А-0265.

Таким образом, хотя в **Костр.** и в диалектных записях и было обнаружено некоторое число примеров, которые могли бы отражать фрикативную реализацию звонкой заднеязычной фонемы, мы, однако, не склонны предполагать, что черта эта была в той же степени характерна для рассматриваемых говоров в рассматриваемый период, в какой она была характерна для южновеликорусских говоров. Проявиться здесь она могла и как элемент церковной орфоэпии, и как нечто, привнесенное выходцами с юга, и как окказиональная в потоке речи, исконной же на данной территории, если исходить из современной диалектной картины, была взрывная (сохранившаяся и до сих пор) реализация [г], при которой возможны и окказиональные фрикативные реализации (см. выше), отражение которых, по всей вероятности, и наблюдается в исследованной отказной книге.

3.2.2. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных

Скажем сразу, что в исследованных текстах не встретилось ни одного написания, которое могло бы позволить предполагать существование прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных в говорах, отразившихся в **Костр.** Однако пройти мимо истории его возникновения, а также мимо представленных в литературе и прочих источниках свидетельств нельзя, поскольку это позволит выявить динамику распространения этого явления в северных говорах.

В монографии Д.К. Зеленина [Зеленин 1913], целиком посвященной рассмотрению этого явления (в основном на территории первичного расселения), костромским говорам посвящен целый раздел [Там же: 514–518].

Для понимания взглядов Д.К. Зеленина на природу прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных (по нему – скорее социальную и этнографическую) следует помнить, что он не считал его племенной чертой, но полагал, что как модная особенность, появившаяся не ранее XV в. где-то в районе Коломны или Рязани, оно, при посредстве Москвы (культурного центра, который рано его воспринял), быстро распространилось на юг и на север вследствие различных перемещений населения и последующего взаимодействия между

различными его группами, когда, например, в XV–XVII вв. с юга в междуречье Оки и Волги пришли теснимые крымцами и ногайцами носители южновеликорусских говоров, что привело к смешению южных и северных особенностей [Там же: 533].

Для южных говоров ее источником он считает социальную группу военно-служилых людей, которые намеренно подражали говору детей боярских (высшего по сравнению с ними сословия) и заимствовали эту модную черту вместе с московским костюмом. Впоследствии эта социальная группа превратилась в так называемых однодворцев, которые сохраняли как свой говор, так и свой костюм [Там же: 533, 534].

Для севера же важной оказалась ростово-суздальская колонизация территорий вдоль реки Сухоны, распространившаяся потом на Вятку, а также последующие перемещения масс людей на Урал в связи с развитием промышленности, бегство старообрядцев на периферию, бурлачество на Волге [Там же: 534]. Все это, однако, кроме колонизации, представляет собой явления позднейшие, которые не могли повлиять на говоры, отраженные в исследованной отказной книге, но данные эти окажутся полезны для понимания ситуации в современных говорах на рассматриваемой территории. Здесь же следует вспомнить, что некоторые черты, как, например, изменение [вн] → [мн], были, скорее всего, привнесены в результате процессов междиалектного взаимодействия с ростово-суздальскими говорами.

Описывая костромские говоры (Костромского, Кинешемского, Буйского, Галичского, Солигаличского и прочих уездов) Д.К. Зеленин отмечает, что западная граница Костромской губернии является (для XIX – начала XX вв., эти временные рамки распространяются на все приводимые Д.К. Зелениным диалектные данные) восточной границей рассматриваемого явления, которое наблюдается здесь лишь по берегам Волги. Встречается оно также и на восточных окраинах, где, однако, связано с переселенцами с Вятки, которые, как утверждает исследователь, направлялись в восточные костромские леса весь девятнадцатый век. Даже в самом Костромском уезде черта эта не всеобщая, что позволяет Д.К.

Зеленину заключить, что явление это новое и наносное. Для Костромского уезда отмечаются примеры после парных по твердости-мягкости согласных (*булькать, серъгю*), а также примеры с переходом в [j] (*Олья*), после <ч> же смягчение не отмечено. Д.К. Зеленин полагает, что прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных продвигалось вдоль Волги и потом проникло в Нерехтский уезд, где, однако отмечены лишь примеры *толькё* и *сколькё*. Дальше на восток движение, видимо, не пошло. Зафиксировано это явление и в Кинешемском уезде в деревне Борок на реке Корбе (примеры после парных по твердости-мягкости согласных), но, скорее всего, проникало оно сюда с севера, из Галича. В Буйском уезде, хоть и не во всем, прогрессивное ассимилятивное смягчение было распространено широко, для средней части уезда, по реке Писме, даются примеры как после парных согласных (*зерьяло, дерьгать*), так и после <ч> (*дочкю*). По Галичскому уезду, достаточными сведениями о котором Д.К. Зеленин не располагает, должна была, как полагал исследователь, проходить восточная граница рассматриваемого явления, ведь в Чухломском уезде его уже нет [Там же: 514–516], что достаточно интересно, ведь если черта эта генетически южная, то можно было бы ожидать ее проявления в районе чухломского акающего острова. Для Солигаличского уезда Д.К. Зеленин также предполагает неоднозначную картину: скорее всего, здесь проходила восточная граница рассматриваемого явления ранее в XIX в., также оно могло проникать сюда и с севера. Во всех прочих же восточных уездах Костромской губернии прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных не представлено вообще, о чем у исследователя имеется целый ряд свидетельств [Там же: 516–518].

Главными факторами развития явления в костромских говорах Д.К. Зеленин считает, во-первых, движение по Волге, связанное с промышленностью; во-вторых, соседство с губерниями Ярославской и Вологодской, где данное явление обычно; в-третьих, ростово-суздальскую колонизацию; в-четвертых, перевод помещиками крестьян из центральных губерний (однако на территории чухломского акающего острова, как уже говорилось выше, данное явление в XIX

в. представлено не было); в-пятых, роль отхожих промыслов; и, наконец, в-шестых, переселение вятчан на восток губернии [Там же: 518].

Все это, очевидно, должно свидетельствовать о хоть и не регулярном, но достаточно широком распространении рассматриваемой диалектной черты в говорах костромского уезда около века назад.

Попутно отметим, что в уже неоднократно упоминавшемся исследовании Л.Ф. Копосова [Копосов 2000] никаких данных о широте отражения рассматриваемого явления в деловой севернорусской письменности в целом не обнаруживается.

Однако вывод о его позднем появлении на севере, по крайней мере в костромских говорах, можно сделать, если вспомнить, что Д.К. Зеленин писал о пришедшем сюда с севера [ў]. Широкую полосу данного явления пересекает незначительный ареал, где представлено прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных. Если бы данная особенность существовала здесь в те времена, когда [ў] продвигалось на юг, то, скорее всего, одно явление оказалось бы захвачено другим, и картина была бы иной, площадь его распространения была бы значительно более обширной, схожей по размерам с ареалами, где представлено [ў] [Зеленин 1913: 517].

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 66] в современных говорах к северо-востоку от Костромы можно выделить две подгруппы, раздел между которыми проходит с северо-запада на юго-восток между Костромой и Галичем: в первой (вокруг треугольника с вершинами Солигалич – Галич – Кологрив) прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных отсутствует, лишь к востоку от Чухломы и Галича есть два небольших островка, где в единичных случаях зафиксировано [к'] после парных мягких, именно на этой территории находится чухломский акающий остров; в другой же явление присутствует, причем в различных проявлениях, так, на большинстве территорий к северо-востоку от Костромы до уже упомянутой выше границы [к'] представлено после парных мягких согласных, в районе самой Костромы, а также западнее Галича, где второй ареал вторгается в первый своеобразным протуберанцем, достигающим до

Галичского озера, также имеется и прогрессивное смягчение после звуков на месте <ч>, а, кроме того, и после [j], однако все три реализации рассматриваемого явления одновременно присутствуют лишь на небольшом островке к западу от Галича. По сравнению с ситуацией, описанной в монографии Д.К. Зеленина, можно наблюдать бóльшую последовательность в проявлении явления при том, что границы его остались прежними.

Примеры прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных встретились лишь в одной записи из деревни Большое Тимошино Макарьевского района (А-0332, в позиции после парных по твердости-мягкости согласных и после [ч']): *во фс'áку да пóру вр'ém'еч'к'о, загород'ú ко да пúт' дорóжен'к'ю, скóл'к'е јес't' дарóф, у м'ен'á скóл'к'е д'ет'éј, , ја н'е в'ёрнаја служáноч'к'а,* – что подтверждает его редкость в рассматриваемых говорах.

Остается лишь признать, что в говоре, отраженном в исследованных текстах, рассматриваемая диалектная особенность вряд ли уже присутствовала. По всей видимости, активно она стала развиваться позднее, причем можно предположить, что даже в XX в. явление обладало какой-то положительной динамикой, о которой можно судить, сравнив данные Д.К. Зеленина [Зеленин 1913] и ДАРЯ [ДАРЯ 1: 66].

3.3. Качество <ш> и <ж>

После отвердения <ш> и <ж>, которое, как известно, произошло хотя и не повсеместно, но достаточно рано (примеры обнаруживаются в текстах с XIV в.), в деловой письменности распространились написания **жы** и **шы**, прямо отражающие новую особенность. Старые сочетания **жи** и **ши** не исчезли, но продолжали употребляться по традиции.

С.И. Котков утверждает, что в южновеликорусской деловой письменности конца XVI–XVII вв. присутствуют немногочисленные отражения мягкости <ш> и <ж>. Написаниями, отражающими данное явление и имеющими фонетическое значение, он считает сочетания **жя**, **жю**, **шя**, **шю**. За написаниями **жа**, **жу**, **ша**, **шу** он не признает фонетической значимости, так как они использовались и в ту эпоху, когда мягкость шипящих была сплошной. В итоге он приходит к выводу,

что южновеликорусская письменность той эпохи представляет картину реликтовой мягкости шипящих в говорах, отраженных в ней, так как наряду с написаниями нейтральными, не способными свидетельствовать о твердости-мягкости рассматриваемых шипящих, а также написаниями, отражающими их мягкость (типа **жя**, см. выше), обнаруживаются также и написания, неоспоримо свидетельствующие об их твердом характере, а именно **жы** и **шы**. Написания с буквами **ъ** и **ь** С.И. Котков не рассматривает, полагая, что если речь идет о скорописи XVI–XVII вв., то любой графический вариант буквы обычно употребляется в значении как **ъ**, так и **ь** [Котков 1963: 105–107].

Г.А. Хабургаев, отчасти полемизируя с С.И. Котковым, при рассмотрении данного явления приписывает фонетическую значимость лишь написаниям, которые могли появиться только в результате отвердения <ж> и <ш> (**жы** и **шы**), тогда как написания типа **жя**, **жю**, **шя**, **шю** считает традиционными и, таким образом, мало о чем свидетельствующими, что приводит его к выводу о сплошном отвердении шипящих в обследованных им говорах к XVII в. [Хабургаев 1967: 175].

Однако точка зрения С.И. Коткова представляется более приемлемой, и поскольку, как было отмечено выше, буквы **ъ** и **ь** в скорописи рассматриваемого периода не могут предоставить надежной информации о качестве предшествующего согласного, рассмотрены будут лишь написания либо отражающие реликтовую мягкость (**шю**, **шя**, **жю** и **жя**), либо же написания безоговорочно свидетельствующие об отвердении (**шы** и **жы**). Обратимся к примерам, обнаруженным в исследованной рукописи.

Отдельно отметим, что Л.Ф. Копосов, исследовавший северновеликорусскую деловую письменность, также считает написания **шю**, **шя** и **жю** отражающими реликтовую мягкость, но при этом замечает, что в современных говорах великорусского севера мягкие шипящие встречаются чрезвычайно редко [Копосов 2000: 114, 115].

Написание, свидетельствующее о твердом [ж], встретилось лишь одно: *приложь*¹ п.р. 213.

Написания, указывающие на мягкий звук [ж']: *жжюребем*⁸² instr. sg. 598; *жюков*⁶ nom. sg. 138; *жюкь* nom. sg. 144 об.; *жюлебина* gen. sg. 308 об.; *жябина* gen. sg. 305 об., 306.

Написания, отражающие твердый [ш]: *кашыны^х* gen. pl. 75 об.; *па^трея^ршы* gen. sg. 121 x2; *пустошы* gen. sg. 344.

Написания, свидетельствующие о наличии мягкого [ш']⁸³: *мишю^тнино* nom. sg. 641 об.; *ошянина* gen. sg. 305 об.; *ошянину* dat. sg. 306, 307 об.; *пустошя^х* loc. pl. 266, 454; *шювалова* gen. sg. 723; *шю^лгино* nom. sg. 148 об.; *шюми^лко* nom. sg. 135 об. – 136; *шюрина* gen. sg. 282 об., 283 об.; *шюхомаскою* loc. sg. п.р. 107 об.; *шюхомъшьскою* loc. sg. 151 об.; *шя^лков'ке* loc. sg. 165; *шяче*⁸⁴ dat. sg. 452 об.; *шяче* loc. sg. 453 об., 454 об.; *шячи* gen. sg. 455; *шячъ* loc. sg. 265 об.; *шябиново*⁸⁵ nom. sg. 265 об.

Есть и случаи мены **ш** и **щ**, но они будут приведены в разделе 3.4.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 63] в настоящее время в районе Костромы мягкие (полумягкие) реализации рассматриваемых шипящих представлены пятью небольшими островам: севернее Костромы, юго-западнее Галича (самый маленький ареал), западнее и южнее Галича (оба размером с костромской), еще два рядом с Солигаличем. Число примеров редко где превышает десять, местами же мягкие (полумягкие) шипящие звуки [ш'], [ж], [ш'^с], [з'] представлены преимущественно перед парными мягкими согласными и [j] или перед гласными переднего ряда.

В диалектных записях стандартны твердые реализации кратких шипящих (глухого и звонкого), но в южных говорах рассматриваемого ареала (Костромской

⁸² В данном случае нужно предполагать лабиализацию и повышение подъема безударного гласного, что, однако, не мешает усматривать здесь отражение мягкости предшествующего звонкого шипящего.

⁸³ Некоторые из них особенно показательны, так как, не имея традиционного орфографического облика, записывались определенно со слуха.

⁸⁴ Гидроним, ср. *шаче* loc. sg. 41 об.

⁸⁵ Топоним, название пустоши.

район) обнаруживаются также и редкие мягкие шипящие (в одном случае – со свистящим призвуком): *кúп'иш'с'* ЭБРНГ-392, *пáпáш'ь* nom. sg. ЭБРНГ-001.

Таким образом, отверждение шипящих в костромских говорах начала XVII в. было очень непоследовательным (примеры с сочетаниями **шы** и **жы** крайне немногочисленны), но уже несомненно началось. Причем глухой коррелят, если судить по несколько большему числу примеров, отражающих его твердость, отвердевал, по всей видимости, быстрее.

О том, что в некоторых рукописях при отражении отверждения [ж'] сохранение мягкости [ш'] прослеживается до XVII в., пишет в своей «Истории русского языка» В.В. Колесов [Колесов 2005: 155]. Краткие шипящие в говорах, таким образом, действительно могли отвердевать с разной скоростью.

3.4. Долгие (сложные) шипящие согласные

Р.И. Аванесов пишет, что реализации долгих (сложных) шипящих по говорам могут быть весьма разнообразны и являются следствием различных процессов (или стадий одного процесса), которому подверглись единые исходные сочетания звуков [Аванесов 1949: 127].

За исходные он признает звуковые комплексы [ш'т'ш'] и [ж'д'ж'], то есть мягкие сочетания с аффрикатой во второй части, которые и сейчас представлены в ряде говоров. В результате ослабления и последующей утраты смычки появляются звуки [ш'ш'] и [ж'ж'], которые имеют тенденцию к отверждению и последующему превращению в комплексы типа [шш] и [жж]. Это направление изменения рассматриваемых сочетаний звуков Р.И. Аванесов называет основным, оно широко представлено в русских говорах [Там же: 127].

Есть также и два побочных направления: во-первых, в исходном звуковом комплексе может ослабляться конечный фрикативный элемент (в ряде говоров он может и вовсе исчезнуть) и возникают сочетания типа [ш'т'] и [ж'д'], свойственные, к примеру, некоторым говорам Вологодской области; во-вторых, исходные сочетания могут отвердевать и тогда появляются звуковые комплексы типа [шч] и [ждж], такая реализация свойственна, например, белорусскому языку,

некоторым русским говорам, граничащим с ним, а также олонецким и вологодским говорам [Там же: 126–127].

В литературе, что касается отражения данных шипящих согласных звуков (глухого и звонкого) в деловых памятниках XVII в., а также качества самих этих звуков в говорах, нашедших отражение в документах, имеются следующие сведения.

Л.Ф. Копосов отмечает большое количество различных написаний, обозначающих данные звуковые комплексы в деловой севернорусской письменности. Для звонкого долгого шипящего: **ж**, **жж**, **жьж**, и **зж**, – для его глухого коррелята: **ш**, **щ**, **жщ**, **зщ**, **сч**, **сщ**, **шш** и **сш**. Исследователь ссылается на упомянутую выше работу Р.И. Аванесова [Аванесов 1949], а также на коллективную монографию [Образование... 1970], и утверждает, что в русских говорах данные звуковые комплексы имеют тенденцию к отвердению, и именно в севернорусском наречии данная тенденция реализуется широко [Копосов 2000: 115–117].

И действительно: на карте ДАРЯ, посвященной глухому корреляту [ДАРЯ 1: 48], диагональная штриховка (соответствует [шш] и [шч]) покрывает почти всю территорию северного наречия и редко сосуществует с горизонтальной (соответствует [ш'ч'] и [шч']) или сплошным зеленым цветом (соответствует [ш'ш']), схожим образом дело обстоит и со звонким коррелятом [ДАРЯ 1: 52].

С.И. Котков пишет, что в условиях графической дифференциации букв **ш** и **щ** отдельные случаи написания **шш** на месте **щ** могут указывать на т.н. долгий звук [шш] [Котков 1963: 107].

Он приводит случаи написания **шшш** на месте **щ** в рязанских текстах XVII в. (деревня *Городишша*) или написания **жж** с последующим **ы** в них же на месте долгого звонкого шипящего согласного (*вожжы*), подкрепляя подобные написания данными об орловских говорах середины XIX в. Все это указывает на долгий твердый характер рассматриваемых глухого и звонкого шипящих согласных [Там же: 107–108].

Г.А. Хабургаев, как и в случае с <ш> и <ж>, считает, что для обоснования отвердения глухого долгого шипящего согласного наличие написаний типа с *товарыщи*, а также смешения букв **ш** (ведь, как было уже отмечено выше, он считает, что процесс отвердения для согласного звука, обозначаемого этой буквой, уже завершился) и **щ**, является достаточным [Хабургаев 1967: 176].

О долгом звонком шипящем он пишет, что южновеликорусская письменность не содержит указаний на его отвердение (т.е. написания с **ь** отсутствуют) и даже изредка предоставляет написания, как будто бы отражающие его мягкость (т.е. написания с буквой **я** имеются) [Там же: 178].

Следует отметить, что все эти показания укладываются в основное направление развития долгих (сложных) шипящих по Р.И. Аванесову.

Обратимся к материалу, представленному в исследованных текстах, и сначала приведем замены, свидетельствующие о характере глухого согласного из рассматриваемой пары.

В первую очередь необходимо выяснить, был ли он долгим или сложным. Приведем примеры, которые могут помочь в разрешении этого вопроса, распределив их по заменам букв. Сразу оговорим, что примеры приводятся лишь из почерков, где начерки **ш** и **щ** дифференцированы, данные же почерков, где обе буквы совпали в одной графеме типа «ш с петлей снизу» (а есть и такие) не учитываются.

Замены **ш** на **щ**: *бо^лщеи* gen. sg. п.р. 890; *наще^с* gen. sg. 69 об.; *непаще^нно^с* gen. sg. 476 об.; *пащено^с* gen. sg. 74 об., 79 об.; *пащни* gen. sg. 441; *петуцкова* nom. sg. 437 об.; *по^лщесты* acc. sg. 806; *пустоца^х* loc. pl. 129, 216, 799 об., 825; *пу^стоца^х* loc. pl. 125 об., 218, 218 об., 219 об., 220 об., 221, 424 об. x2, 742; *ща^дрина* gen. sg. 125 об.; *щарапова* gen. sg. 433 об.; *щаран[о]^м* instr. sg. 459 об.; *щачаба^лскои⁸⁶* acc. sg. 127; *щачаба^лскои^м* loc. sg. 431 об.; *щачабо^лско^м* loc. sg. 127

⁸⁶ Встретились также и следующие написания: *шачеба^лскои* acc. sg. 487, 487 об.; *шачеба^лско^м* loc. sg. 491, 618 об., 621 об., 622 об., 625, 925 об.; *шачебо^лско^м* loc. sg. 871, 874, 874 об., 875 об., 876, 877, 877 об.; *шачебо^лскои^м*

об.; *шестьдесять*^т ном. sg. 398, 471, 806; *шестьнацать*^т асс. sg. 786 об.; *шестьнацет*^т ном. sg. 396; *шибаев* ном. sg. 473 об.; *штысом*^т gen. sg. 869; *шумилка* ном. sg. 217; *шурино*^м instr. sg. 896; и др.

Встретилось также и два примера написания одного гидронима (река Шорна), где буква **щ** употреблена на месте **ш**: *по рѣчѣ по шорнѣ* 933 об.; *на рѣчѣ на шорнѣ* 933 об.

Обратные замены **щ** на **ш**: *боршина*⁸⁷ gen. sg. 659; *боршинъ стач* ном. sg. 714 об.; *борщины*^м ... *борщовке* 908 об.; *борщовке* loc. sg. 895 об.; *дрвня шолково*⁸⁸ ном. sg. 650 об.; *помѣшиково* ном. sg. 940 об.; *помѣшиковы* gen. sg. 941 об.; *прозвие* ном. sg. 831; *розделшик* ном. sg. п.р. 896 – 898, п.р. 908; *розделъшик* ном. sg. п.р. 919 – 920; *сели*^ш gen. pl. 801, 909 об.; *шепину* dat. sg. 124 об.; и др.

Подобные замены предельно ясно показывают, что глухой коррелирует в рассматриваемых говорах был именно долгими (или даже приближался по длительности к краткому глухому шипящему), а не сложным. Перед нами картина смещения букв **ш** и **щ**, что должно свидетельствовать о большом сходстве в произношении звуков, обозначаемых этими двумя буквами.

Сразу приведем замены, максимально близкие к вышеперечисленным.

Замены **щ** на **шш**: *помѣшшиковы* gen. sg. 755 об.

Замены **щ** на **шщ**: *колодишше* ном. sg. 423; *нашщеннаго* gen. sg. 805; *прикашшик* ном. sg. 429, 768 об.; *прикашшикъ* ном. sg. 865 об.; *пустошши*^ш асс.

асс. sg. 198, – показателен уже сам факт вариативности. За исходную принимается фонема <ш>, т. к. в данном топониме можно увидеть связь с рекой *шачей*, в названии которой, однако, подобная вариативность отсутствует.

⁸⁷ Ср. следующие написания: *борщина* gen. sg. 909 об.; *борщине* loc. sg. 902; *борщино* ном. sg. 894 об., 901 об.; *села борщина* gen. sg. п.р. 658; *борщины*^м instr. sg. 895 об.; *борщовке* loc. sg. 894 об., 895 об.

⁸⁸ Ср. следующее написание: *пу шолковое* ном. sg. 934, – а также два схожих примера из списка замен **ш** на **сш**: *шелкаво* ном. sg. 112, 179; *шелке*⁸⁸ loc. sg. 179. К этому примечанию (в данном разделе последнему из тех, что касаются топонимов с варьированием) добавим также следующие два примера: *патреаршецкая* ном. sg. 658; (?) *щино а елюшино то же* ном. sg. 866 об., – хотя текст здесь и испорчен, однако сомневаться в варьировании рассматриваемых согласных не приходится.

pl. 782 об.; *рошци* gen. sg. 467, 472; *усадишци* dat. sg. 100, 804 x2, 804 об.; *усадишце* acc. sg. 806; *хмелишцава* nom. sg. 470 об.

Замены **щ** на **шш**: *пацшегнага* gen. sg. 805.

Таким образом, некоторые писцы все еще ощущали и отражали на письме разницу в длительности (но не в качестве) двух звуков.

Выше уже было приведено некоторое количество примеров с долгим глухим шипящим нового образования на стыке морфем (*откашик* nom. sg. п.р. 290 ; *прикашцик* nom. sg. 429, 768 об.; *прикашцикъ* nom. sg. 865 об.), приведем и такие из них, в которых писец восстанавливает букву, идентифицирующую корень, однако пишет и фонетически обусловленную букву **ш**: *откашцикъ* nom. sg. п.р. 823; *прикашцик* nom. sg. 20 об., 34, 37, 52, 58, п.р. 65, 132, 194, 242, п.р. 301, п.р. 332, 404, 416, 427, 442, 445 об., 451, 452 об., 583, 610, п.р. 683, 706, 709 x2, 754, 787, 828 об., 911 об.; *прикашцик* nom. sg. 708 об.; *прикашцики* instr. pl. 106; *прикашциков* gen. pl. 808 об.; *прикашциком* instr. sg. 27, 65 об., 708 об.; *прикашцикъ* nom. sg. 202 об., 815; *прикашцикъ* nom. sg. 78.

О том, что подобное «восстановление» проводилось писцом далеко не всегда, свидетельствуют следующие примеры: *откашцикъ* nom. sg. п.р. 203; *прикаш* nom. sg. так в ркп. «приказчик» 675; *прикашцик* nom. sg. 32, 126 об., 395, 407 об., 422, 433 об., 451 об., 456, 460 об., 467, 591 об., 615, 639, 674, 682, 694, 699, 699 об., 700 об., 706, п.р. 709, 727, 729, п.р. 739; *прикашциком* instr. sg. 744; *прикашцикомъ* instr. sg. 32 об.; *прикашцикъ* nom. sg. 115, 117 об. x2, 655, 746, 884; *прикашцикъ* nom. sg. 299; *прикашцик* nom. sg. так в ркп. «приказчик» 400; *пришцик* nom. sg. так в ркп. «приказчик» 590.

Изредка, впрочем, существительные с суффиксом **-чик** встречаются и в «этимологических» написаниях: *откашцик* nom. sg. 712.

В связи с этим необходимо упомянуть и несколько других примеров, где писец гиперкорректно восстанавливает букву, этимологически ничем не

обусловленную: *ро^сще* loc. sg. 70; *ро^сщи* gen. sg. 70, 881; *ро^сщище* gen. sg., так в ркп. 70; *уадици⁸⁹* e acc. sg. 307.

Таким образом, буква **с** здесь, очевидно, не обладает никаким фонетическим значением.

Приведем также и остальные написания, где представлены буквы свистящих.

Замены **щ** на **сш**: *помесишиков* nom. sg. 177 об.; *помесишкова* gen. sg. 110 об.; *помесишиковъ* nom. sg. 306 об.; *прикасшикъ* nom. sg. п.р. 107 об.; *ше^лкалово* nom. sg. 112, 179; *ше^лкове* loc. sg. 179; *шешину* dat. sg. 177 об., 179 об.; *уадицише* loc. sg. 177 об.

Замена **щ** на **зш**: *прика^зши^к*⁹⁰ nom. sg. п.р. 756.

Были обнаружены также и условно «обратные» замены **зш/сш/щ** на **ш**: *пркаши^к*⁹¹ nom. sg. так в ркп. «приказчик» п.р. 729.

Поскольку, как уже было сказано, восстановленные буквы свистящих, идентифицирующие корень, (типа *о^тка^зщикъ* nom. sg. п.р. 823) не всегда – а скорее всего никогда и не – обладали фонетическим значением, то и все приведенные выше примеры замен с участием букв свистящих (как прямые, так и обратные) можно также отнести к свидетельствующим о сближении звуков, стоявших за **ш** и **щ**.

Встретилось крайне малое число замен буквы **щ** на двухбуквенные сочетания, которые можно трактовать, как отражение сложного глухого шипящего.

Замены **щ** на **шч**: *ро^шчи* gen. sg. 291 об.

Замены **щ** на **щч**: *ро^шчи* nom. pl. 292 об.

Звуковой комплекс [ш'ч'], появившийся в результате ассимиляции, можно предполагать и за следующим написанием: *ше^твертию* instr. sg. 100 об. Здесь,

⁸⁹ Исправлено из **ш**.

⁹⁰ И здесь можно говорить о восстановлении буквы, идентифицирующей корень.

⁹¹ В данном примере восстановления буквы, идентифицирующей корень, нет.

однако, могло пройти и последующее упрощение ([сч'] → [ш'ч'] → [ш'ш']), о чем знать наверняка нельзя.

Отдельно выделим следующий пример, за которым, по всей видимости, стоит комплекс звуков [ш'т']: *шци* dat. sg., так в ркп. «шести» 98 об.; – вряд ли здесь можно предполагать упрощение [ш'т'] → [ш'ш'].

Хотя подобных примеров не так уж и много, но важно, что в рассматриваемых говорах сложные реализации глухого шипящего присутствовали. Кроме того, первый пример (*рошци* gen. sg. 291 об.) демонстрирует мену в паре **ш** – **щ**.

Большинство же замен, повторимся, свидетельствует именно о долгом, а не сложном произношении рассматриваемого звука (возможно даже приближающемся к нормальному краткому).

Теперь необходимо выяснить, был ли рассматриваемый звук (в большинстве случаев долгий, однако с окказиональными сложными реализациями) в говорах, отраженных в **Костр.**, мягким или твердым.

Написаний, свидетельствующих о мягкости рассматриваемого согласного, найдено не было.

Написания, свидетельствующие о твердости рассматриваемого согласного: *нищы^х* gen. pl. 135; *помъщыко^в* nom. sg. 323 об.; *прика^зщык^к* nom. sg. 267 х3, 267 об., 321 х2; *прика^зщыки* instr. pl. 325; *рощы* gen. sg. 322, 324.

Мы не располагаем большим количеством написаний, которые могли бы свидетельствовать о характере звонкого долгого (сложного) шипящего согласного в говорах, отраженных в исследованных памятниках.

О долгом характере рассматриваемого согласного могут свидетельствовать следующие замены. Сразу оговорим, что большинство примеров здесь представляют собой результат упрощения различных сочетаний согласных типа [зж] → [жж].

Написания с **ж** на месте традиционного **зж**: *доежа^л* 73; *доъжа^л* 710 об.; *недоъжая* 639 х2; *порожи^х* gen. pl. 708 об.; *приежа^л* 431, 432; *приъжа^л* 596, 655.

Написания с **жж** на месте на месте традиционного **зж**: *дое^{жж}жа^л* 719 об.; *жжере^бе^м* instr. sg. 596, 598 x2, 601, 602; *ж жере^бь^ем* instr. sg. 594; *ж жере^бями* instr. pl. 599 об.

Встретилась также и одно гиперкорректное⁹² «восстановление» **зж** на месте долгого звонкого шипящего: *поро^зжи^х* gen. pl. 592.

Подкрепляет приведенные выше примеры также и одна гиперкорректная замена **ж** на **зж**: *рубе^зже* loc. sg. 297.

Отдельно отметим пример, в котором помимо непозиционной мены по глухости-звонкости можно усматривать также и свидетельство сходства по длительности и степени смягченности (отвердения?), сохранявшегося между двумя коррелятами, несмотря на различия, связанные с участием также и голоса (или исключительно шума): *на^жжция* gen. sg. так в ркп. «наезжей» 860 об.

Написаний, которые могли бы свидетельствовать о твердости или мягкости долгого звонкого шипящего согласного, обнаружено не было. В том, что он был именно долгим, сомнений быть не может: примеров, отражающих сложную реализацию, обнаружить не удалось, что хорошо согласуется с общей закономерностью развития рассматриваемых звуков, которая состоит в том, что глухой коррелят никогда не опережает звонкий.

Отметим, что рассмотренная ситуация вполне совпадает с обнаруженной Г.А. Хабургаевым в южных говорах: оба звука очевидно долгие, а не сложные, для глухого коррелята имеются примеры, свидетельствующие о его отвердении, для звонкого же подобных примеров обнаружить не удалось. Г.А. Хабургаев, как уже было сказано выше, склонялся в подобном случае (разница лишь в том, что написаний с буквой **я** обнаружить не удалось) к признанию реликтовой мягкости звонкого коррелята.

Распределение замен позволяет с уверенностью утверждать, что звук, стоявший за буквой **ш**, был гораздо ближе к глухому долгому шипящему

⁹² Поскольку маловероятно, что писец мог осознавать и восстанавливать отмечаемую в [Фасмер 1971] связь с др.-р. *породънь* или генетически южным *праздънь*.

(который, как уже было сказано, мог стремиться к краткости), чем звук, стоявший за буквой **ж**, к звонкому долгому шипящему.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 48] район к северо-востоку от Костромы представляет из себя достаточно пеструю картину, но основные тенденции таковы: к северо-востоку от Ярославля и Владимира, начиная уже от Иваново, заметно увеличивается количество территорий, где представлена реализация [шш], примерно на равных с ней соседствует реализация [ш'ш'], более характерная для территорий в районе Нижнего Новгорода, Углича, Вологды, за этими двумя вариантами следует реализация [шч], представленная небольшими разрозненными ареалами в районе самой Костромы, а также на северо-востоке в районе Солигалича.

В диалектных записях встречаются следующие варианты глухого коррелята.

[шш] \ [ш] (как в северном, так и в южном ареале): *ешишó* х2 А-0260, *ошишъ* *в'эчър* ЭБРНГ-392, *п'ишишы* ЭБРНГ-434, *фс'о сташиъл'и* А-0333, и др.

[ш'ш'] \ [ш'] (как в северном, так и в южном ареале): *б'удуш'и'ьj* ном. sg. ЭБРНГ-090, *еш'ó на уч'áск'и розд'эл'ено* А-0266, *п'п'ал'иш'и'ь* ном. sg. ЭБРНГ-434, и др.

[шч] (редко в южном ареале): *б'удушчыи* ном. pl. ЭБРНГ-369, *т'ошч* ЭБРНГ 1, ЭБРНГ-092, и др.

[ш'ч'] (в южном ареале): *п'иш'ч'и'и* ЭБРНГ-001, *п'иш'ч'и* ЭБРНГ-001, *п'ьп'ел'иш'ч'ь* ном. sg. ЭБРНГ-092, *ш'ч'и* ЭБРНГ-001, *ч'áш'ч'и* ЭБРНГ-084, и др.

О качестве долгого звонкого шипящего согласного по данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 52] можно сказать следующее: картина не сильно отличается от описанной выше для долгого глухого шипящего. Преобладает также реализация [жж], однако вкраплений [ж'ж'] здесь на порядок меньше, в районе Солигалича и Чухломы есть достаточно обширный ареал, где присутствует реализация [ждж], однако он разрежен другими незначительными вкраплениями и не представляет собой цельного острова.

В диалектных записях встречается лишь один (долгий и твердый) вариант звонкого коррелята: *вóзл'е гóст'а пр'ијéжжева А-0332, поeжжáн'е х2 А-0265, сьјажжáјуц'и'ь ЭБРНГ-392, и др.*

По данным коллективной монографии [Образование... 1970: 302, 303, 306] характерной особенностью консонантизма говоров Костромской группы является произношение именно долгих шипящих фонем, обе они существуют в двух разновидностях: мягкой (более распространенной на западе ареала, в ярославских говорах) и твердой. Следовательно, имеются следующие варианты: [жж] и [ж'ж'], [шш] и [ш'ш']. Сложные же реализации [шт], [шч], [ш'ч'], [ж'д'] и [ждж] присутствуют лишь в восточных и северных говорах группы, более близких к вологодским.

Таким образом, на основании данных исследованных текстов и современных говоров можно заключить, что рассматриваемые глухой и звонкий шипящие согласные в костромских говорах XVII в. были определено долгими, хотя некоторое число сложных реализаций глухого согласного в них присутствовать все же могло. Их доля, судя по отсутствию в рукописи соответствующих примеров, а также по незначительности подобных реализаций на рассматриваемой территории в настоящее время, была, как кажется, крайне мала уже в XVII в.

В исследованной рукописи имеются лишь примеры, указывающие на твердость долгого глухого шипящего согласного. Учитывая мену букв **ш** и **щ** и предположение о реликтовой мягкости <ш>, можно предположить, что долгий глухой шипящий согласный мог быть остаточно мягким, однако его отверждение в XVII в. уже несомненно началось.

Картина, наблюдаемая в современных говорах, свидетельствует о том, что существенных изменений это звено фонетической системы костромских говоров не претерпело: уменьшилась лишь доля мягких долгих реализаций, в то время как окказиональные реализации, засвидетельствованные в памятниках деловой письменности, на рассматриваемой территории продолжают существовать.

То же самое можно сказать и о долгом звонком шипящем согласном, который, отражаясь в исследованной рукописи посредством буквы **ж**, мог быть в костромских говорах XVII в. мягким хотя бы реликтивно. В исследованной рукописи отсутствуют какие-либо прямые указания на его твердость, а потому дальнейшее его отверждение и засвидетельствованное в современных костромских говорах опережение им на этом пути глухого коррелята произошло позднее и является, скорее всего, следствием общей закономерности развития этих двух согласных.

Впрочем, на раннее отверждение долгого звонкого шипящего в рассматриваемых говорах может указывать как раз его отражение в **Костр.** посредством буквы **ж**, за которой, как было выяснено ранее, стоял краткий и отвердевавший (предположительно) быстрее, чем его глухой коррелят, шипящий [ж’].

3.5. Аффрикаты

3.5.1. Качество <ц>

В первую очередь необходимо сказать, что сам вопрос о том, каким образом следует трактовать написания типа **цы** и **ци**, а именно: можно ли предполагать, что за этими написаниями стоит некая фонетическая реальность, или же следует признать их орфографическую условность, – далек от какого-либо однозначного решения.

Л.Ф. Копосов [Копосов 2000] пишет, что отверждение аффрикаты <ц> закономерно привело к появлению соответствующего написания **цы**, но написание это, как подчеркивает исследователь, впоследствии совершенно вытеснило традиционное **ци**, представленное в изученных автором памятниках единичными примерами. Произошло это даже на тех территориях севернорусского наречия, где <ц> до сих пор сохраняет мягкость. О написаниях же с другими буквами сказано лишь, что сочетание **цю** встретилось только один раз [Копосов 2000: 118].

Случаев отражения цоканья также крайне мало: прямых, с меной **ч** и **ц**, лишь три. Однако нашлись косвенные: употребление сочетания **сн**. Стоящее за

ним [сн] развилось после утраты смьчки из [цн], соответствующего сочетаниям [ч'н] и [ш'н] в словах типа *молочный*. Неотражение цоканья в памятниках приказного языка с первой половины XVI в. Л.Ф. Копосов объясняет воздействием московской нормы и общим высоким уровнем грамотности писцов [Там же: 118].

С.И. Котков, рассматривая вопрос о твердости либо мягкости <ц> в южновеликорусских говорах XVI – XVII вв., отмечает, что, во-первых, после **ц** порой употреблялась буква **и** (в собственно русских словах), однако вне сравнения с написаниями **ы** после **ц** подобные случаи можно объяснить и сохранением письменной традиции, а не только фонетически [Котков 1963: 110].

За достоверное отражение мягкости он принимает написание с использованием сочетания **цю** (*по реке по Донцю*), относящееся к Путивлю конца XVI в. К Путивлю же имеют отношение и примеры колебаний в написании **и** либо **ы** после буквы **ц** [Там же: 110].

С.И. Котков также отмечает, что написания **и** в положении после **ц** практически относятся лишь только к концу XVI и первой четверти XVII вв., тогда как написания с **ы** выступают как стандартные в южновеликорусской письменности начиная с восьмидесятых годов XVI в., на всем протяжении XVII столетия и далее [Там же: 110].

Однако С.И. Котков не полностью исключает фонетическую интерпретацию данных фактов. Он отмечает, что отсутствие сочетаний типа **ця** и **ца** можно трактовать как признак того, что <ц> в первую очередь отвердела именно перед гласными непереднего ряда. Объяснение же появления в южновеликорусской письменности рассматриваемого периода сочетаний **ци** и **цю** исключительно орфографическими причинами он считает не вполне удовлетворительным [Там же: 111].

С.И. Котков отмечает, что ориентация на старую орфографию хотя и имела определенное значение, но, однако, не мешала проявлению колоритных локальных особенностей, не свойственных грамотам, которые получали из Москвы. По мнению С.И. Коткова, большая часть писцов была представителями

военно-служилого сословия, а значит, они не могли иметь продолжительного и регулярного опыта общения с книгой, который мог бы способствовать выработке ориентации на канонические образцы. Традицию в то время на южновеликорусской территории могла нести лишь указная государственная письменность из Москвы, она же не предоставляет в достаточном количестве примеров, которые могли бы отражать мягкость <ц>. В Судебнике 1589 г., например, регулярно пишется **цы**, а в районе Москвы твердое <ц> скорее всего произносилось уже в XV в. [Там же: 111–112].

Г.А. Хабургаев же, посредством той же аргументации, что была им использована и при доказательстве отвердения шипящих (см. раздел 3.3., где рассматривается его точка зрения) делает вывод о сплошном отвердении <ц> в курских говорах XVII в., так как написаний с **ця** и **цю** ему не встретилось вовсе (особое внимание он им уделяют потому, что полемизирует с С.И. Котковым, который, как уже отмечалось, значительное место отводит именно данным сочетаниям), а написание **цы** совершенно обычно [Хабургаев 1967: 175].

Теперь обратимся к примерам, обнаруженным в **Костр.**, и посмотрим, какая картина представлена там.

В первую очередь выделим написания с **ы**, возможно, указывающие на твердость <ц>: *а^нцыфоро^в* ном. sg. 331, 331 об., 335 об.; *бгдцы* gen. sg. п.р. 702; *бгр^ды* gen. sg. 892 об.; *б^дцы* gen. sg. п.р. 94, 578, 653, 699, 705 об., 752, 808 об., 814 об., 867, 867 об., п.р. 889, 916 об., 922 об.; *брдцы* gen. sg. 45, п.р. 913; *бр^дцы* gen. sg. 697; *бцы* gen. sg. п.р. 85, 85 об., 161, 834; *во^тчи^нницынь* ном. sg. 661 об.; *голови^вына* gen. sg. 487, 489, 490 об.; *голови^выну* dat. sg. 432 об., 488; *галиви^выны^х* gen. sg. 432; *умежицы* gen. sg. 70; *феклицы* gen. sg. 283, 284; *цырикова* ном. sg. 750 об.; *яи^шни^нцыно* ном. sg. 209–209 об.; и др.

Учитывая замечания С.И. Коткова, приведем и написания, свидетельствующие, возможно, о сохранении мягкости <ц> перед гласным верхнего подъема (либо являющиеся традиционными): *богородици* gen. sg. п.р. 921; *богородици* dat. sg. п.р. 447; *мицино* ном. sg. 944 об.; *овци^н* ном. sg. 379 об.

х2; *овчина* nom. sg. 376 об. х2, 379 х2; *овчину* dat. sg. 384, 384 об.; *овцинымь* instr. sg. 379; *парасковъици* gen. sg. 115 об.; *помъцици*^н nom. sg. 116, 925 об. х2; *скрицици*^н nom. sg. п.р. 742; *скрыцицина* gen. sg. 38, 38 об.; *троици* gen. 101, 102 об.

И.В. Бегунц в диссертации «Фонетический строй белозерско-бежецких говоров первой половины XVII в.» [Бегунц 2006] пишет, ссылаясь на работу [Черных 1953], что написания с сочетанием **цы** стали нормативными именно потому, что чрезвычайно последовательно употреблялись в деловых документах Москвы, относящихся к XVI–XVII вв. И действительно, в самом Уложении 1649 г. нет ни одного примера с написанием **ци**, везде представлено лишь **цы**, что отражает отверждение соответствующей аффрикаты в московском говоре [Там же: 229]. При этом писцы, являвшиеся носителями белозерского говора, где как <ц>, так и <ч> совпадали в [ц’], искусственно (но все же последовательно) воспроизводили приказную норму центра, не находившую себе, однако, никакого фонетического обоснования в их собственном говоре. Впрочем, и старые написания с сочетанием **ци** были также по-своему традиционны, что, таким образом, может говорить о непоказательности как написаний с сочетанием **цы**, так и написаний с сочетанием **ци** [Бегунц 2006: 176–178].

Следует отметить, что не было обнаружено написаний с сочетанием **цю**, что может свидетельствовать либо о недостаточном объеме материала (ср. всего лишь по одному примеру у С.И. Коткова и Л.Ф. Копосова), либо же как раз о нефонетическом характере написаний с сочетаниями **ци**.

Однако было обнаружено несколько написаний с сочетаниями **ця**: *два^тця^т* nom. sg. 475 об.; *дваця^т* nom. sg. 947, 947 об.; 948; *осмнаця^т* nom. sg. 948 об.; *пятнаця^т* nom. sg. 947 об.; *пя^тнаця^т* nom. sg. 478; *се^мна^тця^т* nom. sg. 476 об.; *триця^т* nom. sg. 948, 948 об.; – которые могут поддержать тезис о реликтовых случаях произношения мягкого [ц’] при наличии в костромских говорах XVII в. [ц] твердого.

Однако это не согласуется с тем, что [ц'] сначала отвердевает перед гласными непереднего ряда.

Впрочем, если учитывать точку зрения С.И. Коткова, логично будет заключить, что раз имеются написания, отражающие мягкость <ц> перед гласным непереднего ряда, тем более следует доверять написаниям с **ци**.

Было также обнаружено и несколько написаний, которые являются отражениями новообразованного [ц] на стыке морфем: *име^тца* inf. 764 об., 765 об.; *остане^тца* inf. 462; *останеца* inf. 851 об.; *нове^рстаца* inf. 291 об.; *стави^тца* inf. 361 об., 454, 800; – а также гораздо более многочисленные типа *семна^тца^т* nom. sg. 580, однако они не позволяют судить о твердости либо мягкости данного звука и будут рассмотрены в разделе 3.13.

Наличие в рассматриваемых говорах такого явления, как цоканье, можно предположить, обратив внимание на замены **ц** на **ч** в одном топониме: *десяти^лни^чи*⁹³ gen. sg. так в ркп. «Десятильницы» 79 об., 80 х2, 80 об.; – однако их немногочисленность и наличие лишь в одной лексеме не позволяют сделать каких-либо определенных выводов. Здесь, кроме того, можно предполагать и образование от притяжательного прилагательного типа *десятильничья*, где *ч* закономерно.

На близлежащих территориях распространено именно мягкое цоканье, так что данные написания могут поддерживать либо предположение об употреблении сочетания **цы** в **Костр.** в результате следования московской приказной традиции, либо предположение о самом зачаточном отвердении <ц> в говорах, отраженных в исследованных деловых документах.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 46] в современных говорах к северо-востоку от Костромы в районе Солигалича, Галича и Чухломы на месте <ц> произносится твердый [ц]. В районе Кологрива данная реализация сосуществует с [ц']. В этом же районе отмечено совпадение аффрикат в [ц'] [ДАРЯ 1: 46], которое, однако, на остальной рассматриваемой территории не представлено.

По данным коллективной монографии [Образование... 1970: 302, 303] костромским говорам, как близким к говорам центра, свойственно различие

⁹³ Название пустоши.

аффрикат [ц] и [ч’], аналогичное литературному языку, однако в бассейне реки Унжи отмечается и характерное для вологодских говоров совпадение аффрикат в [ц’], а порой даже и в шепелявом [ц’’]. В говорах по течению Волги отмечаются реализации <ц> как [с], там же, ближе к говорам Владимирско-Поволжской группы, отмечается и произношение [сн] в словах типа *молочный*.

В диалектных записях встретились как примеры с твердым [ц] (большинство: *пиан’ицы* А-0333, *с’ел’цо* ЭБРНГ-392, *цен* gen. pl. ЭБРНГ-001, и др.), так и примеры с мягким [ц’] (редкие: *колód’ец’* ЭБРНГ-392, *к в’ен’ц’у* ЭБРНГ-374, *ов’ец’ д’ержал’и* А-0260, *от’ец’* ЭБРНГ-374, и др.), что свидетельствует о сохранении ситуации, которая восстанавливается для XVII в., и в современных костромских говорах.

Таким образом, можно заключить, что костромские говоры XVII в., скорее всего, характеризовались мягким <ц>, который только начинал отвердевать. Цоканье (отмеченное лишь в периферийных из современных говоров на рассматриваемой территории) если и существовало опять-таки где-то на периферии, то все же никогда не характеризовало основной массив говоров, отраженных в исследованной отказной книге.

Впрочем, отражение его в деловой письменности XVII в., даже если в говорах на рассматриваемой территории оно на тот момент и присутствовало, крайне маловероятно. Е.А. Галинская в статье [Галинская 2014] на примере псковских говоров и псковской деловой письменности показывает, что профессиональные писцы, даже будучи носителями несомненно цокающего говора, при помощи небольшого набора элементарных правил и базовой орфографической выучки могли полностью исключить отражение данного явления на письме [Галинская 2014: 339–341].

3.5.2. Качество <ч>

Здесь, как и в предыдущем разделе, посвященном фонеме <ц>, следует сразу отметить, что различные написания для рассматриваемого период можно трактовать и как отражение различных орфографических установок писцов: **чю** и **чя** могут отражать архаизирующую церковную норму, тогда как **чу** и **ча** являются

стандартными приказными орфограммами. Наиболее показательным здесь является написание **чы**, ведь – в отличие от своего свистящего кореллята – кодификации оно не подверглось, а нейтральной следует признать орфограмму **чи**.

О мягкой шипящей аффрикате Л.Ф. Копосов пишет лишь, что некоторые писцы могли отражать ее мягкость на письме посредством сочетаний **чя** и **чю**, употребляя их вместо обычных написаний **ча** и **чу** [Копосов 2000: 115].

И.В. Бегунц приходит к выводу, что подавляющее большинство написаний в исследованных текстах не позволяет сделать какого-либо заключения о твердости либо мягкости <ц> и <ч> на рассматриваемой территории в рассматриваемый период, так как может быть обусловлено просто ориентацией писцов на московскую норму. Однако мягкое цоканье, подчеркнем это еще раз и здесь, ведь данное явление затрагивает обе аффрикаты, все же спорадически отражается в деловых документах, что позволяет исследователю сделать вывод о его наличии в белозерско-бежецких говорах XVII в., по крайней мере, в северной их части [Бегунц 2006: 179].

С.И. Котков об отражении мягкости <ч> говорит, что выражается оно написанием после буквы **ч** букв **я** или **ю** вместо стандартных в то время в данных сочетаниях букв **а** и **у**. Написаний же типа **чы** С.И. Котков на южновеликорусской территории не обнаруживает. Приводя для примера западнорусские памятники того же периода, где подобные написания имеются, он замечает, что, таким образом, сохранение мягкости <ч> в южновеликорусских говорах XVII в. получает определенное отражение в рассматриваемых текстах [Котков 1963: 109].

Г.А. Хабургаев также пишет, что ему не встретилось примеров, которые могли бы указывать на отверждение <ч> [Хабургаев 1967: 176].

Теперь обратимся к написаниям, представленным в исследованных текстах, и посмотрим, какие следы мягкости или твердости <ч> удастся там обнаружить.

Для начала приведем написания, которые могут свидетельствовать не только об архаизирующей церковной орфографии, но и о том, что звук [ч'] в

говорах, отраженных в **Костр.**, был мягким. Следует также помнить, что некоторая их часть относится к формульным частям отказов, включавшим именование монарха, а, значит, и более последовательно выдерживавшим норму: *андрѣевичя* gen. sg. 614 x2; *чюдотворьца* gen. sg. п.р. 201 об.; *чюлови^н* nom. sg. 162 об.; *чяева* gen. sg. 614; *ыванчюшкове* loc. sg. 759; *ыва^нчюшкове* loc. sg. 760, 760 об. x2; *ыва^нчю^шшкове* loc. sg. 795 об., 799; *ыва^нчю^шковъ* loc. sg. 894 об.; *ыва^нчюш'кове* loc. sg. 161 x2; и др.

Написаний, свидетельствующих об отвердении рассматриваемого звука, обнаружить не удалось.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 45] в современных говорах к северо-востоку от Костромы преобладает произношение [ч']. Впрочем, среди других реализаций следует отметить и довольно распространенную в районе Галича, Солигалича и Чухломы [ц']. Совпадение аффрикат в [ц'] порой сосуществует на одних территориях с упомянутой выше стандартной мягкой шипящей реализацией, однако, как уже было сказано в разделе 3.5.1., хотя в районе Кологрива доля подобных реализаций и растет, а стандартных уменьшается, цоканье вряд ли было характерно для рассматриваемых говоров.

По данным коллективной монографии [Образование... 1970: 302, 303], как уже было сказано в разделе 3.5.1., реализация <ч> в современных говорах на рассматриваемой территории совпадает с литературной. Можно лишь добавить, что около Костромы присутствует также и твердый [ч], а по всей территории рассеяны небольшие ареалы, где произносится мягкий шепелявый [ч''].

В диалектных записях были обнаружены следующие примеры, подтверждающие приведенные выше данные:

[ч'] представлен как на севере (говоры с полным оканьем), так и на юге (говоры с неполным оканьем): *и ср'еч'ацца с нам баран* А-0260, *н'ич'евó* А-0333, *ч'ех* ЭБРНГ 1, *ч'уш* ЭБРНГ 1, и др.

[ч] представлен исключительно на юге: *пл'еч* ЭБРНГ 092, *час* ЭБРНГ 084, *чех* ЭБРНГ 090, *чъчав'ица* ЭБРНГ 369, *чыс'т'и* ЭБРНГ 369, и др.

Мягкое цоканье представлено исключительно в северном ареале: *вóзл'е лáвоц'к'и* А-0332; *два пúда пшеп'иц'и* А-0333; *полот'ен'ец'* А-0332; *тут в'енц'ал'и* А-0333 и др.

Таким образом, рассмотрев данные деловой письменности и современных говоров, можно сделать вывод, что для костромских говоров XVII в., отраженных в **Костр.**, стандартной была реализация фонемы <ч> в виде [ч'].

3.6. Конечные губные согласные

Процесс отвердения конечных мягких губных согласных в истории русского языка является известным и хорошо изученным. Он стал одним из последствий падения редуцированных и в некоторых формах (например, в *instr. masc. / neuter. sg.* склонения существительных или в *instr. / loc. sg.* адъективного и местоименного склонений, а также в формах *praes. 1 sg.* атематических глаголов) прошел последовательно во всех говорах. Отвердение конечных губных также и в остальных позициях осуществилось не во всех, а только в периферийных северо-восточных и западных говорах. [Галинская 2015: 100–101].

Как было уже сказано во введении, а также в разделе 3.3., посвященном качеству <ш> и <ж>, в деловой письменности рассматриваемого периода буквы **ь** и **ѣ** практически взаимозаменяемы. Подобная ситуация была обнаружена и в исследованной отказной книге: практически на каждом листе в любом почерке любая из этих двух букв может быть употреблена в любой позиции, кроме того, существует множество промежуточных вариантов, порой едва различимых. Следовательно, вопрос об отвердении конечных губных придется решать, ограничившись лишь изучением материалов современных костромских говоров.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 70] на месте [м'], [п'] и [б'] в треугольнике с вершинами Кострома – Чухлома – Юрьево практически повсеместно представлены мягкие варианты рассматриваемых звуков. Отвердение конечных [м'], [п'] и [б'] начинается за пределами данного треугольника, ареалов же, где отвердение проходит последовательно, совсем немного: небольшие острова у Костромы, Грязовца, Солигалича, Чухломы, Кологрива, а также неподалеку от

впадения Унжи в Волгу. Следует отметить, что в атласе не показаны ареалы для каждого согласного в отдельности.

В диалектных записях примеров отвердения конечных губных согласных встретилось не так много, причем все они (кроме примера *рун*) отражают отвердение реализаций фонемы <в'>, обладавшей своей спецификой:

[в'] → [в] \ [ў]: *а уд'óm на робóту св'екрóв одна́ с трóйм А-0334, одна́ св'екрóв остáн'оца А-0334, он'ú то́ко кроў бо́льше п'јут А-0333, рун то́ко буты́лка А-0266.*

Таким образом, точно установить, какой была ситуация в в говорах XVII в., нельзя, но ясно, что к XX в. в ряде периферийных костромских говоров рассматриваемое явление фиксируется. Однако данный вопрос связан также и со следующим разделом, в котором удастся прийти к более определенным выводам.

3.7. Непозиционная мена твердых и мягких согласных

В исследованных текстах был обнаружен ряд написаний, в которых можно подозревать указание на непозиционную мему твердых и мягких согласных. Приведем их ниже, распределив по буквам, за которыми стоят соответствующие звуки, а также по направлению, в котором замена происходит.

Сначала приведем замены букв гласных, свидетельствующих о твердости предшествующего согласного, на буквы гласных, свидетельствующие о его мягкости.

Замены **а** на **я**: *александры* gen. sg. 939 об. х2; *во дворях* 724 об.; *во^тчина* nom. sg. 309; *два дворя⁹⁴* 940 об.; *др^в огольвячево а говачево то же* 945 об.; *дя⁹⁵ семена* так в ркп. «да Семена» 284 об.; *игня^тевъ* nom. sg. 943; *игня^тевы^м* instr. sg. 947 об.; *пятелегъа* gen. sg. так в ркп. «Пантелея» 802; *пя^тняце^т* nom. sg. 942 об.; *фря^нцова⁹⁶* gen. sg. 706 х2.

⁹⁴ Здесь можно предполагать и гиперкоррекцию при отвердении [р'], о чем см. далее.

⁹⁵ Исправлено на **а**.

⁹⁶ Возможно, гиперкоррекция при отвердении [р'].

Замены **ы** на **и**: *бобы^л* ном. sg. 796, 796 об. х3, 797 х2; *бобилеи* gen. pl. 896; *отка³ни^м* dat. pl. п.р. 763, п.р. 884; *верьстии* gen. sg., так в ркп. «версты» 948; *пучупирево* ном. sg. 59 об.; *розде^лни^м* dat. pl. п.р. 918; *розьдѣльнимъ* dat. pl. п.р. 611; *салътикова* gen. sg. 433 об.; *сино^м* instr. sg. 832 об., 833 об.; *сины* instr. sg. так в ркп. «сыновьями» 220.

Замена **у** на **ю**: *на григореву⁹⁷* 587.

Следующие написания можно трактовать различно: либо как совмещение правильного написания с отражением диалектной фонетики (первая группа), к чему, как уже отмечалось, писцы прибегают нередко, либо же (вторая группа) как отражение диалектной морфологии прилагательного. Речь идет о свойственных окающим среднерусским говорам окончаниях косвенных падежей множественного числа типа *худых*, *худым* [Пожарицкая 2005: 128].

Первая группа. Написания с сочетанием **ьи** не во флексиях прилагательных: *бобы^л* ном. sg. 943, 945 об. х2, 946; *версты^и* gen. sg. 783 х2, 783 об., 784 об., 785 х2, 785 об. х2, 936; *двѣ десятины^и* 792; *мърьи* gen. sg. 787; *николыи* gen. sg. 787 об., 937; *нашны^и⁹⁸* gen. sg. 460 об.; *полосминыи* асс. sg. 783, 936; *по^лторыи версты^и* 782 об., 784; *полуосминыи* gen. sg. 786 об.; *почи^нкыи* instr. pl. 940; *старостыи* gen. sg. 782.

Вторая группа. Написания с сочетанием **ьи** во флексиях прилагательных: *дворовыи^х* gen. pl. 782 об., 783, 784 х2, 784 об., 785, 785 об., 786 х2, 786 об., 933 об. х2, 934, 935 х2, 935 об. х2, 936 х2, 936 об., 937; *измаиловыи^м* instr. sg. 941 об.; *перепелкиныи^м* instr. sg. 941; *по писовыи^м* 936 об., 937; *положныи^х* loc. pl., так в ркп. «порожних» 782 об.; *понятыи^х* loc. pl. 787; *поповыи^х* gen. pl. 940 об.; *порожныи^х* loc. pl. 933 об.; *сеныи^х* loc. pl. 408 об.; *строковыимъ* instr. sg. 941 об.

⁹⁷ Исправлено из **ю**.

⁹⁸ Данный пример показателен вдвойне, так как не сохраняет исконной мягкости основы.

Приведем также и замены букв гласных, свидетельствующих о мягкости предшествующего согласного, на буквы гласных, свидетельствующие о его твердости.

Замены **я** на **а**: *велико² казя* асс. sg., так в ркп. «великого князя» 869; *всакие* ном. pl. 405; *деваносту* dat. sg. 37 об.; *дева^тко* ном. sg. 805 об.; *дере^вна* ном. sg. 804, 804 об.; *дере^вна^м* dat. pl. 851, 855 об.; *др^внами* instr. pl. 495; *зате^м* instr. sg. 663 об.; *зате^м* instr. sg. 258 об.; *за⁹⁹те^м* instr. sg. 258 об.; *кна³* 847, 848, 848 об., 850 об. х3, 851 х2, 851 об. х2, 855 об., 856; *кузаево* ном. sg. 804; *па^т* ном. sg., так в ркп. «пять» 805 х2, 806; *пatina^тцати^и* dat. sg. 456 об.; *па^тлина* gen. sg. так в ркп. «Пятлина» 115 об.; *патницко^и* ном. sg. так в ркп. «Пятницкий» п.р. 470; *пола^м* dat. pl. 848; *понатые* ном. pl. 683 об.; *поняматыми* instr. pl. так в ркп. 99 об.; *пя¹⁰⁰тна^тце^т* ном. sg. 813 об.; *чет^вверта^м* dat. pl. 37 об.

Замены **и** на **ы**: *а^в ны^х* 806; *вороныно* ном. sg. 585 об.; *дальныя* ном. pl. 658; *замыща* асс. pl. 98; *кныхо^м* dat. pl. п.р. 107 об.; *крестья^нскы^х* асс. pl. 824; *пашны* gen. sg. 805 об., 806; *средные* gen. sg. 884 об.; *серед^ные* gen. sg. 885; *туто^шными* instr. pl. 682 об., 782; *тутошны^х* асс. pl. 884; *туто^ш//ны^х* асс. pl. 639.; *туто^шныя* ном. pl. 653.

Замены **ю** на **у**: *дере^вну¹⁰¹* асс. sg. 157 об.; *Князу* dat. sg. 432; *лубли^мко* ном. sg. 805; *луди* ном. pl. 480 об.; *луди^и* ном. pl. 480 об.; *луд^ицки^х* gen. pl. 803 об.; *малути^н* ном. sg. 806 об.; *парфутка¹⁰²* ном. sg. 925 об.; *по лубовнои челобит^нои* 416; *с мату^шкою¹⁰³* так в ркп. «с Матюшкою» 463, 944.

⁹⁹ Исправлено на **я**.

¹⁰⁰ Исправлено из **а**.

¹⁰¹ Исправлено на **ю**.

¹⁰² Гипокористический вариант имени *Парфен*.

¹⁰³ Здесь, как уже было сказано в разделе 1.2., посвященном вопросу о фонеме <ѡ>, можно предположить и смешение аффиксов или же чисто графическую аналогию, ср. *митру^шка* ном. sg. 162 об.; *митруш^ики* gen. sg. 52; *никуш^ика* ном. sg. 162 об.; *первушька* ном. sg. 100; *первушька* ном. sg. так в ркп. «Первушка» 443 об.; *яку^шкомь* instr. sg. 260 об.

Встретилась также и нетипичные замены, которые не попадают под стандартные пары, перечисленные выше.

В ряде случаев (и практически лишь в одной лексеме) встречаем **а** на месте **я** там, где оно, казалось бы, ничем не обусловлено: *крестьян*^н gen. pl. 850; *крестьяни*^н nom. sg. 849; *крестьян*^н gen. pl. 854; *крѣстьян*^н gen. pl. 848 об.; *крѣстьяни*^н nom. sg. 856 об. х3. Писец, возможно, считал использование буквы, употреблявшейся, как правило, после мягкого согласного, излишним в позиции после [j].

Один пример, по всей видимости, удовлетворительному объяснению не поддается, можно лишь предполагать его связь с перечисленными выше (позиция после мягкого зубного в сочетании с [j]) при «излишнем» двойном написании, сочетающем орфографичность и фонетичность: *даяка* gen. sg. 803.

Написания с **еа** на месте **а**: *ждеа*^н *васи*^л*ть*^в nom. sg. 853 об.

Замена **у** на **е**: *аваке*^м*ко* nom. sg. 594 об.

Замены **е** на **а**: *вадескои* nom. sg., так в ркп. «введенский» п.р. 754; *ваденихта*¹⁰⁴ gen. sg. 431 об.; *гребенево*¹⁰⁵ а *гребанево то* ЖС 933 об.; *копа*^н gen. pl. 775.

Варьирование **е** и **ы** в топониме: *реби*^н*нино* а *рыбе*^н*нино то* ЖС 689 об.

Примеры с двойной номинацией определенных мест демонстрируют, разумеется, бытование обоих вариантов, однако важен, как уже было сказано выше, сам факт варьирования в приведенных примерах.

В ряде написаний можно признать влияние букв гласных предшествующих (*микити* gen. sg. 91 об.; *пашна* nom. sg. 855 об.; *пя*^т*ня*^т*ца*^т nom. sg. 596 об. х2; *пя*^т*няце*^т nom. sg. 942 об.; *тихину* dat. sg. 848 об.) или последующих (*боби*^л*ски*^х gen. pl. 799 об.; *око*^л*ними* instr. pl. 610; *па*^т*на*^т*ца*^т nom. sg. 804 об., 805;

¹⁰⁴ Имя Венедикт.

¹⁰⁵ Само пояснение топонима посредством двойной номинации (хотя формально нельзя и в этом случае исключать опiski под влиянием предшествующей буквы гласного) может, кажется, свидетельствовать о реальном существовании первого варианта с *е*.

па^тнаца^т ном. sg. 806; *па^тнацет^ь* ном. sg. 318 об.; *па^тца^тнаца^т* ном. sg., так в ркп. «пятнадцать» 936 об.; *пямяте^ь* gen. pl. 257 об.) слогов, вариантов аффиксов после основ с мягким согласным в исходе (*ко^стя^нтине^вски^м* instr. sg.), а также банальную описку, когда писец написал гласный последнего слога в предпоследнем и наоборот (*перед^ь понятимы¹⁰⁶* 432 об.; *фев^раяла* gen. sg., так в ркп. «февраля» 803 х2). Впрочем, все они достаточно показательны на фоне массы чистых примеров, приведенных выше.

Особо следует отметить следующую группу примеров, касающуюся отражения возможного отвердения [p’], данный процесс мог осуществляться последовательней и легче, чем в отношении других мягких согласных звуков: *гаврушка¹⁰⁷* ном. sg. 948; *гавру^шка* ном. sg. 944 об.; *гра^знова* gen. sg. так в ркп. «Грязного» 38 об.; *дворы^шко* ном. sg. 479 об.; *де^кбра* gen. sg. 782; *о^ндрушка* ном. sg. 946; *о^ндру^шка* ном. sg. 840; *ро^здерышина* gen. sg. 297 об.; *скры^тицы^н* ном. sg. 134; *скры^тици^на* gen. sg. 38, 38 об.; *скры^тицы^на* gen. sg. 38 об. х2, 127 об., 129, 149, 319 об., 447 об., 455 об., 825 об.; *скры^ти\|цы^на* gen. sg. 127 об. – 128; *скры^тицы^ну* dat. sg. 414; *скры^тицы^ны^{ми}* instr. pl. 63; *скры^тици^на* gen. sg. 127 об.; *тавары^ши* instr. pl. 64; *товары^ши* instr. pl. 61, 65 об., 155 об., 442 х2, 488 об., 580 х2, 662 об.; *хры^това* gen. sg. 408, 408 об.; *хры^тоно^в* ном. sg. 408 об.

О неустойчивости сонорного вибранта в рассматриваемых говорах свидетельствует и следующий пример: *ма^ри^ты^н* ном. 855, – где звук [p] в позиции перед следующим смычным зубным выделил, вероятно, призвук переднего ряда, близкий по своей реализации к гласному [и].

Примеров, свидетельствующих о возможном отвердении [p’], как видим, оказалось немало, все они представлены в достаточно лексически ограниченной группе, что, однако, нормально для великорусских говоров, кроме пограничных с

¹⁰⁶ Здесь твердость согласного в последнем слоге могла быть обусловлена также и диалектным окончанием творительного падежа множественного числа *-мы*, где произошла контаминация окончания двойственного числа (генетически) *-ма* и окончания множественного числа женского рода (генетически) *-ми*.

¹⁰⁷ Этот и следующие примеры с суффиксом *-ушк-* можно трактовать и как расширенное использование варианта данного суффикса, представленного после твердых основ: ср. *Петр* → *Петрушка*.

белорусскими. Некоторые, например, *скрып*, можно встретить даже в литературе XIX в., выражение *со товарищи*, конечно, употреблялось регулярно и крайне широко, немало здесь и ономастики, но важно, что рассматриваемое явление в говорах, отраженных в исследованной отказной книге, присутствовало и получило здесь достаточно широкое распространение, хотя и было лексикализировано.

В исследовании Е.А. Галинской [Галинская 2002] в разделе, посвященном говорам северо-восточной новгородской периферии XVI – первой половины XVII в., примеры непозиционной мягкости имеются в достаточном количестве для следующих пар: [л] – [л’], [н] – [н’], [т] – [т’], [д] – [д’], – что, по всей видимости, свидетельствует о наличии в говорах северо-восточной новгородской периферии XVI–начала XVII в. данной диалектной черты, встречающейся в различных говорах северного наречия [Галинская 2002: 75; Колосов 1874: 20–21].

Если же соотнести данные пары звуков, в которых, как предполагается, в говорах северо-восточной новгородской периферии первой половины XVII в. было возможно непозиционное отвердение или смягчение согласных, с примерами из **Костр.**, то оказывается, что отвердение [н’] представлено в примерах: *а в ны^х* 806; *велико² казя* асс. sg., так в ркп. «великого князя» 869; *вороныно* ном. sg. 585 об.; *дальныя* ном. pl. 658; *деревна^м* dat. pl. 851, 855 об.; *др^внами* instr. pl. 495; *деревну¹⁰⁸* асс. sg. 157 об.; *кна³* 847, 848, 848 об., 850 об. х3, 851 х2, 851 об. х2, 855 об., 856; *кныхо^м* dat. pl. п.р. 107 об.; *пашны* gen. sg. 805 об., 806; *пашны^ш* gen. sg. 460 об.; *понатые* ном. pl. 683 об.; *поняматыми* instr. pl. 99 об.; *середные* gen. sg. 884 об.; *середные* gen. sg. 885; *туто^шными* instr. pl. 682 об., 782; *тутошны^х* асс. pl. 884; *туто^ш//ны^х* асс. pl. 639.; *туто^шныя* ном. pl. 653., – отвердение [л’] в примерах: *луби^мко* ном. sg. 805; *луди* ном. pl. 480 об.; *луди^ш* ном. pl. 480 об.; *лудци^х* gen. pl. 803 об.; *малути^н* ном. sg. 806 об.; *по лубовнои челобит^мнои* 416), – и отвердение [т’] в трех примерах: *с мату^шкою* так в ркп. «с

¹⁰⁸ Исправлено на ю.

Матюшкою» 463, 944; *четверта^М* dat. pl. 37 об. Обнаружен был также и один пример смягчения для [д]: *дя¹⁰⁹ семена* так в ркп. «да семена» 284 об.

Однако подкрепить приведенные выше примеры (а также помочь в истолковании остальных) могут и данные, представленные в диссертации И.В. Бегунц, посвященной белозерско-бежецким говорам первой половины XVII в. [Бегунц 2006] (географически они гораздо ближе к костромским). Дальнейшее изложение данной темы, а также следующей, связанной с непозиционной меной глухих и звонких согласных (и, кроме того, разбор примеров в обоих разделах), во многом будет опираться на рассмотрение этих явлений в указанной диссертации.

Оказывается, что в древнерусских книжных памятниках совсем не было необычным смешение в парах **а – я**, **у – ю**, **ы – и**, **о – е** после букв согласных: зафиксированы подобные примеры преимущественно в северных текстах, численность же их, а также ареалы распространения разнятся, и если для письменности более ранних периодов (в особенности церковной) можно предполагать влияние южнославянских протографов, то деловые рукописи как раз в этом смысле оказываются свободными от подозрений [Там же: 217–220].

Источником дальнейших сведений, касающихся древненовгородских берестяных грамот, являются работы А.А. Зализняка [Зализняк 1986, 2004]. Поскольку, как уже было выяснено в ряде разделов, черты, связанные с потоком новгородской колонизации не характеризовали рассматриваемые костромские говоры сколь-либо последовательно (однако характеризовали они белозерско-бежецкие говоры), то ограничимся лишь общими замечаниями. Примеры типа *лоудье* из грамоты № 870 и др. в древненовгородских берестяных грамотах имеются [Зализняк 2004: 80]. Они, как и приведенные выше (*луби^Мко* nom. sg. 805; *луди* nom. pl. 480 об.; *луди^И* nom. pl. 480 об.; *луд^Дцих^Х* gen. pl. 803 об.; *малутин^Н* nom. sg. 806 об.; *по лубов^Внои челобит^Тнои* 416), могут отражать и фонетические особенности произношения отдельных согласных звуков, а именно произношение среднего [л], который отмечается, например, в вологодских

¹⁰⁹ Исправлено на **а**.

говорах. Примеры же после губного, представленные в берестяных грамотах (типа *бес пати* из грамоты № 758; подобных написаний после буквы **п** встретилось также достаточно много), могут отражать отвердение губных согласных, периодически встречающееся и в современных северновеликорусских говорах [Зализняк 2004: 78, 79]. Данное явление, как пишет И.В. Бегунц, ссылаясь на К.В. Горшкову [Горшкова 1968: 166] и А.А. Зализняка, связано, вероятно, со спецификой корреляции согласных по твердости-мягкости, которая была ослаблена как в древненовгородском, так и в древнепсковском диалектах (то есть на западе). Связано это с тем, что во многих говорах, которые генетически были новгородскими, губные отвердевали в позиции конца слова, равно как и в самом древненовгородском диалекте, где данный процесс начался уже в XI в. Отсутствие противопоставления на конце, в независимой позиции, могло сказываться и на противопоставлении в сильной позиции перед гласными [Бегунц 2006: 220–222, 226, 227].

Примеры же отвердения зубных согласных, как отмечается в диссертации, встречаются в совершенно различных текстах, написанных носителями северновеликорусских говоров: новгородских, псковских, тихвинских, торжковских, – равно как встречается подобное отвердение зубных и в современных севернорусских диалектах: архангельских и новгородских. Объясняется же оно либо ослаблением корреляции по твердости-мягкости, причины которого были внутрисистемны, либо иноязычным угро-финским влиянием, подобно фактам непозиционной мены глухих и звонких согласных (ссылки на источники и исследования см. в самой диссертации) [Там же: 228, 229]. Теории возникновения последнего явления будут вкратце приведены в следующей главе с опорой на указанную диссертацию И.В. Бегунц.

Таким образом, часть примеров, представленных в **Костр.**, можно соотнести с периферийными явлениями, связанными с новгородским колонизационным потоком, которые сейчас на рассматриваемой территории характеризуют говоры, граничащие с вологодскими (ср. распространенность там [ў], на которую указывает Д.К. Зеленин), в исследованных же текстах они получают отражение,

как можно было видеть уже, например, в разделе 3.1.1., посвященном реализациям фонемы <в> в слабых позициях, крайне редко.

Примеры *луби^мко* ном. sg. 805; *луди* ном. pl. 480 об.; *луди^и* ном. pl. 480 об.; *луд^дцки^х* gen. pl. 803 об.; *малут^и^н* ном. sg. 806 об.; *по лубо^вной челоби^тной* 416 могут, как уже было сказано, свидетельствовать о присутствии в говорах, отраженных в исследованной отказной книге, хоть и далеко не регулярном, среднего [П].

Достаточно многочисленны и примеры, отражающие, вероятно, отвердение губных.

[в'] → [в]: *вадени^хта* gen. sg. 431 об.; *деваносту* dat. sg. 37 об.; *дева^тко* ном. sg. 805 об.

[п'] → [п]: *па^т* ном. sg., так в ркп. «пять» 805 х2, 806; *пatina^тцати^и* dat. sg. 456 об.; *па^тлина* gen. sg. так в ркп. «Пятлина» 115 об.; *па^тнацет^ь* ном. sg. 318 об.; *патницко^и* ном. sg., так в ркп. «Пятницкий» п.р. 470; *пя¹¹⁰тна^тцет^ь* ном. sg. 813 об.

[м'] → [м], один пример: *замыща* асс. pl. 98.

Они также могут быть поставлены в связь с явлениями, существующими на периферии современных костромских говоров, то есть там, где проходит их граница с вологодскими.

Хотя заключить, как было выяснено в предыдущем разделе, происходило ли отвердение конечных губных в костромских говорах первой половины XVII в., нельзя, однако известно, что в современных говорах (в основном их массиве в треугольнике Кострома – Солигалич – Кологрив) оно не представлено, а начинается лишь к северо-западу, северу и северо-востоку от рассматриваемой территории.

Возможно, что представленные написания отражают особенности окраинных говоров XVII в. на рассматриваемой территории, где непозиционная мена твердых и мягких губных была представлена.

¹¹⁰ Исправлено из а.

Нельзя, впрочем, исключать и возможности, что непозиционная мена твердых и мягких согласных (как губных, так и зубных) была в прошлом в рассматриваемых говорах распространена гораздо более широко, чем сейчас.

Но подобная мена губных согласных, будучи представленной, как видим, не в позиции конца слова, была бы возможна в первую очередь лишь вследствие отсутствия подобного противопоставления этих согласных в позиции конца слова, откуда эта особенность распространилась бы и на остальные позиции.

В диалектных записях встретился, если исключить приведенные в разделе 3.6. примеры с заменой конечного [в'] на [в] \ [ў], лишь один пример, отражающий непозиционную мему мягких и твердых согласных: б'аз «бязь» ЭБРНГ-001.

Таким образом, можно предположить, что в XVII в. в рассматриваемых костромских говорах отвердение конечных губных было, возможно, непоследовательным, а распространение этой особенности связать с массивами говоров северо-западнее Солигалича и северо-восточнее Кологрива, где, как предполагается, могли проявляться особенности, связанные с новгородским колонизационным потоком, и где они фиксируются и сейчас.

Остальные же примеры с написаниями после букв зубных следует объяснять распространенной среди северновеликорусских говоров непозиционной меной твердых и мягких зубных согласных перед последующими гласными, которая отражается как в современных диалектах, так и, в частности, в документах, примеры из которых представлены в монографии Е.А. Галинской [Галинская 2002] и характеризуют говоры северо-восточной новгородской периферии конца XVI–начала XVII вв.

В современных костромских говорах непозиционная мена твердых и мягких зубных согласных в позиции перед гласным встречается редко и лишь на периферии, что свидетельствует о ее нивелировке.

3.8. Непозиционная мена глухих и звонких согласных

В исследованных текстах обнаружилось достаточно большое количество написаний, указывающих на возможную непозиционную мему глухих и звонких согласных.

Для начала необходимо выделить не совсем чистые примеры, где, во-первых, непозиционная мена глухих и звонких согласных могла быть вызвана аналогией либо с другими словоформами в рамках парадигмы, либо же с производящими словами и основами, и, во-вторых, примеры, где можно предполагать лишь графическую мему букв без соответствующих фонетических явлений.

В первую группу будут выделены примеры, где глухость была когда-то позиционно обусловленной, а затем глухой аллофон распространился на всю в парадигму и мог сохраняться при словообразовании, а также гиперкорректные (обратные описанным) случаи, когда исконный глухой заменяется на звонкий из соображений правильности.

Встретился лишь один пример с прямым отражением рассматриваемого явления: *откасны^М* dat. pl. п.р. 377 (образовано от *отказ*, где оглушение в позиции конца слова было закономерным, см. раздел 3.10.2.), – и, кроме того, один обратный: *(в)сяг¹¹¹имь* instr. sg. 384 об.

Явление это распространено чрезвычайно широко и фиксируется в основном на великорусском севере. В XIX–XX вв. оно, например, присутствовало в бывшей Вологодской губернии [Белоруссов 1887: 221–222, 228] и в Устюженском уезде [Шахматов 1896: 87], а в XVII в., судя по данным памятников письменности, было представлено в псковских, смоленских и даже в московских говорах. Следует отметить, что на этой территории обнаруживаются и обратные случаи, а не только прямые (примеры см. в [Бегунц 2006: 205, 206]).

И.В. Бегунц в 2006 г. обнаруживала в Белозерском и Череповецком районах примеры типа: *рубери́том* instr. sg. [Там же: 205]. Таким образом, ареал рассматриваемого явления обходит стороной территорию распространения

¹¹¹ Исправлено на к.

говоров, отраженных в **Костр.**: на северо-востоке к ним примыкали говоры Волго-Камского междуречья, на севере вологодские, на северо-западе белозерско-бежецкие, а на юго-западе московские.

Во вторую группу выделим примеры непозиционного озвончения [с] перед сонорным. Два прямых: *о³миною* instr. sg., так в ркп. «осминою» 44 об.; *поро³ла* так в ркп. «поросла» 785 об., – и один обратный: *с¹¹²наме^нско^и¹¹³* nom. sg. 380. В последнем случае показательно, что писец сам исправил ошибочное написание.

Однако здесь мы, как уже было сказано выше, быть может, наблюдаем лишь распространение гиперкоррекции, выработавшейся в позиции перед буквами шумных согласных (где, к примеру, вместо буквы *с* могла писаться *з*), на позиции перед буквами сонорных [Там же: 206, 207]. Но писец, как уже было сказано, мог знать об этой гиперкоррекции и ликвидировать подобные написания.

Пример *пог¹¹⁴ровскимь* instr. sg., так в ркп. «Покровским» 163 также можно объяснить подобным образом, и здесь вновь имеет место исправление.

Но имеется также и один абсолютно надежный пример, показывающий, что за подобными написаниями может стоять и чистая фонетика: *два жере^ни* «два жеребья» 877. При вынесении буквы согласного перед йотом разделительные знаки не ставятся, а потому данный пример является отражением формы *жере^ни* и показывает, что и за вышеприведенными заменами перед буквами сонорных стоит, возможно, не только графика.

Есть и другие примеры, где можно предполагать лишь фонетическое объяснение, распределим их в зависимости от позиции в слове и окружения.

В позиции перед гласным в начале слова:

[б] – [п]: *п¹¹⁵е³* так в ркп. «без» 412; *полота* gen. sg., так в ркп. «болота» 347 об.; *пардакова¹¹⁶* gen. sg., так в ркп. «Бардаково» 323.

¹¹² Исправлено на з.

¹¹³ Отметим, однако, что оглушение перед сонорным и <в> достаточно часто отражается в различных рукописях, среди которых имеются также и вологодские деловые тексты XVII в., где обнаруживается написание *пороснь*. Ссылки и примеры см. в [Бегунц 2006: 208].

¹¹⁴ Исправлено на к, топоним, название пустоши.

¹¹⁵ Исправлено из б.

[д] – [т]: *тесетинъ* gen. sg., так в ркп. «десятины» 832 об.; *техтярка*¹¹⁷ nom. sg., так в ркп. «Дегтярка» 704 об.; *т*¹¹⁸ *ол* асс. sg., так в ркп. «доля» 338.

[з] – [с]: *солотухины*^М instr. sg., так в ркп. «Золотухиным» 44 об.; *з* *и*¹¹⁹ *хь* *дачу* 454 об.

[г] – [к]: *г*¹²⁰ *овезины*^М instr. sg. п.р. 60 об.; *коркино а горки тож*¹²¹ 698, 704 об.; *коркино а горкино тож* 915.

Для данной позиции, судя по наблюдениям И.В. Бегунц, в белозерско-бежецких говорах XVII в. наиболее характерной была мена в паре [г] – [к] (примеры см. в [Там же: 208]), что, как видим, справедливо и для рассматриваемых костромских говоров: четыре примера против трех для [б] – [п] и [д] – [т] и двух для [з] – [с] соответственно, – хотя количество примеров в целом, очевидно, крайне невелико.

В интервокальной позиции в середине слова:

[в] – [ф]: *тимо^вфе^и* nom. sg., так в ркп. «Тимофей» 850 об.

[д] – [т]: *улиды* gen. sg., так в ркп. «Улиты» 855, 855 об.

[з] – [с]: *на^зсоно^в* так в ркп. «Насонов» 881 об.

[г] – [к]: *е^зкупова*¹²² nom. sg. 18; *ук*¹²³ *оде* nom. sg., так в ркп. «угодье» 297.

В позиции после звонкого согласного перед гласным в середине слова:

[в] – [ф]: *а^в дфу* так в ркп. «а в дву» 37 об.

В позиции после сонорного перед гласным в середине слова:

[д] – [т]: *сертюкова* nom. sg., так в ркп. «Сердюкова» 824.

¹¹⁶ Топоним, название пустоши.

¹¹⁷ Ср. *дехтярка* nom. sg. 698, 915 об.

¹¹⁸ Исправлено на д.

¹¹⁹ Здесь мы, конечно, можем предполагать протетический [j], однако, как известно, формы данного местоимения с подобной протезой являются особенностью западной диалектной зоны [Касаткин 1989: 204].

¹²⁰ Исправлено на к.

¹²¹ Здесь и в следующем примере писец, употребляя подобную конструкцию, воспринимает два названия как разные, но показательна сама мена [к] и [г].

¹²² Ср. *егу^невъ* nom. sg. 653 об.; *егупо^вскои* dat. sg. 925; *егуповы* gen. sg. 924; *егуповы* nom. pl. 627.

¹²³ Исправлено на г.

[Г] – [к]: *с ыгонк*¹²⁴ *ою*¹²⁵ instr. sg., так в ркп. 757 об.

Значительная часть приведенных в этом разделе примеров, разумеется, представляет собой исправления, осуществленные писцами, что необходимо учитывать при формулировании выводов.

В современных великорусских говорах, как отмечает И.В. Бегунц со ссылкой на ряд исследователей, данное явление представлено хоть и разорванными островами, однако по всей северной диалектной зоне [Герасимов 1910: 13; Глушкина 1973], что было уже отмечено выше. Объяснения же для него оказываются разными. Существует гипотеза, согласно которой подобные замены могут быть результатом влияния финского субстрата, поскольку в языках угро-финской группы не было противопоставления согласных по глухости-звонкости: фонемы были лишь глухими, в таком виде они и выступали в начале и конце слова, в середине же могли получать и позиционную полувзвонкость, если не соседствовали непосредственно с глухими. При контакте славянских и финно-угорских племен могло происходить межъязыковое взаимодействие, и финно-угры, осваивавшие язык колонизаторов, в том числе и на великорусском северо-востоке, могли не до конца усваивать новые для них отношения между аллофонами в славянском языке и переносить на него какие-то свои закономерности, существовавшие в финно-угорских языках [Глушкина 1973: 48; Ларин 1959: 47–48]. В.В. Колесов попытался объединить описанную выше теорию с внутренними славянскими предпосылками (падением редуцированных и последующим появлением полувзвонких согласных, ставших промежуточными реализациями при позиционном оглушении), которые особенно хорошо проявились там, где имелся финский субстрат [Колесов 1963]. И, наконец, совершенно иной взгляд на данную проблему (связанный с таким признаком, как напряженность-ненапряженность) был предложен Л.Л. Касаткиным и Р.Ф. Касаткиной. Состоит он в том, что в некоторых говорах, в отличие от

¹²⁴ Исправлено из г.

¹²⁵ В [Унбегаун 1989: 73] одна из фамилий возводится к подобному приведенному примеру диминутиву, получившемуся из имени собственного *Игнатий*. Словообразовательная цепочка выглядит следующим образом: *Игónин* < *Игónя* < *Игнáтий*.

литературного языка, где ведущим является признак глухости-звонкости, ведущим может быть признак напряженности-ненапряженности: глухие смычные в таком случае реализуются с придыханием, глухие же фрикативные, например, обладают большей длительностью, чем их литературные реализации, имеется также и ряд других существенных отличий [Бегунц 2006: 210–213; Пауфошима 1969: 214; Пауфошима 1987: 99].

Ни одна из перечисленных выше гипотез не является предпочтительной для объяснения обнаруженных примеров. Однако непозиционная мена глухих и звонких согласных в костромских говорах XVII в., отраженных в исследованной отказной книге, скорее всего, присутствовала, отметим, впрочем, еще раз большое количество исправлений в приведенных примерах, которые можно трактовать и как описки.

Интересным оказывается и тот факт, что в позиции начала слова перед последующим гласным было обнаружено большое число примеров, отражающих именно замену звонкого согласного его глухим коррелятом.

В диалектных записях ни одного примера непозиционной мены глухих и звонких согласных обнаружить не удалось.

3.9. Поведение твердых согласных фонем в позиции сандхи перед <и>

Реализация парных по твердости-мягкости согласных в позиции сандхи перед <и> может различаться. Возможны следующие варианты: согласные фонемы последовательно представлены в своем основном виде (то есть твердой реализации, как, например, в современном русском литературном языке), все согласные фонемы последовательно реализуются в мягком варианте (как, например, в севернорусском наречии и украинском языке) [Пауфошима 1983: 38]. Есть также и ряд говоров, где подобного единообразия в реализации согласных фонем в данной позиции не наблюдается, но, например, смягчаться могут только губные, либо только заднеязычные, либо и губные и заднеязычные, тогда как все остальные согласные представлены в данной позиции в своем основном виде [Там же: 42].

Чтобы выяснить, какой из перечисленных вариантов характеризовал костромские говоры XVII в., отраженные в исследованной отказной книге, обратимся к материалу и распределим замены буквы **и** на **ы** в рассматриваемой позиции в зависимости от места образования согласных.

После губных: в *ывановское* асс. sg. 90 об., 127, 714 об.; в *ываново* асс. sg. п.р. 354, 487; в *ываново^и* асс. sg. 431 об.; в *ыванчюшкове* loc. sg. 759; в *ыванчюшкове* loc. sg. 760, 760 об.; в *ыванчюшкове* loc. sg. 795 об., 799, 902; в *ыванчюшковъ* loc. sg. 894 об.; в *ыванчюш'кове* loc. sg. 161 x2; в *ыгнатиево*¹²⁶ асс. sg. п.р. 585; в *ыгнатиево* асс. sg. 453 об.; в *ылякове* loc. sg. 441.; д(еревня) *оббыдениково* nom. sg. 596 об.; *обыскивал* 720; *обыскныx* gen. pl. 749 об.

После зубных: из *ывановско²* gen. sg. 216 об.; из *ыванова* gen. sg. 694, 705 об., 916; *сыскал* 782 об., 786 об., 933, 937; *сыскали* 657 об.; *сыску* gen. sg. 658; *сыс(ку)* gen. sg. 658 об.; *сыскъ* асс. sg. 932; с *ывано^м* instr. sg. 58, 65 об., 120 об. x2, 922 об.; с *ывива^шкомъ* instr. sg. 152, 152 об. 220, 616 об., 823 об.; с *ылеикою* instr. sg. 152 x2; с *ылеикою* instr. sg. 443 об., 891; с *ыле^икою* instr. sg. 664 об.; с *ыпат^мко^м* instr. sg. 47 об.; с *ырмол^лкою*¹²⁷ instr. sg. 888; с *ысако^м* instr. sg. 587 об.; с *ыса^чко^м* instr. sg. 812, 872 об., 873; с *ыса^чкомъ* instr. sg. 649 об., 715 об.; с *ыса^чком^б* instr. sg. 156 об.; с *ыса^чкомъ* instr. sg. 619 об., 777 об.; с *ыюръемъ* instr. sg. 859 об.; и др.

После заднеязычных: *при\|ка^зщик ывива^и* п.р. 867-867 об.

Как видим, в говоре, отраженном в исследованной отказной книге, в позиции сандхи перед [и] в своем основном виде (то есть без смягчения)

¹²⁶ Здесь, а также в ряде следующих примеров, можно наблюдать характерное для некоторых писцов отражение произношения, совмещенное со следованием орфографической норме: за написанием, обладающим фонетической значимостью, следует совершенно стандартное.

¹²⁷ Исходной формой здесь было греческое *Ἐριόλαος*. Густое придыхание перед гласным переднего ряда, отражающееся, например, в латинском *Hermolaus*, могло ассоциироваться также и с результатами среднегреческого перехода звонкого фрикативного [γ'] в [j] в подобной позиции, о чем см. подробнее в разделе 3.2.1., посвященном качеству звонкого заднебного согласного, и повлиять на дальнейшее развитие уже на собственно восточнославянской почве. Можно также предполагать и аналогию с церковнославянским *ирмос* при греческом соответствии *εἰρμός*.

определенно были представлены губные и зубные согласные. Мы, однако, не можем с уверенностью сделать подобного же вывода и о заднеязычных (см. лишь один обнаруженный пример), отсутствие смягчения для которых, впрочем, могло не найти последовательного отражения в исследованных текстах попросту потому, что в письменности были мало распространены сами сочетания **кы**, **гы** и **хы**, после того как [кы], [гы] и [хы] изменились в [к'и], [г'и] и [х'и].

Однако в хрестоматии [Касаткина 1991] встретилось три интересных примера, которые, возможно, позволят уяснить судьбу заднеязычных согласных в позиции сандхи перед [и] в рассматриваемых говорах. Среди костромских текстов, представленных там, больше всего подходит текст № 29: хотя он и записан в Межевском районе (к востоку от Кологрива за рекой Унжей). Остальные тексты относятся к еще более дальней северо-восточной или юго-восточной периферии, а потому примеры из них вряд ли можно считать хотя бы приблизительно отражающими ситуацию в треугольнике Кострома – Солигалич – Кологрив.

Примеры, свидетельствующие о смягчении заднеязычных в позиции сандхи: *да́к' и заво́жут* № 29, *та́к' и сва́тал'ис'а* № 29, *жен'их'* и *выкупáат* № 29.

Как видим, представлены примеры для двух различных по способу образования заднеязычных согласных, которые, хотя и были обнаружены в речи лишь одного информанта, позволяют предположить, что в позиции сандхи перед [и] в костромских говорах XVII в. заднеязычные согласные действительно могли либо выступать в смягченном виде, либо же крайне непоследовательно сохранять основной вид, тогда как зубные и губные выступали определенно в основном виде (без смягчения).

В диалектных записях удалось обнаружить еще несколько примеров данного явления.

Губной [в] в позиции сандхи: *в ызбу́ нано́с'иш кáтку* А-0334.

Заднеязычный [к] в позиции сандхи: *вот та́к'и жы́л'и* А-0334.

Зубной [с] в позиции сандхи: *фстр'эт'ил'и с ыко́ној стар'ик'и* А-0333.

Зубной [т] в позиции сандхи: *вот' ево ф снопы т'и в'ажут А-0332, ну вот' это фс'о розказала А-0332.*

Примеры эти подтверждают предположение о том, что заднеязычные в позиции сандхи выступали в смягченном виде, а губные без смягчения. Разница в поведении зубных может быть, во-первых, обусловлена тем, что в примерах представлена речь двух разных информантов, и, во вторых, тем, что в позиции сандхи здесь выступают два разных зубных звука ([т] и [с]).

3.10. Позиционное оглушение согласных

3.10.1. Ассимиляция последующему согласному

В исследованных текстах обнаруживается достаточное количество прямых отражений позиционного оглушения согласных в середине фонетического слова. Данный процесс, однако, прошел не во всех русских диалектах, в некоторых из них и сейчас звонкие согласные произносятся перед глухими [Галинская 2015: 105].

Приведем примеры оглушения из исследованной рукописи.

[б] → [п]: *во^нче* 651, 651 об.; *вонче* 587, 588; *во^нче* 136, 855 об. х2, 908 об.; *вончее* 948 об.; *во^нчеи* nom. sg. 131; *во^нчеи* nom. sg. 856; *вончие* gen. sg. 106; *во^нчь* 105 об., 202 об.; *в'он'чь* 808 об.; *из он'ча* 319; *ру^нцова* gen. sg. 405, 405 об.; *рунцову* dat. sg. 876 об., 877 об.; *ру^нцовымъ* instr. sg. 402, 405; *ястре^нцове* nom. sg. 620; *ястре^нцове* loc. sg. 620, 621.

[в] → [ф]: *витуфтову* dat. sg. 682 об.; *еФтихииев* nom. sg. 143 об.; *фторов* nom. sg. 481, 927; *фтороваско^с* gen. sg. 837; *Фторово* acc. sg. 20 об., 21; *фторовскова* gen. sg. 831, 844; *фторовского* gen. sg. 838; *фторовскои* dat. sg. 828 об., 829 об.; *Фторову* dat. sg. 21, 22, 23, 34; *фторои* nom. sg. 776 об.; *ф поле* 28 об. х2, 29 об. х2; *ф пятдеся^т* 30 об.; *ф чет^т* 786 об.; *яковлеФскова* gen. sg. 353 об.

[д] → [т]: *два^тцат^т* nom. sg. 21, 21 об., 22 об., 23 х2, 39 об., 40, 48 об., 919 об.; *два^тцати* dat. sg. 884 об.; *два^тцать* nom. sg. 736 об.; *два^тцать* 918 об., 919, 922 об.; *три^тц(а^т)* 776; *три^тцати* dat. sg. 872 об.; *три^тцати* dat. sg. 700 об.,

819; *фетма* nom. sg. 71 об., 74, 476, 598 об., 648 х2, 778, 823, 823 об. х2, 840, 888 х2, 889 об. х2, 891 х2, 942 об. х2; *фетки* gen. sg. 739 об. х2, 772 об., 777 об., 791, 796 об.; *феткою* instr. sg. 647 об. х2, 665 об. х3, 947 об. х2; и др.

Отметим, что выше приведены не все обнаруженные для данной подгруппы примеры, так как количество их невероятно велико.

[з] → [с]: *гряска* nom. sg. 675 об.; *обрацомь* instr. sg. 462; *обрацу* dat. sg. 463; *скаске* dat. sg. 480 об.; *скасць* dat. sg. 477; и др.

Отдельно приведем примеры, где редуцированного после приставки или префикса не было исконно, а потому последовательное отражение оглушения в данной позиции могло быть устойчивым фактом орфографии.

[з] → [с]: *ис кодогора* 672; *ис козаринова* 215 об.; *ис памѣти* 78; *ис половины* 168; *ис помеснаго* 768; *ис помѣсново* 78, 205, 689, 771; *ис помѣсного* 685; *ис помѣстнова* 578, 674, 727; *ис помѣстново* 639; *ис помѣщины* так в ркп. «из помещицыны» 626; *ис порожи* 592; *ис порожины* 64; *росна* nom. sg. 859; *роснаши* gen. sg. 859 об.; *росчисти* gen. sg. 736.

[ж'] → [ш']: *врашкы* dat. sg. 769 об.; *лушкы* dat. sg. 774, 831 об., 832 об., 833 об., 839 об., 840 об.; *на вашке* 721, 764; *сереши да з гаркою* так в ркп. «с Сережкой, да с Гаркою» 829; *серешка* nom. sg. 168, 598 об., 739 об., 796, 859 об.; *серешкой* instr. sg. 649 об., 665 об., 772; *серешикою* instr. sg. 464 об.

Есть также и ряд написаний, свидетельствующих о регрессивном ассимилятивном озвончении глухих согласных перед звонкими. Данный процесс проходил последовательно на всей территории распространения древнерусского языка [Галинская 2015: 104].

[т] → [д]: *в пядесят* 872 об.; *оделено* nom. sg. 40, 52 об., 53, 54 х2, 55 х2, 699, 705 об., 871 об., 872, 874 об., 876, 876 об., 877 об., 916; *оделил* 39, 694, 700 об., 725, 725 об. х2, 726 х2, 726 об., 869; *оделит* inf. 724 об., 725; *оддѣльные* асс. pl. 42, 700, 706; *оддѣльные* асс. pl. 878; *оддѣ* loc. sg. так в ркп. «отделе» 40 об.; *оддѣлил* 726; *пядесят* nom. sg. 199 об.; *пядесят* асс. sg. 53 об.

[с] → [з]: *збежа^л* 613 об., 772 об. х2; *збежали* 613, 716 об.; *з бра^тею* 92; ³ *бра^тею* 649 об., 664 об., 665, 797 об., 818 об.; *з бра^{то}м* 93о. х2, 94, 95о., 96 об., 840, 870 об. х2, 871, 887 об., 895 об., 897, 904, 904 об., 905, 929, 944 об., 948; ³ *де^тми* 47 об., 58, 58 об. х2, 60 х2, 60 об. х2, 62 об. х2, 63 х2, 63 об., 797 об., 808, 814 об., 859 об., 908 об., 912 об.; *з дмитрее^м* 58; *з доче^рю* 15 об., 40, 610 об., 691 об., 926 об.; *з доче^рью* 610 об. х2, 611; *з доче^рню* 925; ³ *дрв^нями* 491; *з дѣ^вками* 78 об.; ³ *дѣ^вкою* 40; *з дѣ^вкомъ* 484; ³ *зятее^м* 619 об., 653, 740 об., 790 об., 797 об., 832, 872 об., 873, 888; *з зятее^м* 664 об.; ³ *зятее^м* 663 об.; *ше^здеся^т пот. sg.* 41 об., 287 об.; и др.

[к] → [г]: *г девяносту г девети* 179 об.; *г девяносту г девяти* 30 об., *г д[е]вя^тн[а]тцети* 154; *г деревна^м* 855 об.; ² *деревня^м* 851 об.

Есть и гиперкорректные замены, причем, что характерно, практически только для двух подгрупп, где примеров было обнаружено больше всего:

Замены т на д: *водчина* ном. sg. 62 об.; *водчины* gen. sg. 64 об.; *высо^дцкого* gen. sg. 60 об.

Замена с на з: ³ *кузе^мкою* 758; ³ *ми^ткою* 643 об.; ^{з¹²⁸} *надачею* 100, 395 об.; ³ *племяниками* 649; ³ *чев^терико^м* 160 об.; ³ *[ч](етве)[р](ико^м)* 871; ^{3с} *чет^верико^м* 154; ^{3с} *шестою* 698; ³ *федорою* 808 х2, 814 об.; ³ *четыре* 881; ³ *шестою* 914 об.; ³ *шурино^м* 443 об.; *поро^зла* 785 об.; *поро^зсла* 782 об.; *поро^зстла* 784 об.; *пусто^ш* *постыло^ш* *почино^к* *вы^зтулиха то^ж* 778 об.; *с^зка^зке* dat. sg. 340 об.; *с^зно^м* instr. sg. так в ркп. «сыном» 832; *с¹²⁹но^м* instr. sg. 810 об.? 813; *с ше^зтою* 705; *сы^зка^в* 43 об.; *ше^знацать* 287 об.; *я^зтре^бцово* ном. sg. 457 об., 458 об. х2.

Еще одна гиперкорректная замена для позиции озвончения (*оф^доти* gen. sg., так в ркп. «Авдотьи» 354 об.) лишний раз подтверждает тезис об устойчивости сложившейся корреляции фонем <в> и <ф>.

¹²⁸ Исправлено на с.

¹²⁹ Исправлено из з.

Подобные написания свидетельствуют о том, что писец в ряде случаев осознавал необходимость употребления на письме букв, обозначающих звонкие согласные, в соответствии с их глухими парами. Таким образом, можно утверждать, что явление, приведшее к формированию подобного представления у носителей диалекта, несомненно, имело устойчивый характер в исследуемом говоре, а значит, не приходится сомневаться в том, что в костромских говорах XVII в., отраженных в исследованных памятниках, регрессивное ассимилятивное оглушение звонких согласных действительно существовало.

Более регулярное отражение рассматриваемой фонетической закономерности в парах [д] → [т] и [с] → [з] вряд ли может свидетельствовать о какой-либо определенной закономерности и, скорее всего, обусловлено лишь спецификой отказной книги и ее лексическим составом.

О том, что подобное оглушение (а также озвончение) свойственны и современным говорам на рассматриваемой территории, можно судить и по материалам диалектных записей.

Примеры, свидетельствующие о позиционном оглушении: *р'ад'йм б'ес'этку* А-0334, *тр'и зыпк'и был'и* А-0334, и др.

Примеры, свидетельствующие о регрессивном ассимилятивном озвончении глухих согласных перед звонкими: *в'ез' д'ен'* А-0265, и др.

Как видим, в современных костромских говорах ассимилятивное оглушение было представлено в полной мере. Естественно, имелось и ассимилятивное озвончение, которое, как было сказано выше, последовательно осуществилось во всем русском языке.

3.10.2. Позиция конца слова

В исследованных текстах было обнаружено достаточно большое количество примеров данного явления, и отражается оно лишь прямыми заменами: *карпоф* nom. sg. 354 об.; *кни^х*¹³⁰ gen. pl. 166; *медвет* nom. sg. 902 об.; *окла^т* acc. sg. 179;

¹³⁰ Как уже было отмечено в разделе 3.2.1., в говорах, отраженных в исследованной отказной книге, реализация ее была определенно взрывной, данный пример же, скорее всего, представляет собой явление книжной (церковной) орфоэпии.

*поперек*¹³¹ 26, 29 об. х2, 30, 708 об.; *семеноф* ном. sg. 280; *третьякоф* ном. sg. 489 об.

Подобное оглушение в целом редко отражается в памятниках письменности [Галинская 2015: 100], однако регулярность отражения оглушения согласных в середине фонетического слова и большое число прямых замен заставляет предполагать, что и оглушение согласных на конце фонетического слова в костромских говорах XVII в., отраженных в **Костр.**, было, но регулярному его проявлению мешает больший графический традиционализм в отношении позиции конца слова.

В современных же костромских говорах на рассматриваемой территории по данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 73] исключительно звонкие [б], [д], [з], [ж] и т.п. на конце слова представлены лишь в одном ареале: небольшой вытянутый остров южнее Кологрива, не переходящий, однако, на другой берег реки Унжи. Южнее Кологрива (в излучине Унжи), к западу от Солигалича и Чухломы, южнее Галича, а также чуть восточнее и чуть севернее Костромы представлены различными небольшими ареалами в различных сочетаниях две следующих реализации: во-первых, сосуществование на конце слова как глухих, так и звонких вариантов (то есть с оглушением и без него); во-вторых, сохранение на конце слова лишь звонкого задненебного [г] или [ҕ]. За рекой Унжей (по реке Ветлуге) доля звонких реализаций в позиции оглушения на конце слова значительно растёт, однако для треугольника Кострома – Солигалич – Кологрив следует признать последовательность оглушения звонких согласных на конце слова.

Имеются примеры позиционного оглушения согласных в позиции конца слова и в диалектных записях: *вос* ЭРБНГ-369, *в'ос* ЭРБНГ-369, *д'ет* ЭРБНГ-369, *дуп* ЭРБНГ-369, *ж'ал'и рош* А-0333, *л'эб'ет'* ЭРБНГ-369, *подр'ат* А-0334, и др.

¹³¹ Ср. следующие этимологически верные написания: *попере*² 584, 586, 586 об., 587 об., 588, 589, 616, 622, 622 об., 625, 649 об., 662 об., 734, 736, 774 об., 776, 782 об., 783, 783 об. х2, 784 х2, 784 об., 785 х3, 785 об., 789 об., 804, 804 об., 806, 861 об., 895 об., 908 об., 936; *поперегь* 598, 667 об.; *попере*² так в ркп. «поперек» 948.

3.11. Ассимиляция согласных (кроме ассимиляции по глухости-звонкости)

Поскольку, как уже говорилось, в данной работе принимается точка зрения С.И. Коткова о том, что в скорописи XVII в. буквы **ъ** и **ь** находятся в отношениях свободного варьирования и этимологическую (или синхронную фонетическую) обусловленность каждого знака вряд ли можно предполагать (т. к. при принятии подобного допущения окажется, что не только в позиции конца слова, но порой и в середине его согласные то подвергаются отвердению, то смягчаются без какой-либо закономерности), то сделать какие-либо выводы об ассимиляции по твердости-мягкости в говорах, отраженных в исследованной отказной книге, нельзя, однако ее наличие, по крайней мере для зубных перед зубными, можно предполагать, ср. [Пауфошима 1973: 100]. Ассимиляции же по способу и месту образования практически всегда сопровождались упрощениями групп согласных, а потому примеры, ее отражающие, будут представлены в соответствующем разделе (3.13.).

Об ассимиляции согласных по твердости-мягкости в современных говорах на рассматриваемой территории можно судить по примерам, представленным в двух текстах из хрестоматии [Касаткина 1991] (№№ 29, 30). Распределим их в зависимости от согласных, участвующих в ассимилятивных процессах.

[с'] перед [в']: *с'в'уц'ок, с'в'уц'к'и, с'в'эц'к'и, с'в'уц'ку.*

[с']/[з'] перед [т']/[д']: *з'д'элалас', отпус'т'ум'е imperat., отпус'т'ум praes 1 pl.*

[с'] перед [н']: *н'ис'н'и «песни» х2.*

[с'] перед [л']: *пон'ес'л'ис'а.*

[т'] перед [ц']: *жэн'ум'ц'а praes. 3 sg., фстр'эм'ум'ц'а praes. 3 sg.*

Как видим, примеры регрессивной ассимиляции по мягкости в говорах, чрезвычайно близких к рассматриваемой территории, достаточно разнообразны: осуществляется она даже в сочетаниях, компоненты которых обладают крайне малым числом общих артикуляционных признаков.

Мы также можем привести здесь два примера из рукописи, которые, будучи представлены лишь в одной лексеме, отражают изменение не совсем типичное, однако, как кажется, ассимилятивное и, кроме того, прогрессивное. В одном из них представлено характерное двойное написание, уже не раз встречавшееся в примерах: сначала правильное и сразу же за ним, без исправлений, повторное, отражающее фонетическую особенность.

[лк] → [лх]: *во^лко^нхо^нскому* dat. sg. 432; *во^лхоно^ско^с* gen. sg. 311 об.

Следует предполагать, что в данном сочетании, где первым звуком был боковой сонант, а вторым – глухой взрывной заднеязычный, произошла частичная прогрессивная ассимиляция по способу образования с утратой смычки вторым компонентом.

В диалектных записях были обнаружены также примеры достаточно регулярного уподобления согласных по способу (круглощелевой уподобляется плоскощелевому), месту (переднеязычный зубной уподобляется переднеязычному передненебному) образования и мягкости: *готóв'ис'с'а* ЭБРНГ-392, *помóл'ис'с'а* ЭБРНГ-392, и др.

3.12. Диссимляции согласных

Как известно, в современных русских говорах регрессивная диссимилиция [к] (а также его звонкого коррелята [г]) перед смычными согласными представлена в целом ряде позиций, однако перед глухими, где ее результатом оказывается звук [х], шире, чем перед звонкими, где наблюдаем звук [γ] [ДАРЯ 1: карты 87, 88].

Написания, свидетельствующие о подобной фрикативной реализации, обнаруживаются также и в памятниках деловой письменности, отражающих различные русские говоры и происходящих с территорий следующих диалектов.

1. Новгородский диалект конца XVI–первой половины XVII в. (источники примеров см. в [Галинская 2002: 39, 40]).

[кк] → [хк]: *мя^хко^н*; *х кн(я)зю*.

[кт] → [хт]: *нихто*; *полуехту* dat. sg.; *хто*; *х то^н дере^вни*.

2. Говоры северо-восточной новгородской периферии конца XVI – первой половины XVII в. (источники примеров см. в [Там же: 78]).

[кк] → [хк]: *мя^хково* gen. sg.

[кт] → [хт]: *де^хтю* gen. sg.; *де^хтярю*; *хто*.

3. Псковский диалект первой половины XVII в. (источники примеров см. в [Там же: 111]).

[кк] → [хк]: *мя^хки^М*; *мяховино*; *мя^хкое*.

[кт] → [хт]: *венеди^хту*; *ни^хто*; *полиехта*; *хто*.

4. Великолукские говоры первой половины XVII в. (источники примеров см. в [Там же: 132]).

[кк] → [хк]: *ни^х каки^М*; *х камгню*.

[кт] → [хт]: *гала^хтионовская*; *де^хтерево* nom. sg.; *ни^хто*; *хто*.

5. Селигеро-торжковские говоры первой половины XVII в. (источники примеров см. в [Там же: 166, 167]).

[кк] → [хк]: *х каки^М*; *х каму*.

[кт] → [хт]: *венедихта* gen. sg.; *галахтио^Н*; *ни^хто*; *полуехто^В*; *х тому же*; *хто*.

[ГД] → [үд]: *х^h¹³² дву^М*.

В исследованных текстах встретилось достаточно много примеров подобных диссимиляций согласных. Обратимся к материалу и рассмотрим первую группу, где представлены примеры, отражающие регрессивную диссимиляцию [к] (а также его звонкого коррелята [г]) перед смычными различных мест образования.

[кк] → [хк]: *х кинеше^Нмскому* 884 об.; *х кинешемъскому* 715; *х кли^Нскому* 1067; *х ко^Сстро^Мскому* 154; *х костро^Мскому* 30 об., 37 об., 133, 110 об., 302, 403, 819, 1059 об., 1199; *х костро^Мскому* 328 об.; *х ко^Сстро^Мскому* 432 об., 592, 700 об.,

¹³² Буквы **ъ** и **ь** в скорописи, как уже говорилось, порой не различаются. При невозможности выбрать один из двух вариантов употребляется символ **h**.

795, 866; *x* *костромскому* 266; *x* *кстроМскому* 432 об.; *x* *костроМскому* 798 об.; *x* *костромъскому* 477, 746 об.

[кп] → [хп]: *x* *половине* 1109 об.; *x* *прежнеи* dat. sg. 859; *x* *прежн(еи)* dat. sg. 862 об.; *x* *пятидесяти* 447.

[кт] → [хт]: *ваденихта* gen. sg. 431 об.; *веденихта* gen. sg. 265, 596, 639; *венедихта* gen. sg. 52, 299, 445 об.; *венедихта* gen. sg. 436, п. р. 739; *вене¹³³дихта* gen. sg. 376 об.; *виكتورо* nom. sg. 16 об.; *галахтио^нкоМ* instr. sg. 840; *галахтионо^в* nom. sg. 699, 706, 853; *галахтионовы* nom. pl. 383; *дехтярка* nom. sg. 698, 915 об.; *полихткоМ* так в ркп. «Полуектком» instr. sg. 811 об.; *феохтистья* gen. sg. 803 x2; *феох^ьтиста* gen. sg. 768 x2; *феф[и]лахть* nom. sg. 297; *x* *тому* 292; *x* *тои* 153, 302 об., 476 об.; *x* *треМ* 763 об., 928 об., 929 об.; *x* *тремя* 862 об.; *x* *трехна^тцати* 302; *x* *три^тцати* 477, 928 об., 929 об.; и др.

[кч'] → [хч']: *x* *четырма* 110 об.; *x* *четыРмя* 477.

Встретился также один пример с упрощением сочетания согласных.

[кт] → [хт] → [х]: *полиехко* nom. sg. 1212.

Имеется также несколько примеров подобной диссимилиации в позиции перед последующим звонким согласным.

[гг] → [үг]: *x* *галицкоМу* 1067 об.

[гд] → [үд]: *x* *двѣмастоМ* 37 об.; *x* *двѣсти* 763 об.; *x* *девяноту* 763 об.

Регрессивное ассимилятивное озвончение проходило во всех диалектах древнерусского языка последовательно [Галинская 2015: 104], а значит, можно утверждать, что тут представлен именно звонкий [ү], а не его глухой коррелят [х].

Таким образом, получаем следующий набор позиций для диссимилиации рассматриваемого типа в говорах, отраженных в **Костр.**¹³⁴:

¹³³ Исправлено из **и**.

¹³⁴ Что касается современных русских говоров, то в них подобная диссимилиации, по данным Е.Г. Буровой [Бурова 1967], встречается в следующих позициях (пять моделей): только перед глухим заднеязычным [к]; перед

Чаще перед глухими: [кк] → [хк], [кт] → [хт], [кч'] → [хч'], [кп] → [хп].

Реже перед звонкими: [гг] → [уг], [гд] → [уд].

Необычным представляется аналогическое распространение данного явления на позицию перед звуком [с], подобный пример встретился лишь один: *х старому* 928 об.

Примечательно, что в данной позиции ([к] перед [с]) замена взрывного на фрикативный является уже ассимиляцией, а не диссимиляцией.

Е.Г. Булова в статье [Булова 1967] отмечает, что в ряде современных костромских говоров (между Боровичами и Чагодой, возле Галича, а также в разрозненных деревнях) реализация предлога *к* посредством [х] не ограничивается положением перед взрывными согласными, но встречается в одних говорах также и перед фрикативными (*х сем'йи*), в других – в позиции перед сонорными и [в] (*х лошад'и*), а в третьих – даже перед гласными (*х этому*), что свидетельствует об освобождении данной реализации от обусловленности фонетическим контекстом [Булова 1967: 218].

Похоже, что пример *х старому* 928 об. отражает начальную стадию этого процесса.

Можно отметить также и встретившийся пример уже лексикализованной диссимиляции [кр] → [хр]: *хресцово кресцово то* жс 891 об.

В современных русских говорах на месте звука [к] в указанной позиции встречаются и губно-зубные: [в] перед звонкими, [ф] перед глухими смычными согласными, – однако область распространения подобной реализации сильно ограничена. В ДАРЯ [ДАРЯ 1: карта 88] она представлена лишь в позиции перед глухими согласными звуками [к], [т] и [п] на следующих территориях.

1. Небольшой ареал вблизи озера Воже к северо-западу от озера Белое. Примеры в позиции перед заднеязычным и губным глухими смычными согласными.

[кк] → [фк], [кп] → [фп]: [ф] *козэ*; [ф] *пону*.

глухими взрывными [к], [т] и [п]; перед глухими взрывными [к], [т] и [п], а также перед звонким заднеязычным [г]; перед [к], [т], [п], [г], [д] и [б]; перед заднеязычными [к] и [г] [Там же: 215].

2. Небольшой ареал западнее Пошехонья с примерами в позиции перед глухим заднеязычным согласным.

[кк] → [фк]: [ф] кому́.

3. Небольшой ареал с примерами в позиции перед глухим зубным согласным южнее Кологрива.

[кт] → [фт]: [ф] товарищу́.

4. Пять небольших ареалов в верхнем Поветлужье.

а. Два ареала с примерами в позиции перед всеми глухими смычными согласными.

[кк] → [фк], [кт] → [фт], [кп] → [фп]: [ф] кому́; [ф] тому́; [ф] парню́.

б. Три ареала с примерами только в позиции перед глухим заднеязычным согласным.

[кк] → [фк]: [ф] коза́.

5. Небольшой ареал к западу от Калязина, примыкающий вплотную к Волге. Примеры только в позиции перед глухим зубным согласным.

[кт] → [фт]: [ф] товарищу́.

Более подробно речь о лингвистической географии данного явления пойдет ниже.

Несколько подобных интересных примеров, где буква **к** заменяется буквой **в**, удалось обнаружить и в **Костр.**

[кк] → [фк]: *к волого^тцкому да в костромскому* 884 об.; *к старому е^с в костро^мскому* 81; *к старому его в костро^мскому* 451; *потулову в костро^мскому ево* 400 об.

[кт] → [фт]: *а в тому за^ммищу* 1187 об.; *да в тому же се^лцу чернышеву* 1187 об., 1188.

[гг] → [вг]: *къ старому е^с поме^сю в гали^цкому* 1047 об.

Написания эти принадлежат разным писцам:

к старому е² в костромскому 81, – Плесской осады Тугаринко Хумаев (город Плес расположен приблизительно в сорока километрах вниз по течению реки Волги от Костромы);

к вологодскому да в костромском 884 об., – Любимко Кишенской (территориальная принадлежность не установлена);

къ старому е² помею в галицкому 1047 об., – Рождества Пречистой Богородицы дьячек Аврамко Анфиноенов (территориальная принадлежность не установлена);

а в тому замещу 1187 об.; *да в тому же селцу чернышеву* 1187 об., 1188, – дьячек Ивашко Ларивонов (территориальная принадлежность не установлена).

Для приведенных выше примеров диссимиляции, получаем, таким образом, три позиции и следующие реализации.

Чаще перед глухими: [кк] → [фк], [кт] → [фт].

Реже перед звонкими: [гг] → [вг].

Отдельно приведем единственный пример подобной замены в позиции перед [j]: *отделиль корцову въ его помѣстью къ двацати* 921 об. Типичным его назвать нельзя, и речь здесь может идти либо о развивающемся смещении предлогов, либо о влиянии первого звука существительного *помѣстью*, либо же о банальной опiske.

Гораздо интереснее выглядят условно обратные замены в позиции перед [п], отсутствующей среди прямых отражений рассматриваемого явления, когда на месте ожидаемого предлога *в* обнаруживается буква *х*: *припуще^нна х поле* 804; *три^тцат^т деветь че^твертеи х поле* 805.

Ранее написания, свидетельствующие о подобных реализациях, были обнаружены Е.А. Галинской в четырех текстах в составе рукописи 1620–1634 гг., где представлены различные (отказные и пр.) записи по Вологодскому уезду (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 14821; лл. 56–58 об., 65–67 об., 70–72, 74–78 об.), написанные никольским церковным дьячком Лисинского стана Водожской волости Вологодского уезда Замятенкой Ивановым [Галинская 2008]. По

современному диалектному членению Водожская волость оказалась бы северо-западной окраиной Костромской группы, уже граничащей с Вологодской. Ряд характерных особенностей, отраженных в данных документах (главным образом переход <ё> в [и] лишь перед мягким согласным не только в ударенной позиции, но также и в позиции первого предударного слога), не оставляют сомнений в том, что говор писца отражает характерные северо-восточные особенности [Там же: 155–158].

Наиболее яркий пример, где представлены практически все позиции сразу, выглядит так: *пошло в болоту а о^т болота в крутому ручю в дороге что о^т дрвни каРповские*. Понадобится и следующий отрывок: *о^т березы в^ерхъ по ручю в полю*. Поскольку писец последовательно отражает диалектные особенности своей фонетики, а графически здесь представлено определенно **в**, а не **д**, значит, сомнений не остается: предлог *к* реализуется как [в] перед [б] и [д], как [ф] же перед [п] и [к] [Там же: 156, 157].

Обратимся к лингвистической географии данной нестандартной диссимилиации в современных говорах.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: карты 87, 88], а также по записям, приведенным в тетрадях Е.Г. Буровой [Бурова 1967], данное явление в севернорусских говорах представлено не то, чтобы широко, но в позиции перед глухими согласными все же шире (единичные населенные пункты с примерами перед всеми глухими взрывными, шесть населенных пунктов с реализацией в [ф] либо лишь перед [к], либо лишь перед [т]), чем в позиции перед звонкими (примеры из тетрадей Е.Г. Буровой для двух деревень, причем в одной в позиции перед [б], [г] и [д], в другой же только перед [д]) [Там же: 220].

В трех населенных пунктах, два из которых (деревня Никитино и деревня Хорошая) находятся в Костромской области, а один (деревня Кузнецово) – в Вологодской, примеры с губно-зубным обнаруживаются перед всеми глухими взрывными. Отметим также, что именно в деревне Никитино и в деревне Хорошая подобные примеры имеются и в позиции перед звонкими согласными: в первой лишь перед [д], во второй же перед [г], [д] и [б] [Там же: 220].

На карте [ДАРЯ 1: 88] представлено также шесть населенных пунктов с реализацией в [ф] либо только перед [к], либо же только перед [т], причем один из них, а именно деревня Акишево Пречистенского района Ярославской области (примеры только перед [к]), относится к Костромской группе говоров.

Хотя количество обнаруженных в **Костр.** примеров и невелико (представлены они, впрочем, в разных отказах и у разных писцов), можно утверждать, что эта редкая диалектная особенность в XVII в. простиралась за пределы региона между Пошехоньем и Вологдой достаточно далеко на юго-восток, а столь высокая дисперсность обусловлена периферийностью костромского ареала по отношению к центру распространения явления (ср. вологодские примеры в [Галинская 2008], свидетельствующие о достаточной регулярности данной диссимилиации в некоторых вологодских говорах в прошлом, а также ее современный ареал). Более регулярному его отражению, как уже было сказано, могли мешать также орфографическая выучка писцов и традиция.

Таким образом, эта редкая диалектная особенность раньше была шире (как территориально, так и в плане позиций) представлена в регионе между Пошехоньем и Вологдой [Галинская 2008: 158], а примеры, обнаруженные в **Костр.**, показывают, что в начале XVII в. территория ее распространения доходила до Волги ниже Костромы.

Обратимся к причинам, обуславливающим рассматриваемую диссимилиацию.

Переход [к] в губно-зубные согласные преимущественно перед глухими взрывными представлен в настоящее время всегда в сосуществовании с диссимилиацией данного звука и его переходом в [х] [ДАРЯ 1: 88]. То же самое, как можно видеть по примерам из **Костр.**, а также и по примерам, представленным в статье [Галинская 2008], было справедливо и для XVII в.

Речь, таким образом, идет о переходе фрикативного заднеязычного во фрикативный губной. Связь данных звуков не удивительна: вспомним диалектные мены [ф], [х] и [хв], а также ряд мен во флексиях субстантивного и адъективного

склонений. С точки зрения акустической характеристики она состоит в том, что оба они являются низкими [Фант, Халле, Якобсон 1962: 193–195].

Реализация же начального <в>, в том числе и предлога *в*, как [ʏ] или [ɣ] перед звонким согласным и как [x] перед глухим ([ʏ лесу́] и [x пескѣ́]) [ДАРЯ 1: 57] представлена шире, чем переход [к] → [x] → [ф], однако изредка их ареалы могут совпадать [Галинская 2008: 159].

Рассматриваемая диссимилиция [к] по месту образования могла быть частично фонетической, а частично и гиперкорректной. Предполагается следующая последовательность: в северных русских говорах первоначально проходила диссимилиция в группах, состоящих из <в> и губно-зубных согласных в начале слова, а затем данная закономерность была распространена на позицию и перед другими согласными звуками, причем большую роль здесь сыграл предлог *в*, однако со временем произношение типа [x пескѣ́] и [ʏ лесу́] стало осознаваться как неправильное, и, наконец, когда в данных позициях соответствующие «неправильные» звуки стали заменяться на [в] и [ф], под данную гиперкоррекцию попали и старые диссимилиативные реализации предлога *к*, также заменившиеся губно-зубными реализациями [Там же: 159].

Именно эта особенность, вероятно, и отражается в условно обратных примерах *припуще^нна х поле 804* и *три^тца^т деветь че^твертеи х поле 805*.

Подчеркнем, что в исследованной Е.А. Галинской вологодской рукописи подобных примеров не было. Будучи обнаружены в **Костр.**, они лишней раз подтверждают верность фонетической трактовки примеров *а в тому за^имищу 1187 об.*; *да в тому же се^лцу че^рнышеву 1187 об., 1188*; *к волого^тцкому да в костромскому помѣстью 884 об.*; *к старому е^с в костро^мскому помѣстию 81*; *к старому его в костро^мскому помѣстью 451*; *потулову в костро^мскому ево помѣстью 400 об.*

Таким образом, совокупность обнаруженных в **Костр.** примеров позволяет видеть за ними именно фонетическую особенность: реализацию [к] (в примерах

на месте предлога *к*) посредством [ф] перед [к] и [т] (и, возможно, перед [п]) и посредством [в] перед [г] и [д].

Встретилось также и одно написание, которое представляет собой прямое отражение диссимиляции [тт] → [кт]: *о^к того* 296. Однако данных о современной его распространенности в костромских говорах нет.

Лингвистическая география диссимиляций более стандартных и регулярных является следующей.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 88] в современных говорах к северо-востоку от Костромы преобладает реализация <к> как [х] перед [к], [п] и [т], которая представлена вытянутым пятном, накрывающим Галич и Чухлому, доходящим на северо-востоке до Кологрива, а на севере до Солигалича, однако не дотягивающимся до Костромы. В районе Галича, а также чуть севернее последнего зафиксирована экспансия данной закономерности на позицию перед фрикативным и/или сонорным согласным и/или гласным. Ближе к Костроме, южнее Чухломы, а также западнее Кологрива в различных комбинациях сосуществуют следующие модели: [х] перед [к], [х] перед [п] и [х] перед [т].

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 87] на рассматриваемой территории реализации предлога *к* перед звонкими взрывными согласными представляют собой менее последовательную картину, чем в позиции перед глухими. Вариантами, отличающимися от стандартных, они, по большей части, представлены в пределах того острова, где перед глухими произносится [х] во всех позициях, его границы были описаны выше. В его же границах лишь два ареала демонстрируют [γ] перед [б], [г] и [д]: один южнее Солигалича, другой западнее Галича. На остальной территории в разных комбинациях представлены [γ] перед [б], [γ] перед [г] и [γ] перед [д]. Районы экспансии фрикативной реализации на позицию перед фрикативным и/или сонорным согласным и/или гласным, разумеется, совпадают с вышеописанными.

В диалектных записях удалось обнаружить лишь примеры диссимиляции [кт] → [хт] в местоимении *кто*, представлены они и в южной (с неполным

оканьем), и в северной (с полным оканьем) части рассматриваемых говоров: *н'ихтó ево́ н'е трóгаат* А-0266, *кто д'е* ЭБРНГ-392, *кто пр'ијéd'ет* ЭБРНГ-392, *кто н'ь уб'ар'óццъ*, ЭБРНГ-392, и др.

Таким образом, можно заключить, что основная тенденция, представленная сейчас в говорах на рассматриваемой территории ([х] перед [к], [п], [т]), была представлена там уже в начале XVII в., и, кроме того, схожая диссимиляция осуществлялась также и перед звуками [г] и [д] (озвончение в данной позиции проходило определенно, однако отражения не нашло, а значит, звук [γ] был здесь возможен хотя бы как позиционно обусловленный). Важными оказываются также отражение в **Костр.** крайне редкой реализации предлога *к* губно-зубными звуками перед глухими [к], [т] (и, возможно, [п]) и звонкими [г] и [д] и освобождения реализации предлога *к* посредством [х] от обусловленности фонетическим контекстом с последующим ее распространением на позицию перед фрикативным [с], а также представленная лишь одним примером диссимиляция [тт] → [кт].

3.13. Упрощения групп согласных

Исследованные тексты отличаются большим количеством примеров, отражающих упрощения групп согласных, как гомогенных, так и гетерогенных. Очевидно, в ряде случаев упрощению предшествовали различные ассимиляционные процессы, поэтому примеры, представленные в данном разделе, в ряде случаев, во избежание излишней распространенности материала, не дублируют те, что были представлены в предыдущих.

Приведем обнаруженные замены, далеко не все, а лишь достаточное количество, распределив их по сочетаниям звуков, участвующих в процессе. Сначала будут даваться прямые, а затем гиперкорректные отражения. Распределения в зависимости от позиции в слове проводиться не будет.

Для начала рассмотрим гомогенные сочетания согласных.

Прямые отражения [вв]/[вв'] → [в]/[в']: *веде^нсково* gen. sg. 599 об., п.р. 715; *веде^нского* gen. sg. 718; *веде^нское* nom. sg. 596; *веде^нскои* nom. sg. п.р. 598, п.р. 716; *веде^нскои* nom. sg. 266 об., п.р. 352, 718, п.р. 810; *веде^нско^м* loc. sg. 596, 599

об. х2, 601; *веде^нскому* dat. sg. 598; *ведень^ское* nom. sg. 431; *веде^ня* gen. sg. п.р. 839; *ведь^нско^и* nom. sg. 437 об.; *в костро^мскомь уѣзде волости в немде да волости в куси* 583; *за тимофие^м волости* так в ркп. «за Тимофеем в волости» 417; *по во^зно^и грамоте* 283 об.; *приеха^в велено уѣзде* loc. sg. так в ркп. «приехав в веленый уезд» 939 об.; и др.

Гиперкорректные отражения [вв] → [в]: *вверхъ шатровои* 940 об.; *во^нчь* 194 об., 331, 331 об., 332 х2, 332 об., 333, 333 об., 335, 335 об. х2, 336 х2, 337, 337 об., 338; *в^семи* instr. pl. 84; *в^опче* 588; *вв'опчь* 161 об.; *в ва^ндо^мско^м стану* 452; *в всорохот^цко^и*¹³⁵ *волости* 440 об.; *в во^нче* 651; *в' во^нче* 136 об.; *да вва^ндомско^м* loc. sg. 579 об.; *половина в'врага* 711 об.; и др.

Гиперкорректные отражения [бб] → [б]: *об^быде^нниково* nom. sg. 596 об.

Гиперкорректные отражения [мм] → [м]: *с ти^ммош^ккою* 92.

Прямые отражения [дд] → [д]: *нада^л* 417 об.; *надачею* instr. sg. 22, 23 об., 24, 25 об., 100, 154, 294, 294 об., 334, 338 об., 395 об., 396 об. х2, 397 х2, 397 об., 417, 417 об., 418 об., 424 об., 471, 473, 480 х2, 599 об., 792 об., 867; *надачею* instr. sg. 80 об., 599; *о^дг^лные* асс. pl. 700; и др.

Гиперкорректные отражения [дд] → [д]: *наряд^дски^х* gen. pl. 859 об.

Прямые отражения [дт] → [тт] → [т]: *по тг^м же село^м* 941 об.

Прямые отражения [тд] / [т'д'] → [дд] / [д'д'] → [д] / [д']: *на одиле* 27; *одано* nom. sg. 20о. х2.

Гиперкорректные отражения [тд] → [дд] → [д]: *от^доевскаго* gen. sg. 50.

Гиперкорректные отражения [тт] → [т]: *от^тец* nom. sg. п.р. 712 об.

Гиперкорректные отражения [лл] → [л]: *о^ллекк^стьеву* dat. sg. 700 об.

Прямые отражения [нн] → [н]: *а^нене^н*¹³⁷ dat. sg. 599 об.; *десетино^с* gen. sg. 786 об.; *десетины^и*¹³⁸ nom. sg. 132 об.; *десетины^м* instr. sg. 289 об.; *др^вня*

¹³⁵ Ср. *в сорохот^цко^и волости* 441 об.; *в сорохот^цко^и воло^сти* 471 об.

¹³⁶ Другим почерком и чернилами вставлено д.

¹³⁷ В выносе дописано другими чернилами не.

икониково 640; *непашеного* gen. sg. 113 об., 585, 944; *непашено²* gen. sg. 81; *пашено²* gen. sg. 641 об., 648 об. х2, 652 об., 944, 945, 946 об., 947 об., 948; *пашеного* gen. sg. 585 об., 588, 651, 667 об., 942, 947; *сторони^х* acc. pl. 639; *стороны^х* acc. pl. 396; и др.

Гиперкорректные отражения [нн] → [н]: *ива^нна* gen. sg. 779 об.; *припуще^нна* nom. sg. 804, 804 об.; *раме^нния* gen. sg. 936 об.

Прямые отражения [зз]/[з'з'] → [з]/[з']: *да заимищем* так в ркп. «да с займищем» 28 об.; *троимо^в зяте^м* так в ркп. «Троимов с зятем» 307 об.

Гиперкорректные отражения [зз] → [з]: *беззря^д василев^в* nom. sg. 27; *зз дъвкойо* 925.

Прямые отражения [сс] → [с]: *бесоново* nom. sg. 584; *бъсонъ* nom. sg. 133 об.; *василев^в сно^м* 824; *спасково* gen. sg. 916 об.; *спаского* gen. sg. 427 об., 428; *спаско^и* nom. sg. п.р. 818, 819 об., 927; *спиридонов^в сно^м* 823 об.; *уваров^в сыно^м* 831 об.; *устинов^в сно^м* 824 об.; *федорова сыно^м* 945; и др.

Гиперкорректные отражения [сс] → [с]: *дъвяно^ссто* nom. sg. 152 об. х2; *о^ссипу* dat. sg. 120; *пол оо^ссмы* так в ркп. 597 об.; *поросло* 650 об.; *сс дъвъ* 937; *с^со власко^м* 622; *ссуди^словскои* nom. sg. 37; и др.

Прямые отражения [тк] → [кк] → [к]: *три^тца копен^н* 889; *шестьдеся копен^н* 840 об.

Прямые отражения [кк] → [к]: *сорок¹³⁹опен^н* 48 об.

Гиперкорректные отражения [кк] → [к]: *о^лекк^ксьева* gen. sg. 700 об.; *о^лле^кк^ксьеву* dat. sg. 700 об.

¹³⁸ Здесь своим орфографическим обликом могло оказывать влияние производящее существительное *десятина*. То же самое справедливо и для последнего примера в группе, где, в свою очередь, могло влиять написание существительного *сторона*.

¹³⁹ Вписано дополнительное выносное *к* другим почерком и чернилами. Здесь (равно как и в предыдущем примере) можно, конечно, предполагать и импозивную реализацию первого [к], которая, обладая меньшей звучностью, могла не так легко фиксироваться писцом на слух, как обычная, особенно в аллегровом темпе речи.

Изменения, представленные в данной группе примеров, совершенно закономерны. Теперь обратимся к гетерогенным сочетаниям согласных.

Прямые отражения [в'л'ск] → [л'ск]: *яко^лского* gen. sg. п.р. 676; *яо^лскова* gen. sg. так в ркп. 679.

Относительно более широко представлен иной вариант упрощения данного консонантного кластера.

Прямые отражения [в'л'ск] → [в(')ск]: *мстисло^вские* gen. sg. 814 об.; *пересла^вскому* dat. sg. 645; *судисло^вские* gen. sg. 662; *яросла^вскому* dat. sg. 715; *яро^сла^вскому* dat. sg. 890.

Иные упрощения в позиции перед аналогичным суффиксом представлены следующими примерами.

Прямые отражения [мск] → [мк]: *зе^мко дьичекъ* nom. sg. так в ркп. 661 об.; *кузе^мко^м* dat. sg. 934.

Прямые отражения [тск] → [ск]: *из^ба скоская* nom. sg. 345 об.

Прямые отражения [нск] → [ск]: *бгоя^вле^ско^и* nom. sg. п.р. 805; *вадескои* nom. sg. так в ркп. «введенский» п.р. 754; *рожествеско^и* nom. sg. п.р. 734.

Прямые отражения [ж'ск] → [ск]: *кореские* gen. sg. 777; *кули^скую волость* acc. sg. 345 об.; *кули^скои* loc. sg. 442 об., 759.

Прямые отражения [л'ск] → [ск]: *никоско^и* nom. sg. п.р. 658.

Прямые отражения [гск] → [ск]: *вичюско^м* loc. sg. 775.

В большинстве примеров (кроме тех, где в исходном сочетании представлены губные согласные) наблюдается избегание скопления согласных, что приводит к сохранению согласных суффикса при отбрасывании консонантной финали основы.

Перейдем к остальным упрощениям гетерогенных сочетаний согласных, обнаруженным в исследованных документах.

Прямые отражения [пл'] → [л']: *леско^м¹⁴⁰* loc. sg. 778, 933 об.

¹⁴⁰ Ср. *плеско^м* loc. sg. 754 об., 773.

Прямые отражения [мн] → [н]: *сена^{тца^т}* nom. sg. 691.

Гиперкорректные отражения [д'ч'] → [т'ч'] → [ч']: *федчицево¹⁴¹* nom. sg. 146 об.

Прямые отражения [тв'] → [в']: *чевеРть* nom. sg. 831 об.

Прямые отражения [т'ч'] → [ч']: *вочины* gen. sg. п.р. 70; *клетчатая* nom. pl. 134 об.; *пачерицею* instr. sg. 289 об, 290 об.; *пачирице* dat. sg. 287 об, 290 об., 294.

Прямые отражения [т'к] → [т'т'] (→ [т']): *фет^тою* instr. sg. 755.

Прямые отражения [л'н] → [нн] (→ [н]): *от^тдинным* dat. pl. п.р. 583; *отд^тгна^{мь}* dat. pl. так в ркп. п.р. 772.

Прямые отражения [л'ј] → [л'л'] (→ [л']): *или* dat. sg. 755.

Прямые отражения [н'т'] → [т']: *ла^врете лыко^в* так в ркп. nom. sg. 99; *лево^тье^м* instr. sg. 861 об.; *лево^тьемь* instr. sg. 862; *мелетье^м* instr. sg. 197; *оти^невь* nom. sg. 863; *пятеле^гя* gen. sg. так в ркп. 802.

Прямые отражения [н'с'т'] → [с'т']: *косте^ттиновича* gen. sg. 679 об.; *костя^ттино^в* nom. sg. 870 об.

Прямые отражения [нтк] → [нк]: *нифанко* nom. sg. 611 об.

Гиперкорректные отражения [нл'] → [л']: *ин^лича* gen. sg. 782.

Гиперкорректные отражения [нг] → [г]: *к^нин^самь* dat. pl. п.р. 689.

Прямые отражения [нг'] → [г']: *архаги^лско по^н* nom. sg. п.р. 116; *архаги^лско^и* nom. sg. п.р. 133.

Прямые отражения [здв'] → [зв']: *во^звиже^нскои* nom. sg. п.р. 769 об.

Прямые отражения [с'т'] → [с']: *кре^сянь* gen. pl. 583 об.; *кре^сяны* instr. pl. 284; *кре^сянинь* nom. sg. 284 об.; *пом^тся* gen. sg. 198 об., 200 об., 282 об. х2, 332 об. х2, 411 об., 442 об., 443; *хре^сяни^н* nom. sg. 314 об.; и др.

¹⁴¹ Топоним, название пустоши, ср. *фечицевы^м* instr. sg. 79 об.

Прямые отражения [с'т'д'] → [с'д'] → [з'д']: *ше^здеся^т* nom. sg. 41 об., 167, 287 об., 323 об., 337 об., 667 об., 682, 699, 705 об.; *ше^сдеся^т* nom. sg. 288, 291 об., 292; *ше^сдесять* nom. sg. 747, 747 об.

Гиперкорректные отражения [стл] → [сл]: *поростла* 784.

Прямые отражения [стл'] → [сл']: *исле^неву¹⁴²* dat. sg. 822 об., 825.

Прямые отражения [стн] → [тн]: *ше^тна^тца^т¹⁴³* acc. sg. 106.

Прямые отражения [стн] / [с'т'н'] → [сн] / [с'н']: *бе^звъсно* adv. 791; *наме^сникова* gen. sg. 217 об., 220 об.; *пове^рснаго* gen. sg. 804; *пове^рсного* gen. sg. 586, 587, 588, 667 об.; *ше^снаца^т* nom. sg. 332, 643 об.; *ше^снаца^т* nom. sg. 291, 292, 641 об.; *ше^снацать* nom. sg. 920 об.; и др.

Гиперкорректные отражения [ср] → [р]: *ста^сроста* nom. sg. 808.

Гиперкорректные отражения [скн] → [сн]: *о^тписькны^х* gen. pl. 659.

Прямые отражения [стк] → [ск]: *невъска* nom. sg. 824.

Прямые отражения [с'т'к] → [с'к]: *ко^скою* instr. sg. 824 об., 829.

Прямые отражения [стк'] / [с'т'к'] → [ск'] / [с'к']: *недороски* nom. pl. 156 об.; *челю^сскина¹⁴⁴* gen. sg. 90 об. 91; *челю^скины* nom. pl. 10о. х2; *челю^скины^М* dat. pl. 91 х2.

Гиперкорректные отражения [с'ш'] → [ш'ш'] → [ш']: *гри^зшкою* instr. sg. 156 об.

Прямые отражения [сч'] → [ш'ч'] → [ш'ш']: *ше^тве^ртию¹⁴⁵* instr. sg. 100 об.

¹⁴² Ср. *истл^гньева* gen. sg. 821.

¹⁴³ Здесь, однако, можно признать и стандартное упрощение [с'т'] → [с'], но с некоторой ориентацией на «правильное» написание (наличие т выносного, отражающего утерянный звук, но отсутствие с).

¹⁴⁴ Здесь представлено также еще одно гиперкорректное отражение упрощения [сс] → [с].

¹⁴⁵ Здесь, возможно, упрощения не было, а была лишь ассимиляция [сч'] → [ш'ч'], однако, как уже было специально оговорено в разделе 3.4., посвященном качеству долгих (сложных) шипящих согласных, как звонкий, так и глухой шипящий были в говорах, отраженных в исследованной отказной книге, скорее всего, именно долгими. Данный пример, однако, приведен в вышеупомянутом разделе, как отражающий, возможно, окказиональную сложную реализацию глухого шипящего согласного.

Прямые отражения [зж'] → [ж'ж']: *жжжеребем* instr. sg. 598 х2, 601 х2; *жжжеребями* instr. pl. 599 об.; *жжюребеМ* instr. sg. 598.

Прямые отражения [сц] → [сс] → [с]: *писовыиМ* dat. pl. 936 об.; *писовыиМ* dat. pl. 937.

Прямые отражения [ч'ш'] → [ч'ч'] (→ [ч']): *лучие* nom. pl. 417 об.; *лучичие* gen. sg. 774 об.

Прямые отражения [кл] → [л]: *въ ево ола^д* 611 об.

Как видим, в данном случае примеров также оказалось немало. Следовательно, можно заключить, что упрощение различных групп и сочетаний согласных было совершенно обычным явлением для костромских говоров XVII в., отраженных в исследованных деловых текстах.

Отдельно представим упрощения в сочетаниях типа [стр], где сонорному вибранту предшествует взрывной.

Прямые отражения [ндр] → [нр]: *алексанровско^и* п.р. 748

Прямые отражения [стр] → [ст]: *елиста^тевь^ская* nom. sg. 646 об.

Впрочем, есть основания полагать, что сочетание [стр] могло упрощаться также и до [тр], либо же до [ср].

Гиперкорректные отражения сочетание [стр] → [тр]: *по^л стре^тника* 580 об.

Гиперкорректные отражения сочетание [стр] → [ср]: *струба^х* loc. pl. 828 об.

Впрочем, в последнем примере можно видеть и эпентезу взрывного, вполне обычную в подобных сочетаниях, ср. *ндравиться* или нормативное *встретить*.

Приведем также и примеры, демонстрирующие упрощение в форме дательного падежа числительного *шесть*.

Прямые отражения [ш'(е)с'т'] → [ш'т']: *ш^{ти}* dat. sg. 682 об., 746 об., 819, 866.

Отдельно выделим также и следующие пять замен в одном типе гетерогенных сочетаний.

[ч'т] → [ш'т]: *потому што онъ в грамоте не умие^m* п.р. 744 об.; *што* 172 об., 311 об. х2, п.р. 349.

Известно, что история различных реализаций данной лексемы могла быть особой, мы, однако, не располагаем достаточным количеством примеров, чтобы сделать какие-либо выводы, и здесь, очевидно, имеем дело лишь с утратой смычки у первого звука в сложном для произношения комплексе.

Следует также отдельно рассмотреть две группы упрощений. Во-первых, в исследованных текстах был обнаружен ряд написаний, которые можно считать различным графическим отображением одного и того же комплекса звуков. Приведем их ниже, распределив в зависимости от особенностей самих сочетаний звуков и сопутствующих орфографических особенностей.

[дс] →/= [дц] без графического восстановления последнего звука в корне: *люцско^m* ном. sg. 74; *люцки^x* gen. pl. 147 об., 621 об.; *люцкова* gen. sg. 196.; *люцко^m* ном. sg. 166 об., 377, 381 об. х2, 615, 618 об., 848 об., 852; *люцкые* ном. pl. 135; и др.

[дс] →/= [дц] с графическим восстановлением последнего звука в корне: *бесе^oцкое* ном. sg. 422 об.; *бугоро^oцкаго* gen. sg. 160; *бугоро^oцкои* ном. sg. 115, 117 об.; *бугоро^oцко^m* loc. sg. 491 об.; *бугоро^oцко осаде* loc. sg. 925 об.; *лю^oцкое* ном. sg. 601; *лю^oцко^m* ном. sg. 199, 208 об., 211, 579, 645 об., 890; *лю^oцкои* loc. sg. 789 об.; *лю^oцкие* ном. pl. 925 об.; *лю^oцкии^x* gen. pl. 941 об.; *лю^oцких* gen. pl. 869 об.; *лю^oцки^x* gen. pl. 162, 195, 475 об., 596, 611, 789 об., 869 об.; и др.

То же самое с отражением позиционного оглушения в середине фонетического слова: *лю^mцки^x* gen. pl. 70.

[тс] →/= [тц] без графического восстановления последнего звука в корне: *в^oцко^m* loc. sg. 867, 894 об.; *уп^oцкова* gen. sg. 309, 414 об.; *уп^oцкаго* gen. sg. 279 об.; *уп^oцкаго* gen. sg. 113 об., 121, 594 об., 680; *уп^oцско^o* gen. sg. 303; *сорохо^oцко^m* loc. sg. 216; *сорохо^oцкои* loc. sg. 219, 866 об.; *нерехо^oцкую* асс. sg. 287; *нерехо^oцкои* loc. sg. 293 об., 918; *нерехо^oцко^m* loc. sg. 919; и др.

[тс] →/= [тц] с графическим восстановлением последнего звука в корне: *высо^тцкова* gen. sg. 45 об.; *высо^тцкого* gen. sg. 16, 16 об.; *высо^тцкое* nom. sg. 62; *нерехо^тцко^и* loc. sg. 39, 161, 258 об., 262 об., 424, 640; *сорохо^тцко^м* loc. sg. 423 об.; *со^тцко^м* loc. sg. 610; *со^тц^тко^м стану* loc. sg., так в ркп. «сотском стану» 43 об.; *трое^те^тцко^и* nom. sg. так в ркп. 264; и др.

В данном случае звуковой комплекс из смычного согласного, относившегося к корню, и глухого фрикативного [с], относившегося к суффиксу, мог восприниматься как одна аффриката (которая сама по себе состоит из смычной и фрикативной фаз).

Подобные написания можно считать прямым отражением либо упрощения группы согласных (если за ними стоит одиночная аффриката [ц]), либо же ассимилятивным изменением группы согласных (если данным написаниям в произношении соответствовали смычный согласный, возможно импловивный, и аффриката), однако предпочесть какой-либо вариант другому нельзя.

Все сказанное выше также справедливо и для сочетаний смычных согласных с аффрикатами как таковыми. Приведем их ниже, но уже не повторяя возможных трактовок данных сочетаний букв.

[дц] → [ц]: *два^тца^т* nom. sg. 39 об., 40, 147 об., 167, 594, 598 х2, 598 об., 601, 773 об. х3, 774, 774 об.; *два^тцати* dat. sg. 20 об.; *дваца^т* nom. sg. 130 об., 649, 649 об. х2, 650 об., 651 об. х2, 652, 653 х2; *дваце^т* nom. sg. 34, 34 об. х2, 839 об. х2, 860 об., 861, 941, 942 об., 943 об., 945 об., 946 об., 947; *девять^тнаце^т* nom. sg. 24; *пя^тна^тца^т* nom. sg. 48 об., 129 об.; *пя^тнаце^т* nom. sg. 26; *три^тца^т* nom. sg. 93, 147 об., 167; *трица^т* nom. sg. 58, 290 об.; *трице^т* nom. sg. 99; и др.

[тц]/[тс] → [ц]: *име^тца* 3 sg. praes. 764 об. х3, 765 об., 766; *остане^тца* 3 sg. praes. 462; *останеца* 3 sg. praes. 851 об.; *оца* gen. sg. п.р. 121, п.р. 791; *наше^тца* inf. 296; *нове^рстаца* inf. 291 об.; *стави^тца* inf. 361 об., 454, 800.

Отметим, что для современных владимирско-поволжских говоров характерен возвратный постфикс с твердым согласным и гласным [а], например:

бою[с], боиш[са]. На северо-востоке же данный постфикс представлен всегда в слоговой форме (без усечения) с мягким согласным и гласным [е]: *бою[с'е], боиш[с'е]* [Пожарицкая 2005: 142, 143].

[ч'с] → [ц]: *галицково* gen. sg. 777; *галицко^М* loc. sg. 776, 779; *галицкому* dat. sg. 98 об., 179 об.; *галицькому* dat. sg. 98; *галиц'ко^{МУ}* dat. sg. 91 об.; и др.

[цс] → [ц]: *баречкова* gen. sg. 856; *боречкова* gen. sg. 847; *боречково* gen. sg. 855 об. х2; *боречкому* dat. sg. 847 об., 852 об., 855 об. х2, 856; *стрелецкои* nom. sg. п.р. 125; *троецько^И* п.р. 683; *троецькои* nom. sg. п.р. 354, п.р. 881 об.; *трооецькие* gen. sg. так в ркп. 726 об.; и др.

Обнаруживаем здесь также и одно гиперкорректное восстановление т: *трое^тцкои* nom. sg. 806; – что лишний раз указывает на нефонетический характер подобных написаний даже в случае их этимологичности (см. выше).

[цкс] → [ц]: *бѣжецкому* dat. sg. 779; *емецкои* loc. sg. 220 об., 641, 692, 712, 729 об.; *емецко^М* loc. sg. 283; *емецкую* асс. sg. 710; *нежецкому* dat. sg. так в ркп. «Бежецкому» 98 об.; и др.

Встречаются подобные перечисленным выше упрощения и в диалектных записях, приведем лишь некоторые из них.

[с'т'] → [с']: *ф ку^с'јах* А-0226, и др.

[ств] → [св]: *в госудáрсво* А-0333, *л'есн'ич'есво* А-0333, и др.

На упрощение конечного сочетания [с'т'] в [с'] прямо указывают следующие написания («шесть»): *шес* nom. sg. 163; *ше^с* nom. sg. 164 об.; – отражения произношения типа [ш'ес'].

Встречены были также и примеры для твердого коррелята данного ауслатного сочетания: (д) *пу^с жи^л в не^М* так в ркп. «двор пуст, жил в нем» 612 х2, 613, 613 об.; *у^зь* асс. sg. 655.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 80] в настоящее время к северо-востоку от Костромы широко представлены реализации типа [мос] и [хвос]. Сочетание [ст] в сосуществовании с [с] в данной позиции в подобных лексемах представлено следующими ареалами: протянувшийся с юга на запад от Кологрива (самый

большой), восточнее и западнее Галича (второй по величине), а также рядом ареалов поменьше (к северу от Солигалича, к северу от Костромы и др.). О лексемах же типа *гость* и *кость* можно сказать следующее: исключительно реализация [с'т'] представлена крайне редко, лишь один чрезвычайно небольшой островок юго-западнее Кологрива; на всей же остальной территории представлено либо исключительно [с'], либо же данная реализация в сосуществовании с [с'т']. Территорий, где представлены оба варианта, (окрестности Галича, Солигалича и Чухломы) значительно меньше, чем тех, где упрощение в данной группе согласных прошло максимально последовательно. Несколько шире сосуществование [с'] и [с'т'] представлена в окрестностях Кологрива, наличествует оно также и к северу от Костромы, но преобладает и там последовательное упрощение в [с'].

Все это позволяет заключить, что в говорах, отраженных в исследованной **Костр.**, как и в современных говорах на данной территории, упрощение в позиции конца фонетического слова проходило как в группе [с'т'], так и в группе [ст].

В диалектных записях также удалось обнаружить примеры подобного упрощения, что примечательно – как в сочетании с мягкими согласными, так и в сочетании с твердыми: *дава́ў нам кр'ес* А-0332, *кр'ес ц'елова́т'и* А-0333, *јес' мно́го ч'ужьѝх* А-0332.

Впрочем, как уже было сказано, на сегодняшний день площадь территории, где для мягкого варианта процесс упрощения практически завершился (преобладает [с'] лишь местами в сосуществовании с [с'т']), заметно больше, чем для твердого. Однако утверждать, что подобным же образом дело обстояло и в XVII в. наверняка нельзя, а потому о распространенности этого явления в сравнении с современным состоянием вряд ли можно сделать какие-либо выводы.

Кроме того, в исследованных рукописях примеров для твердого коррелята обнаружилось больше. Однако общее количество написаний, отражающих эту особенность, в исследованных текстах крайне невелико, что может быть обусловлено и влиянием орфографической традиции.

Перейдем к последней группе примеров, где представлены написания **шн** на месте сочетания **-чн-** в основах прилагательных и существительных: *датошнова* gen. sg. 282 об.; *датошное* acc. sg. 283 об.; *дрвни камешника* 588 об.; *дрвни клубушно^с* 801; *заполишнои* nom. sg. 343; *прожитошнаго* gen. sg. 822 об.; *прожитошнова* gen. sg. 411 об.; *прожитошнои* nom. sg. 645; *прожитошное* acc. sg. 69, 71, 98, 99; *прожитошнои* acc. sg. 411 об.; *тутошние* nom. pl. 922 об.; *тутошны^х* acc. pl. 749 об.; *тутошны^х* acc. pl. 639, 847 об.; *тутошныя* nom. pl. 653; *яишни\|цыно* nom. sg. 209 – 209 об.; и др.

Как известно, имеется еще одна диалектная реализация данного сочетания, которую обычно связывают с цоканьем: речь идет о [сн], которому на письме соответствует сочетание **сн**. Но подобных примеров обнаружить не удалось.

Как видим, примеры многочисленны, лексемы разнообразны, и относятся они не только лишь к сфере ономастики.

Данному явлению в ДАРЯ посвящены две карты [ДАРЯ 1: 83, 84]. По данным первой, отражающей сравнительную частоту сочетания [ш'н], треугольник Кострома – Солигалич – Кологрив практически целиком представляет из себя территорию, где демонстрируется наивысшая возможная частотность: 86–100 %. Лишь вокруг Солигалича, а также южнее Галича имеется два сектора, где частота падает, но незначительно: 71–85 %.

Подобные примеры встречаются и в диалектных записях: *каша гр'ешн'еваја* А-0334, *рушнаа шшет'* А-0334, *с п'атошново то зав'ода* А-0265, *јед'инол'ишно ж'ыл'и* А-0332, и др.

Вторая карта посвящена отражениям данного явления в двух лексемах: *яичный* и *мучной*. Так как одна из них, в виде производной, представлена среди приведенных примеров, обратимся к представленным на карте данным. Вариант *яишница* не знает исключений практически на всей рассматриваемой территории, ближайший же и крайне небольшой остров, где представлена реализация *яичница* находится в излучине Унжи в ее среднем течении, что является уже окраиной рассматриваемой территории.

Таким образом, несомненно, что [ш'н] на месте [ч'н] уже существовало и было широко распространено в костромских говорах и в тот период, который отражен в Костромской отказной книге. О реализации же данного суффикса как [сн] нельзя ничего сказать наверняка: примеров, которые могли бы о нем свидетельствовать, обнаружено не было, однако это еще не значит, что и в самих говорах, отраженных в исследованной отказной книге, подобных реализаций не было, так как мешать их отражению могла и хорошая выучка писцов.

Итак, можно заключить, что консонантизм костромских говоров XVII в. характеризовался уже сформированной корреляцией фонем <в> – <ф> и <в'> – <ф'> (характерное для современных костромских говоров изменение начального [вн] → [мн], обнаруживается уже в первой половине XVII в), последовательной реализацией фонемы <г> посредством [г], отсутствием прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных, реликтово мягкими реализациями <ш> и <ж>, долгими твердыми шипящими, реликтово мягкими реализациями фонемы <ц>, реализацией фонемы <ч> как [ч'], позиционным оглушением парных звонких согласных перед согласными и в позиции конца слова, а также различными ассимиляциями и упрощениями групп согласных.

Заключение

Таким образом, материал костромских памятников деловой письменности XVII в. был рассмотрен в сопоставлении с данными современных костромских говоров, что позволило выявить ряд особенностей ударного и безударного вокализма, а также консонантизма, которые были свойственны костромским говорам XVII в.

Обобщение выводов, сделанных на основании материала, представленного в **Костр.**, и данных современной диалектологии, позволяет заключить, что севернорусские костромские говоры в своем развитии претерпели следующие изменения:

1. На месте старой фонемы <ê> в позиции перед мягкими согласными теперь преобладает, везде сосуществуя с [и], звук [е], тогда как реализация [йе] исчезла. В позиции перед твердыми кроме реализации [е] появились окказиональные и периферийные реализации в [и].

2. Полное оканье сохраняется, однако в районе Чухломы находится обширный акающий остров с генетически южными говорами переселенцев, а ближе к Костроме растет число примеров, где на месте <a> во втором предударном слоге представлен [ъ] либо [ы], что свидетельствует о переходе от полного оканья к неполному (владимирско-поволжскому) и отражено также и в части диалектных записей.

3. В безударных слогах после мягких согласных совпадение гласных неверхнего подъема в звуке [е] (независимо от твердости либо мягкости следующего согласного) стало гораздо более регулярным: оно осуществляется не только перед мягкими, но и перед твердыми согласными.

4. Протетический и эпентетический [в] вне лексем *восемь* и *вотчина* представлены лишь крайне небольшими ареалами, преобладает отсутствие данного явления, что свидетельствует о сужении его ареала.

5. Широко распространилось прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных (не только после парных по твердости–мягкости согласных и [ч’], но даже и после [j]).

6. Реликтивно мягкие шипящие [ш’] и [ж’] в современных костромских говорах практически отсутствуют, а немногочисленные имеющиеся примеры обусловлены зависимостью от следующего согласного и/или гласного переднего ряда. Подобной закономерности в материале из **Костр.** не наблюдается.

7. Утратилась, по всей видимости, непозиционная мена твердых/мягких и глухих/звонких согласных.

Остальные особенности рассматриваемых говоров каких-либо изменений не претерпели:

1. Переход [e] в [o] осуществлялся и осуществляется последовательно во всех позициях.

2. Изменение [a] в [e] между мягкими согласными было и остается крайне непоследовательным и нерегулярным.

3. В костромских говорах еще до начала XVII в. сформировалась корреляция фонем <в> – <ф> и <в’> – <ф’>, однако в исследованных документах и в современных говорах обнаруживается ряд следов реализации <в> посредством звонкого лабиовелярного аппроксиманта [w]. Предлог *ув*, ныне в костромских говорах отсутствующий, если и был в первой половине XVII в. представлен в них, то чрезвычайно непоследовательно. В современных говорах высоко сонорные реализации фонемы <в> опциональны и периферийны, однако все еще достаточно распространены.

4. Типичное для современных костромских говоров изменение начального [вн] → [мн], устойчивое в их центральном массиве, обнаруживается уже в первой половине XVII в.

5. Взрывной [г] последовательно характеризовал и характеризует сейчас костромские говоры.

6. Долгие твердые шипящие, широко распространенные в современных костромских говорах, возникли в них уже к началу XVII в.

7. Сохраняются реликтовые случаи произношения мягкого [ц'] при твердом [ц].

8. На рассматриваемой территории преобладал и преобладает мягкий звук [ч'].

9. В позиции сандхи перед <и> в первой половине XVII в. (как и в XX в.) заднеязычные согласные, по всей видимости, могли и могут выступать в смягченном виде, губные представлены своим основным видом (без смягчения), зубные же могут смягчаться, а могут и крайне непоследовательно сохранять основной вид.

10. Позиционное оглушение согласных перед согласными – давняя неизменная особенность костромских говоров.

11. Оглушение в позиции конца слова в первой половине XVII в. уже имело место, в XX в. сохранение звонкости в данной позиции рассматриваемых говоров представлено лишь окказионально.

12. В XX в. в костромских говорах в различных комбинациях сосуществуют реализации <к> в звуках [х] и [χ] перед различными глухими и звонкими смычными. Имеются ареалы, где представлена модель, близкая к отраженной в исследованных текстах XVII в. ([х] перед [к], [п] и [т]; [χ] перед [д]. Отсутствует лишь [χ] перед [г]). Реализация предлога *к* посредством [х] в позиции перед фрикативным [с], т. е. фонетическим контекстом не обусловленная, на рассматриваемой территории не сохраняется. Предлог *к* перед глухими и звонкими смычными до сих пор может в костромских говорах диссимилироваться в губно-зубные звуки, однако территория распространения этой особенности и набор позиций изменились.

Можно заключить, что рассматриваемые говоры на протяжении их истории демонстрировали ряд особенностей, сближающих их с говорами центра (ростово-суздальскими). Близость эта имела место как в период, предшествовавший отраженному в **Костр.** (именно тогда, например, была сформирована корреляция фонем <в> – <ф> и <в'> – <ф'>), так и в позднейший, когда на данную территорию стали активно проникать такие явления, как прогрессивное

ассимилятивное смягчение заднеязычных, которое в исследованных текстах не представлено практически вовсе.

Новгородские особенности (высоко сонорные билабиальные реализации <в>, цоканье, переход <ё> в [и] во всех позициях), проникавшие на рассматриваемую территорию с севера, хотя и присутствовали на ней долгое время, но удерживались на северной периферии и в основной массив говоров в достаточной мере не проникали.

Литература

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1949. – 335 с.

Аванесов Р.И. О качестве задненебной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русских говорах // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1952, № 2. С. 164–172.

Ардентов Б.П. К изучению Заонежского диалекта // Ученые записки Кишиневского государственного университета, 1952, т. 15. С. 73–90.

Бегунц И.В. Фонетический строй белозерско-бежецких говоров первой половины XVII в.: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 251 с.

Белоруссов Н. Об особенностях в языке жителей Вологодской губернии // Русский филологический вестник, 1887, т. 18, №№ 3–4. С. 193–289.

Бромлей С.В. К истории формирования признака «твердость-мягкость» у заднеязычных фрикативных фонем в русском языке // Русские говоры: к изучению фонетики, грамматики, лексики. М.: Наука, 1975. С. 77–91.

Бурова Е.Г. Диалектные изменения и замены *к* при сочетании его с последующими взрывными согласными (в предложно-падежных конструкциях) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. С. 211–227.

Васильев Л.Л. К истории звука *ть* в московском говоре в XIV–XVII вв. // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1905, т. 10, кн. 2. С. 177–227.

Васильева А.К. Специфика поведения губных спирантов в говорах севернорусского наречия // Диалектология и лингвогеография русского языка. М.: Наука, М., 1981. С. 76–91.

Ващенко Т.Ф. К изучению отказных книг // История русского языка. Исследования и тексты. М.: Наука, 1982. С. 19–40.

Виноградов Н.Н. Причины и время возникновения аканья в Чухломском крае // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1918, т. 22, кн. 2. – 16 с.

Виноградов В.В. Исследования в области фонетики северновеликорусского наречия: очерки из истории звука *ть* в севернорусском наречии // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1922, т. 29, кн. 1. С. 150–245.

Высотский С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. С. 5–82.

Высотский С.С. Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М.: Наука, 1969. С. 5–82.

Галинская Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Издательство Московского государственного университета, 2002. – 272 с.

Галинская Е.А. Нестандартная реализация предлога “К” в истории русских диалектов // Русский язык в научном освещении, 2008, № 2 (16). С. 154–161.

Галинская Е.А. К проблеме отражения цоканья в памятниках русской деловой письменности XVI–XVII вв. // Contemporary Approaches to Dialectology: The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects. Bergen: University of Bergen, 2014. С. 330–343.

Галинская Е.А. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. М.: Ленанд, 2015. – 416 с.

Герасимов М.К. Словарь уездного Череповецкого говора. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1910. – 111 с.

Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Кукушкин И.П. Первая берестяная грамота из Вологды // Российская археология, 2018, № 1. С. 164–172.

Глускина С.М. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах // Псковские говоры. III. Псков: Издательство Псковского педагогического института, 1973. С. 35–51.

Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М.: Издательство Московского государственного университета, 1968. – 192 с.

Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение, 1972. – 160 с.

Грехова Л.П. К истории аканья в костромских говорах // Ученые записки Московского областного педагогического института, 1964, т. 148, вып. 10. С. 499–506.

Грехова Л.П. О вокализме северо-западных костромских говоров XVII в. // Ученые записки Московского областного педагогического института, 1966, т. 163, вып. 12. С. 354–376.

Грехова Л.П. Исследование генетически южновеликорусского образования в северновеликорусском массиве: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966. – 11 с.

Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика / Под. ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. М.: Наука, 1986.

Диалектологический материал по Новгородской губернии, собранный Новгородским Обществом Любителей древности / Обработал Н.Н. Соколов // Русский филологический вестник, 1914, т. 71, № 1–2. С. 312–333.

Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. – 312 с.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.

Зализняк А.А. Древнерусское ударение: общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014. – 728 с.

Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб.: издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1913. – 544 с.

Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука, 1999. – 528 с.

Колесов В.В. Севернорусские чередования согласных, парных по глухости-звонкости // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия истории, языка и литературы, 1963, Вып. 1, № 2. С. 103–112.

Колесов В.В. История русского языка. М.: Academia, 2005. – 669 с.

Колосов М.А. Материалы для характеристики северновеликорусского наречия // Варшавские университетские известия, 1874, № 5. – 37 с.

Колосов М.А. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава: издано в типографии М. Земкевича и В. Ноаковского, 1878. – 266 с.

Копосов Л.Ф. Волгодские говоры XVI–XVII в. по данным местной деловой письменности: Фонетика и морфология: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 21 с.

Копосов Л.Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 234 с.

Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: фонетика и морфология. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 234 с.

Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1959. – 423 с.

Лопухина А.А. Фонетика холмогорского и шенкурского диалектов XVII в.: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 229 с.

Макарий, архимандрит. Описание Ферапонтовской волости // Вестник Императорского русского географического общества, 1854, Ч. II. С. 129–152.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (По материалам лингвистической географии). / Отв. ред. В.Г. Орлова. М.: Наука, 1970. – 456 с.

Пауфошима Р.Ф. Некоторые вопросы, связанные с категорией глухости-звонкости согласных в говорах русского языка // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М.: Наука, 1969. С. 138–215.

Пауфошима Р.Ф. О распределении мягкости в двойных сочетаниях согласных в некоторых окающих говорах // Исследования по русской диалектологии. М.: Наука, 1973. С. 100–106.

Пауфошима Р.Ф. О произношении гласных второго предупредного слога в некоторых русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка. М.: Наука, 1981. С. 25–30.

Пауфошима Р.Ф. Некоторые особенности сандхи в севернорусских говорах // Русские народные говоры: Лингвогеографические исследования. М.: Наука, 1983. С. 35–44.

Пауфошима Р.Ф. О связи характера примыкания и звукового эллипсиса с особенностями фонологической системы (на материале говоров русского языка) // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М.: Наука, 1987. С. 97–104.

Пожарицкая С.К. Русская диалектология: Учебник. М.: Академический Проект, 2005. – 256 с.

Русская диалектология. / Ред. Л.Л. Касаткин. М.: Просвещение, 1989. – 224 с.

Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1. Севернорусские говоры. / Ред. Р.Ф. Касаткина. М.–Бохум: Бюллетень фонетического фонда русского языка, 1991. – 245 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2019. Т. 1–31.

Соболевский А.И. Статьи по славяно-русскому языку. Варшава: издано в типографии М. Земкевича и В. Ноаковского, 1883. – 38 с.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1883–1912. Т. 1–3.

Словарь русских народных говоров. Л.–СПб., 1965–2021. Т. 1–52.

Сущева М.В. Орфографические нормы и возможности отражения диалектных особенностей в деловой письменности первой половины XVII в. (на материале документов г. Великого Устюга): дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. – 231 с.

Толкачев А.И. Основные факторы фонетических изменений в заимствованных греко-христианских именах в древнерусском языке // VII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М.: Наука, 1973. – С.252–271.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. – 444 с.

Хабургаев Г.А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (Консонантизм) // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. Т. 204. Вып. 14, 1967. С. 167–184.

Хабургаев Г.А. Локальная письменность XVI–XVII вв. и историческая диалектология. // Изучение русского языка и источниковедение. М.: Наука, 1969. С. 104–126.

Фант Г. М., Халле М., Якобсон Р. О. Введение в анализ речи: Различительные признаки и их корреляты. Гл. II. Опыт описания различительных признаков // Новое в лингвистике. Вып. 2, 1962. С. 173–230.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 1–4.

Фенне Т. Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian: Pskov 1607. Vol. II. Translation and Transliteration / Ed. by L.L. Hammerich and Roman Jakobson. Copenhagen: Munksgaard, 1970. – 366 с.

Черных П.Я. Язык уложения 1649 г. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей уложенной книги. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. – 374 с.

Шахматов А.А. Исследования в области русской фонетики. Варшава,: Тип. Варшавского учебного округа, 1893. – 318 с.

Шахматов А.А. Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. 1–3 (отд. изд.). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1896. – 215 с.

Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в. Ч. 1 и 2. СПб.: издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1903. – 339 с.

Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг.: Типография Императорской Академии наук, 1915. – 367 с.

Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941. – 285 с.